

анита мейсон

иллюзионист

Иллюзионист
Анита Мейсон

Аннотация
Анита МЕЙСОН. ИЛЛЮЗИОНИСТ
1. Сатир
2. Боги
3. Царствие
4. Ключ
V. Спасение
VI. Спасенные
VII. Империя

Аннотация

Время действия — первый век нашей эры. Место действия — римская провинция Иудея. В эпоху, когда народ ждет прихода мессии, появляется человек, который умеет летать: Симон Волхв — чародей, некромант, изгой, иллюзионист. Ему, которому подвластна древняя магия, бросает вызов одна из местных сект. Их основатель, Иешуа, распят как уголовный преступник, а их духовный лидер — Кефа, или Петр, — отказывается лидерствовать. Но он умеет то, чего не может Симон, и конфликт их мировоззрений драматически разрешается в Риме, при дворе Нерона, заложив основу будущей легенды о докторе Фаусте…

Роман был включен в «букеровский» шортлист в 1983 году.

Анита МЕЙСОН
ИЛЛЮЗИОНИСТ

Пока ты не станешь относиться к тому, что справа, как к тому, что слева, и к тому, что вверху, как к тому, что внизу, а к тому, что было до нас, как к тому, что будет после нас, ты не познаешь Царствия.

Деяния Петра

1. Сатир

Человек стоял на крыше, повернув лицо навстречу восходящему солнцу.

— Начало моего начала…

Он говорил едва слышно, словно сам с собой.

— Источник моего источника, дух духа, огонь…

Рукава его полотняной рубашки колыхались на ветру, дувшем с Великого моря.

— Сделай совершенным мое тело, сотворенное рукой, сохраняющей свое могущество в мире, лишенном света…

Люди, столпившиеся внизу, показывали на него пальцами. Он их не замечал, полностью сосредоточившись на своей воле. Голос его, ставший чужим, зазвучал громко. Человек обращался к восходящему светилу:

— Пусть меня, рожденного смертным смертной женщиной, вознесет сила неиссякаемого во мне духа, рожденного всемогущим…

Воля его становилась все сильнее и перешла пределы мольбы. В его голосе зазвучал вызов.

— Ибо я есть Сын, я превзошел границы своей души, я есть…

Он замолчал. И в полной тишине произнес имя Господа.

Он сделал шаг вперед и вверх, как человек, поднимающийся по лестнице, но в воздухе.

Он полетел.

В другую эпоху это не считалось бы чудом: тогда все мужчины могли летать, но не знали об этом. А сейчас он был первым.

Он пользовался своим даром лишь в целях демонстрации и никогда для собственного удовольствия. Во-первых, он знал, что может лишиться силы, если с ней неправильно обращаться. Во-вторых, умственная подготовка отнимала слишком много сил, и перед демонстрацией требовалось поститься в течение суток. Была и третья причина. Иногда во время полета у него возникал страх, что он упадет. Это чувство всегда ассоциировалось с определенным лицом, которое мелькало среди зрителей, — лицом, которое было обращено кверху, как у остальных, но смотрело со странным интересом не на него, а на что-то за ним и над ним. Когда он пытался рассмотреть это лицо, оно всегда исчезало. Он не продолжал поисков. Лицо было похоже на его собственное.

Он лежал на постели, не в силах пошевелиться. Кричащую толпу давно разогнали солдаты, и в доме воцарился покой жаркого полдня. Тишину нарушали приглушенные звуки: далекий шум базара, журчание воды в фонтане на центральной площади, визг бродячей собаки, в которую запустили камнем. Человек на кровати не слышал этих звуков и не замечал, что приносивший их северо-западный ветер усилился и приятно зашелестел шелковыми драпировками на стене. Он прислушивался к звуку, отдававшемуся у него в голове. Тот не исчезал, попеременно усиливаясь и затихая. Как только казалось, что он прекратился, он звучал снова. Это был гул, в котором иногда слышалось много голосов, иногда один. Бесконечно повторяясь, звучало одно слово. Это было его имя.

— Симон. Симон.

Он застонал от приступа тошноты и вжал голову в подушку. Комната приподнялась, будто ступила в пустоту.

Это пройдет. Так всегда бывало после неимоверного напряжения: казалось, вся кровь вытекла из его тела, а вены наполнились каким-то ядовитым веществом, похожим на гнилую воду.

— Симон. Симон.

У него в голове плясало солнце, принимая фантастические формы.

Почему всегда так? Слабость, подобная проклятию. Когда она обрушивалась на него, он не знал, как бороться с бессилием. Иногда ему казалось, что его дар сам по себе проклятие. Возможно, это грандиозная шутка, которую ему не дано понять.

Это пройдет. Глоток вина мог бы помочь. Он с трудом приподнялся на локте, чтобы позвать Деметрия, потом вспомнил, что его не было в доме. После обеда он отослал из дома всех, включая слуг вдовы, чтобы его никто не беспокоил. Он снова откинулся на подушку. Они не должны были воспринимать его приказ так буквально. Он закрыл глаза, и комната снова поплыла перед ним.

Когда он проснулся, воздух стал прохладнее, тень от платана во дворе добралась до середины мозаики на полу. С улицы доносился лязг повозок и приглушенный шум базара. Он лежал и слушал.

— Симон.

Он вздрогнул. Подошел Деметрий и взял голову хозяина в свои прохладные руки.

— А, это ты, — сказал Симон. Облегчение обернулось раздражительностью. — Ты мне был нужен раньше, но тебя не было.

— Вы меня отослали, — сказал Деметрий.

— Не надо было уходить так надолго.

Деметрий ждал.

— Принеси мне вина, — сказал Симон и добавил, когда мальчик был готов отправиться исполнять поручение: — Но не сейчас. Подойди ко мне.

Деметрий смотрел на него своими бездонными глазами. Симон внимательно изучал их какое-то время. Он никогда не мог понять, о чем думал мальчик. Иногда это не имело никакого значения.

— Ложись, — сказал он ласково.

Деметрий лег. У него была шелковистая кожа, от него сладко пахло медом, а волосы источали запах невинности.

Симон провел рукой по кудрям:

— Где ты был?

— В храме, — ответил Деметрий.

Симон улыбнулся. Какое-то время он дремал. Ему становилось лучше.

Это было время полное неопределенности, и чудеса совершались повсеместно, но редко приносили пользу. Никто не знал, во что верить, и многие люди верили всему, а некоторые не верили ничему. Это была страна, чьей историей

была религия, и понимать историю этой страны становилось все труднее. Значение имело только прошлое и будущее, настоящее значения не имело. Для многих поколений настоящее было лишь преддверием будущего, которое никогда не наступало.

Вместо этого были войны. Людей убивали, переселяли, обращали в рабство. Храм оскверняли с пугающей регулярностью. В конце концов, когда войны прекратились и страна была подчинена огромной и безразличной империи, многие вздохнули с облегчением. Но всегда находилась горстка гордецов, которая не могла забыть обещания своего бога о всеобщей власти и брала в руки оружие от имени божества, которое по непонятным причинам отказывалось защищать даже самое себя. Восстания всегда подавлялись вооруженными силами империи. Страна была маленькой, но ей было трудно смириться с таким положением вещей. Между ее полной мистики историей и современной географией пролегал нелепый разрыв. Для нации менее серьезной этот факт мог бы послужить поводом к иронии.

Но поскольку нация была серьезной, люди не могли избавиться от чувства тщетности своих усилий, от ощущения, что совершается вопию-

щая несправедливость. Это отравляло их хлеб и омрачало их мысли. Склонные к самоанализу искали причины национального бедствия и находили их в грехах отцов или, что бывало реже, в собственных грехах. Большинство ищущих ответы находило их в туманных и волнующих пророчествах своих священных писаний. В писаниях говорилось о пришествии Мессии. Он должен был спуститься с небес, чтобы отомстить за обиды, нанесенные его народу. Тогда солнце зажжется среди ночи, а луна станет багрово-кровавой, и это будет началом конца.

Люди обращали взоры к небесам, ища знака, и обнаруживали на небесах странные вещи.

Время от времени по стране расползались слухи, что Мессия пришел, и тогда сердца наполнялись надеждой. Праведники в пустынных кельях отрывались от своих книг, чтобы не пропустить грома, предвещающего пришествие Господа; зилоты в горных пещерах точили свои мечи. Но надежда угасала так же быстро, как и вспыхивала. Мессия оказывался самозванцем. После нескольких чудес и многообещающих речей он оказывался неспособным сделать то, чего от него ждали; его разоблачали, а последователи отворачивались от него и расходились по домам.

Как правило, он оканчивал жизнь на виселице или в стычке с императорскими войсками. Священники улыбались и умывали руки. Они были под защитой оккупантов, и проблемы им были ни к чему.

Возможно, люди напрасно ждали, что их бог сдержит обещания. Возможно, они неправильно его поняли. Возможно, Мессия действительно появлялся, но они его не заметили. Образовалась секта, которая утверждала именно это. В самой стране приверженцев у секты было немного: люди язвительно указывали на удручающий разрыв между напророченным благоденствием и унизительной реальностью. Представители секты говорили, что люди смотрели не на те пророчества. В конце концов, к всеобщему удивлению, секта завоевала необыкновенную популярность в той части империи, где никогда не слышали об этих пророчествах.

Тем временем люди, которые не могли поверить, что их бог им солгал, продолжали искать чудеса. Чудеса происходят там, где их ждут. Но если чудо действительно чудо, оно (по определению) совсем не такое, каким кажется. Поэтому доверять чудесам не стоит. Однако если в чудеса не верить, они не происходят. Ничего этого в то

время не понимали, и в результате чудес было много.

Симон из Гитты был магом. Некоторые говорили, что он бог; его высказывания по этому поводу отличались туманностью. Гитта была деревней в Самарии. Став знаменитым, он предпочитал не распространяться о том, откуда родом, хотя и не был первым чудотворцем, который стеснялся своего происхождения. Со временем титул, по природе своей предполагающий неоднозначность и чья темная пышность постепенно исчезала, так что никто уже не знал, то ли за ним скрывается жрец древней религии, то ли уличный шарлатан, стал так часто приписываться ему, что превратился в подобие фамилии: его знали как Симона Волхва.

Он гостил у Филоксены в течение месяца. Трех недель было бы более чем достаточно, но не хотелось расставаться с удобствами. Филоксена была богатой и не скупилась на гостеприимство.

Своим богатством она была обязана безвременной кончине мужа, государственного чиновника, который умер от лихорадки, будучи без особой нужды откомандирован в далекое захолустье. Она праздновала свободу или мстила, тратя его деньги на искусство, которое он презирал. В доме

была одна из лучших коллекций скульптуры, художественных изделий из бронзы и серебра, которую Симону когда-либо доводилось видеть. Он неохотно отвел от нее взгляд и пустился в рассуждения о непостоянстве мира.

Собственно, его и пригласили для беседы. Во многих кругах он бы сошел за ученого человека, хотя не во всех кругах одобрили бы то, как он использовал свою ученость. В небольшом торговом городе Аскалоне он был редкостью. Его пригласили в гости на неограниченный срок. Все, что он него требовалось, — это скрашивать вечерний досуг вдовы беседой. Он подозревал, что вдова имеет виды и на его ночное время, но не считал, что оказание подобных услуг входит в его обязанности, — его свобода и так была слишком ограниченна. Он объяснил ей, что его чудотворные силы зависели от воздержания. В связи с этим мог возникнуть вопрос о Деметрии. Но пока она ничего не заметила.

Короче говоря, было ясно, что оставаться дольше в этом доме он не мог.

Через несколько дней после того, как ее маг изумил торговый люд, взлетев с крыши высокого дома, Филоксена устроила обед в его честь. Симон, осматриваясь вокруг, пока Деметрии сни-

мал с него сандалии, увидел, что вдова собрала компанию из городского магистрата, веселого книготорговца по имени Флавий, который на прошлой недели приобрел у Симона снадобье для прерывания беременности дочери этого самого магистрата, и торговца пряностями, чей старший сын был влюблен в свою мачеху и консультировался у Симона по поводу гороскопа своего отца. Торговец пряностями располагался на ложе рядом с Симоном. Он него исходил сильный запах корицы.

Симон с важным видом приветствовал сотрапезников и, пока всех обносили закусками, поинтересовался у соседа о том, как у него идут дела.

— Ужасно, — ответил торговец пряностями с такой горячностью, что у него изо рта выпали крошки печенья и просыпались на ложе. Он собрал их толстыми пальцами, увешанными перстнями, и отправил обратно в рот. — Импортные пошлины разорительны. Массовые товары не приносят почти никакой прибыли, с товаром высшего качества дело обстоит немного лучше, но, если я потеряю даже небольшую партию, что вполне вероятно, принимая во внимание всех этих бандитов на дорогах, я понесу убытки. Нет

абсолютно никакого стимула расширять дело.

— Чертова администрация выжимает из этой страны все до капли, — проворчал Флавий.

Лицо магистрата передернулось.

— Я собирался взять в дело сыновей, — продолжал торговец пряностями, — хорошие мальчики, хотя старший… я не знаю. Но он остепенится. В любом случае теперь я им говорю: было бы лучше, если бы они выучились какой-нибудь профессии. Юриспруденции, к примеру. Юристы делают большие деньги.

— И бандиты тоже, — рассеянно заметил Симон. Его внимание привлекло столовое украшение, которого он прежде не замечал. Это была фигурка сатира из золота с драгоценными камнями, поддерживающая блюдо со сластями. Совершенно очаровательная. А если драгоценные камни настоящие, то к тому же и очень дорогая.

Он почувствовал, что на него смотрят девять пар глаз.

— Вы наверняка не одобряете творящегося беззакония, — сказал магистрат. Симон с интересом отметил, что тот мог говорить с абсолютно неподвижным лицом.

— Конечно, не одобряю, — поспешно отозвался Симон. — Это лишний раз подтверждает, что в

верхних эшелонах власти по-прежнему не относятся серьезно к проблемам страны.

Это был сильный ход. Послышался одобрительный шумок. Филоксена нежно улыбнулась ему, а Флавий, которого магистрат не мог видеть из-за большой вазы с фруктами, хитро ухмыльнулся.

Разговор перешел к политике. Симон, взявший себе за правило не высказывать политических взглядов, которые могли бы счесть спорными, потягивал вино и слушал. Мнения присутствующих разделились по поводу того, как губернатор подавил недавний бунт в городе.

— Он перегнул палку, — заявил человек с тяжелой нижней челюстью, которого представили Симону как банкира. — Люди этого не поддержат: они там все горячие головы. Попомните мои слова, будет кровавая баня.

— Кровавая баня уже была, — возразил Флавий. — Двадцать человек убиты войсками и еще пятьдесят затоптаны разбегающейся в панике толпой. На мой взгляд, это бойня. А на ваш?

— Я потерял десять фунтов трагаканта во время этих беспорядков, — скорбно заметил торговец.

— И тем не менее это повторится, пока он занимает пост губернатора, — сказал банкир. — Он не понимает нашу провинцию.

— Других на эту должность и не назначают, — сказал Флавий.

Магистрат поджал губы и обратился к банкиру.

— Вы полагаете, им надо было позволить бесчинствовать на улицах? — спросил он холодно.

— Прежде всего, он сам и спровоцировал проблему, — сказал банкир.

— Как именно?

— Использовал ценности их храма для строительства своего проклятого акведука.

— Неужели! — Неподвижное, как маска, лицо магистрата передернулось от нетерпения. — В этом городе никогда не было настоящего водопровода. Им приходилось бесконечно строить новые цистерны. А вам случалось бывать там в дни праздников?

— Должен признаться, не случалось, — ответил банкир.

— Тогда я вам скажу, что там царит полный хаос. Несколько сотен тысяч паломников наводняют узкие улочки — даже телеге не проехать, все ведут своих овец к жертвенному алтарю, или что там они с ними делают, а воды и на местных-то жителей едва хватает. Вот это, — сказал магистрат, — действительно опасная ситуация.

— Звучит пугающе, — протянула Филоксена. — Там, должно быть, ужасно шумно от всего этого блеяния?

— Шум, — сказал магистрат, — ничто по сравнению с запахом.

— Тем не менее я настаиваю, — упрямо сказал банкир, — он не должен был использовать храмовую казну. Все знают, насколько они чувствительны к таким вещам.

— Я полагаю, — с горечью сказал торговец пряностями, — он мог взять требуемую сумму из налогов.

— Да в этом храме ничего нет, — неожиданно вступил в разговор молодой офицер от кавалерии в самом конце стола. — Мой прадед заходил туда, когда служил у Помпея. Он пуст. Ни образа, ничего. Просто пустое помещение.

— Как? — послышались недоверчивые голоса.

— Я тоже слышал об этом, — сказал банкир. Он повернулся к Симону: — Пусть наш высокий гость скажет нам. Это правда?

— Я не принадлежу к этой вере, — сказал Симон, изучая собственное отражение в багряном вине, — но я могу сказать вам. Да, это правда. В святая святых пусто.

После его слов наступила неожиданная тиши-

на, словно древняя непреклонность религии, о которой шла речь, снизошла на миг с горных твердынь, где она нашла приют, и воцарилась в этой элегантной зале.

Неловкую тишину прервала вдова, которая наклонилась к Симону так, что стала видна белая ложбинка между ее грудями.

— Наш высокий гость, — тихо сказала она, — был молчалив сегодня. Разумеется, мы знаем, что скромность — признак настоящего таланта, но нам все же хотелось бы услышать от него несколько слов. Наша болтовня, должно быть, смертельно утомила его: я уверена, он привык к беседе на *намного* более возвышенные темы.

Она одарила его интимной улыбкой, давая всем понять, что они с Симоном часто вели такие возвышенные беседы.

— Напротив, было очень интересно, — сказал Симон. — Мне всегда интересно, что думают люди. Humani nil a me alienum puto *[Ничто человеческое мне не чуждо (лат.)]* — Он сделал паузу, и его взгляд на секунду задержался на золотом сатире в центре стола. — Ничто более не занимает философа, — продолжил он, — чем изучение человеческой природы. Хотя если говорить точно, то, конечно, высшим предметом изучения

философии является природа души.

Компания глубокомысленно изучала еду на своих тарелках.

— Например, Платон, — продолжал Симон, — выразил свое видение души в изумительной метафоре, с которой вы, возможно, знакомы.

Он подробно остановился на знаменитом образе возничего с разномастными конями и с воодушевлением развивал тему в течение следующего часа. Бокалы наполнялись все чаще. К концу часа торговец пряностями и банкир спали, а молодой офицер в конце стола тщетно пытался опустить свой бокал под нужным углом. Глаза Филоксены, когда она смотрела на Симона, казались влажными и несфокусированными.

Симон подкрепился инжиром и безжалостно приступил к учению Пифагора. Весь месяц его держали в этом доме за ручную обезьянку. Хорошо — он исполнит роль.

Он покончил с Пифагором и, не давая слушателям спуску, через афоризмы Гераклита плавно перешел к беглому обзору учения стоиков, которое недолюбливал. Он уже излагал атомистическую теорию Лукреция, когда молодой офицер собрался с силами, осушил вино и сообщил с неприязнью:

— Мой учитель был стоиком.

— Вам повезло, — дипломатично сказал Симон.

— Он был хорошим человеком. Он знал б-больше, чем вы.

— Вне всяких сомнений.

— Вы их выставили в глупом свете. Стоиков. Они не дураки. Они во многом правы.

— В чем они правы? — спросил Симон.

Молодой человек потряс головой, чтобы прояснить мысли:

— Удовольствие и боль. Это иллюзии. Бессмыслица. В смерти нет ничего страшного. Я в это верю.

— Иллюзии? Бессмыслица?

Другие гости насторожились. Было поздно — слуги давно зажгли лампы. Симон откинулся и смотрел в потолок. Прямо над столом, блестя и переливаясь, с потолка свисал великолепный светильник из цветного стекла.

— Я не верю в это, — сказал Симон, — и не думаю, что вы верите.

Он продолжал рассматривать светильник. Потом на секунду перевел взгляд на обедающих. Все уставились на него. Он снова посмотрел на светильник.

— Глядите! — сказал он.

Что-то юркнуло. Блеснуло в свете лампы чем-то желтым. Что-то уверенно скользнуло между тарелочками из цветного стекла по богато сервированному столу и нацелило свой узкий рот и дрожащий язык на голову молодого человека.

Кавалерист с воплем соскочил с ложа. Филоксена закричала. Гости вскочили со своих мест. Кто-то схватил со стола тяжелый канделябр и бросил его с размаху в пустоту.

Симон сидел неподвижно. Неразбериха прекратилась так же внезапно, как и началась. Гости глупо таращились. Ничего не было видно.

— В чем дело? — спросил Симон.

— Это была г-гадюка, — заикаясь произнес молодой человек. — Вы что, ее не видели?

— Но чего вы испугались? — спросил Симон. — Боль — это иллюзия, а смерти не стоит бояться.

Все замерли. Воцарилось долгое молчание. Лицо молодого человека сделалось из бледного багровым, а лицо магистрата исказилось гневом. Торговец пряностями вдруг фыркнул со смеху.

— Никакой гадюки не было, — сказал Симон. — Я просто хотел продемонстрировать, что следует различать, что есть иллюзия, а что нет. А теперь, с вашего позволения, я бы хотел удалиться к себе

в комнату. Это был прекрасный вечер.

Он поклонился и вышел. Половина гостей продолжала смотреть на светильник. Когда он свернул под аркой и собирался подняться по лестнице в свою комнату, рядом с ним оказался торговец пряностями, впервые за весь вечер он выглядел довольным.

— Я надеюсь, вы позволите сказать вам несколько слов, — сказал он. — По правде говоря, я не совсем понял ваши рассуждения о Платоне, но фокус со змеей мне понравился.

— Благодарю вас, — кивнул Симон. — Пытаюсь угодить всем.

— Я бы хотел обсудить с вами одно небольшое дело, — сказал торговец пряностями. — Дело довольно деликатное, если вы понимаете, о чем я. А в долгу я не останусь.

— Я вас понимаю, — ответил Симон.

— Вы могли бы пообедать со мной послезавтра?

— С удовольствием, — сказал Симон. — Вы не поверите, в какое количество деликатных дел я был посвящен.

Он в задумчивости поднимался по мраморным ступеням, его мысли занимал маленький золотой сатир. Камни были настоящими, и один из них

был изумрудом. Он искал хороший изумруд в течение многих месяцев: они попадались редко, и ни один из предложенных образцов его не удовлетворял.

— Пора уезжать из этого города, — сказал Симон. Деметрий нахмурился.

— Почему? — спросил он.

Деметрий был очень красив, когда хмурился. Это придавало его юношеским чертам обманчивое благородство.

— Потому что мне надоело, — сказал Симон.

— А мне здесь нравится. Мне нравится ходить в храм. В прошлый раз священник разрешил мне зажечь фимиам.

— Я знаю. Ты пропах им. Для меня ты фимиама не жжешь.

— Это совсем другое, — сказал Деметрий.

Они говорили об этом уже не в первый раз. В их отношениях господина и раба предполагалось, что Деметрий может проводить свободное время как хочет. Но поскольку Деметрий разделял с Симоном ложе, то предполагалось, что Симона касается то, как Деметрий проводит свободное время. Симон пытался сохранять баланс между этими двумя сферами. В одном это ему не удавалось. Ему не нравилось, что Деметрий посещал

храм Изиды.

— Как это может быть другим, — сказал Симон, — если это тот же фимиам и та же богиня?

— Я чувствую иначе.

— Естественно. В храме ты можешь строить глазки священнику.

— Ничего я не строю!

Деметрий был готов расплакаться. Симон смотрел на него с раздражением.

— Я тебя не понимаю, — сказал он. — Сотни юношей отдали бы все, чтобы быть моим ассистентом. Я, как тебе известно, не простой маг. Моя слава дошла даже до Антиохии. Ты, похоже, не понимаешь, как тебе повезло. Прояви ты хоть толику интереса, я дам тебе свободу и сделаю своим учеником. У тебя врожденный талант к этому делу.

— Я ненавижу заклинания, — сказал Деметрий. — Они меня пугают.

Симон с удивлением посмотрел на него. Ему не приходило в голову, что юношу могли пугать вещи, которые он заставлял его делать. Симон задумался.

— Лучшие маги испытывают страх, — сказал он. — Мне самому иногда страшно. Поддаться страху было бы губительно, однако испытывать

его необходимо. Его необходимо подчинить своей воле. Если страх подчинен, его можно использовать. Он становится составляющей твоей силы.

— Но мне не нравится испытывать страх, — сказал Деметрий.

— Надо побороть это чувство. Из тебя получится хороший маг.

— Я не хочу быть магом, — сказал Деметрий. — Я хочу стать священником.

— Чего ты хочешь? — не выдержал Симон. — Хочешь распевать гимны и таскаться в процессиях с гирляндами цветов на шее?

— Не только это, — с гордостью сказал Деметрий. — Через пару лет я буду достаточно взрослым для посвящения в *Таинства.*

— *Таинства* ! Ты глупый мальчишка! Я знаю больше таинств, чем твой священник может себе представить. — Симон встал и заметался в гневе по комнате. — Неужели ты не понимаешь, что религия — это убежище для людей, у которых не хватает мужества, необходимого для магии? Магия — это истинная наука, истинное знание. Маг проникает в *природу* вещей, в этом заключена его сила. Неужели я ничему не научил тебя?

Деметрий молчал. Если он и сказал что-то, подушки заглушили его слова.

Симон взял серебряное зеркальце и стал изучать лицо мага. На этом лице трудно было представить выражение страха. Черные глаза были пронзительны, полные губы выражали надменность, крючковатый нос был крупным и решительным. Лицо было хищным, но он об этом не знал. Он заботился о своей внешности. Бородка была аккуратно подстрижена. Он погладил ее сильными кривоватыми пальцами.

Он принял решение.

— Сегодня вечером, — сказал он, — я обедаю с человеком, который полагает, не без основания, что его сын наставляет ему рога, и готов щедро мне заплатить за то, чтобы я помог ему. По завершении этого дела ничто нас тут не будет удерживать, так что завтра мы уезжаем. Но, когда мы уедем, мы возьмем с собой одну вещь, и ты ее достанешь. Это золотой сатир, который стоял на столе во время этого дурацкого обеда два дня назад. Я хочу его. Какая-никакая награда за все эти невыносимо скучные вечера, проведенные с хозяйкой. Когда я уйду сегодня вечером, ты найдешь его и где-нибудь спрячешь, лучше не в доме, так чтобы завтра мы могли его забрать. Не говори, что это против твоих принципов, потому что у тебя их нет. Не говори, что это против твоей религии,

потому что я больше тебя знаю о твоей религии. Не говори, что это против закона, потому что мы с тобой, мой милый мальчик, нарушаем закон каждый день. И не вздумай жаловаться, потому что с тобой слишком хорошо обращаются и есть масса гораздо более симпатичных мальчиков, которые скребут полы в казармах. Ты понял?

— Да, — сказал Деметрий.

— Вот и отлично, — сказал Симон. Его взгляд смягчился. — Мы поедем в Иоппию, — сказал он. — Тебе там понравится.

Его вдруг охватило благодушие. Он всегда испытывал возбуждение, когда уезжал. Иоппия была большим городом: там должно быть много возможностей. Не исключено, что он даже задержится там подольше и займется более серьезной работой.

Пребывая в веселом расположении духа, он возвращался домой от торговца пряностями. Уже опустились сумерки, но тротуар щедро освещался лунным светом; Симон, щурясь, повернул на пальце перстень с бирюзой, недавно красовавшийся на руке у торговца пряностями. Бирюза охраняет целомудрие. Симон улыбнулся.

Он продолжал улыбаться, заворачивая за угол и подходя к дому вдовы, когда увидел огни на

улице. Там были вооруженные люди с факелами, которые окружили Деметрия, громко протестовавшего о своей невиновности в чем бы то ни было.

Симон скользнул в тень и скрылся.

В этом заключался горький парадокс. Человек, который мог так управлять своим телом, что был способен летать, не мог справиться с насущными житейскими проблемами. Он потрясал тысячи людей, материализуя вещи из ничего — льва, лесную чащу, стол с яствами, — но они снова превращались в ничто, и он не мог заставить появиться буханку хлеба, чтобы утолить голод. Вместо этого ему приходилось продавать свой талант за деньги, заработанные руками невежд. Это его терзало.

Его контроль над собственным телом был поистине потрясающим. Он не только мог подниматься в воздух и летать, опровергая весь опыт человечества, но мог, по-видимому, усилием воли менять саму природу своей плоти. Однажды в борделе моряк пырнул его ножом. Когда нож наткнулся на что-то твердое, как кедр, нападающий был ошеломлен. Многие видели, как Волхв погружал руки в жаровню с горящими углями и не получал никаких ожогов. Его враги говорили,

что это иллюзия, но это было не так. Его тело понимало огонь.

Все это он делал именно посредством огня. По крайней мере так он полагал сам. Внутри у него был дремлющий огонь. С помощью определенных упражнений — поста, заклинаний, управления дыханием — он мог оживить этот огонь и заставить его выполнять волю мага. По мере того как огонь зажигался в нем, превращая его плоть в более тонкую субстанцию, а кости в пергамент, его тело становилось пылающим факелом, свет которого стремился к солнцу, на чьем золотом луче он воспарял. Это был утонченный огонь.

Еще более утонченный огонь трансформировал его тело. Он мог становиться очень старым или очень молодым, карликом или гигантом, он мог в мгновение ока переходить из одной формы в другую. Мог обретать черты другого человека. Эти перемены носили временный характер, и его враги говорили, что это тоже иллюзия.

Холодный огонь делал его тело плотным и тяжелым, и тогда ему нельзя было причинить вреда.

Он мог управлять разными формами огня, как конями. Он подчинял их своей воле. Его воля

была его оружием, его броней. Она защищала его от разрушающего огня.

С помощью воли он воздействовал на умы других людей, и обвинение в том, что он иллюзионист, в какой-то мере соответствовало истине. Ему было интересно, догадывались ли его обвинители, что это значит — создать иллюзию. Потому что это значит взять штурмом умы зрителей и подчинить их своей воле. А для этого нужно разбить каждый атом воздуха и собрать их снова по своему усмотрению.

Он освоил это искусство в Египте, где учились великие мастера. В Египте он запомнил имена богов и созвездия, свойства трав и трансформаций, научился понимать движения зверей и полет птиц, звуки, издаваемые камнем. Но самое главное, чему он научился и без чего накопленные знания теряли смысл, — это знаки симпатии.

Даже через много лет, в течение которых его искусство деградировало до уровня развлечения, красота системы пленяла его душу. Незримые нити симпатии связывали все в земном мире и простирались до звезд. Вселенная представляла собой мерцающую паутину, где растение говорило с планетой, корень говорил с минералом, а животное — со временем. Тонкая, прочная и

до невозможности сложная система связей была бесконечной, и он, изучивший ее символы, мог играть на ней, как на музыкальном инструменте. Звук был самой прочной нитью, а из всех звуков человеческий голос — самым могущественным. Голос был средством выражения воли, а слова — формой. Имя приказывало. Слово создавало. Господь создал землю, произнеся свое Имя.

После возвращения из Египта Симон владел оккультной наукой лучше, чем кто-либо из живущих. Однако существовали вещи, которых он не знал. Он изъездил Иудею и Самарию вплоть до Сирийского побережья в поисках людей, которые знали бы о чудесном эликсире больше его. Он не нашел таких людей. Он говорил с философами, которые не могли справиться с собственным гневом, с астрологами, которые не могли предвидеть, что попадут в тюрьму. Он демонстрировал свое искусство, и в некоторых местах у него появились почитатели.

Он никогда не задерживался подолгу ни в одном городе. Люди уставали от чудес, или он уставал от их требований. Также он хорошо осознавал одну вещь, в которой вряд ли был готов признаться: он не полностью понимал свое искусство. Существовал какой-то секрет, который

был ему неведом. Лишь к разгадке этого секрета он и стремился, а иногда думал, что за пятнадцать лет не приблизился к ней ни на шаг. Чтобы размышлять и учиться, ему было необходимо одиночество. Но он не мог жить без зрителей, и у него никогда не было достаточно денег.

В юрисдикцию магистратов Аскалона входило несколько грязных деревушек, располагающихся непосредственно за городской чертой. Как только он миновал последнюю из них и стих лай собак, преследовавший его еще с полмили, Симон почувствовал себя в безопасности — по крайней мере он избежал ареста. Но, несмотря на это, он посчитал глупым привлекать к себе излишнее внимание, остановившись в придорожной гостинице посреди ночи. Он продолжил путь, пока не набрел на заброшенный сад, в дальнем углу которого стоял покинутый каменный сарай. У стены лежала охапка мокрой соломы. Там он устроился на ночлег.

Проснувшись на рассвете, замерзший, в мятом плаще, он стал анализировать ситуацию. Она не предвещала ничего хорошего. У него были только вещи, которые он взял с собой, когда ходил в гости к торговцу пряностями. К счастью, среди них были три книги по магии. Кроме этого, он имел

несколько разрозненных предметов реквизита и двадцать четыре драхмы серебром, уплаченные торговцем. Его главная ценность, на которую он всегда полагался, — его репутация — была в сложившихся обстоятельствах главным источником опасности. Придется путешествовать инкогнито.

Замерзший и голодный, он стал искать в саду оливы. Олив, естественно, не было — стояла весна. Он беззлобно обругал деревья и направился на север по дороге, идущей вдоль побережья.

Подходя к небольшому приморскому городку вскоре после полудня, он увидел шатры и осликов и сошел с дороги, чтобы узнать, в чем дело. Это были бродячие актеры: жонглеры, акробаты и разные уродцы. Симон окинул сцену опытным взглядом и спросил, нельзя ли ему присоединиться.

Жена хозяина посмотрела на него с подозрением.

— Что ты умеешь делать? — спросила она.

— Все, что угодно, — сказал Симон. После короткого размышления он решил, что это, может, и преувеличение. — Я не могу вызывать грозу и поднимать мертвых, — сказал он.

— Под каким именем ты выступаешь?

Ему был нужен подходящий псевдоним.

— Иешуа, — сказал он, перебрав в уме причудливую цепочку ассоциаций.

— Я думала, ты умер.

— Не говори чепухи, — сказал Симон.

— Ты можешь ходить по воде? — продолжала она.

— Если есть необходимый реквизит.

Они посовещались.

— Имя не подходит, — сказал хозяин. — Нужно другое имя. Как насчет Моисея?

— Нет, спасибо, — сказал Симон. — Но Аарон подошло бы.

— Ты умеешь делать фокусы с жезлом?

— Сколько угодно, — ответил Симон. — Только не для семейной аудитории. А вот иллюзии могу предложить сравнительно мирные.

— Никаких иллюзий, прошу тебя. А то опять деньги назад потребуют. Прорицать умеешь?

— Да, — сказал Симон, — прорицать я умею.

— Хорошо, ты — Аарон Оракул. Можешь занять шатер вместе с Горгоной.

Горгона была гермафродитом с писклявым голосом и тюрбаном, полным змей.

— Я надеюсь, они тебя слушаются, — сказал Симон.

— Они совершенно безобидные, — сказал Гор-

гона язвительно, — но могут испугаться шума. Поэтому прорицай тихо.

Симон сказал, что ему нужен мальчик-ассистент, и ему временно дали в распоряжение мальчика жонглера. Жонглер вывихнул ему локоть и пил второй день. Мальчик был похож на Деметрия. Ах, Деметрий. Симон почувствовал непривычную боль в сердце. Неужели его пытают? Думать об этом было слишком больно. Мальчик жонглера был очень красив.

— Как тебя зовут? — спросил Симон.

— Фома, господин.

— Тебе известно что-нибудь о прорицаниях, Фома?

— Нет, господин.

Симон рассказал ему о прорицаниях, а также намекнул на другие вещи, с которыми мальчик, видимо, не был знаком. Намеки были встречены полнейшим непониманием. Симон не стал развивать эту тему, так как скандал ему был не нужен. Они перегородили шатер и повесили еще один занавес, чтобы получилось два крохотных закутка.

— Жаровня во внутреннем помещении, — сказал Симон, — и одна лампа во внешнем. К сожалению, у нас нет фимиама. Мне пришлось

неожиданно уехать, и я не успел ничего взять с собой.

Он послал Фому в город купить фимиама, соли, особого воска и кусок медной трубы.

— Жезл Аарона, — сказал он и подмигнул. Фома непонимающе уставился на него.

— Ну ступай, — сказал Аарон.

К вечеру шатер оракула был готов, и они сели ждать клиентов.

В те времена магию запрещали, так как было принято считать, что она работает. Некоторые люди говорили, что это не так и что боги, к которым она взывает, вовсе не существуют, и прибегали к сомнительным уловкам, чтобы оправдать свое неприятие магии. Некоторые из этих людей активно действовали в восточных провинциях империи в то же время, что и Симон.

Но не вся магия была запрещена. Это было время широких взглядов, и о вещи судили по ее цели. Заклинание с целью причинить вред ближнему было наказуемо, а с целью избавить его от зубной боли — нет. Будь иначе, многие лекари не смогли бы работать.

Магия была частью обыденной жизни, и многие ее проявления не считались магией вовсе. Магия незаметно переходила в религию, с одной

стороны, и в науку — с другой, что было неизбежно, поскольку она их породила. Кто только не занимался магией — от заклинателей, чье мастерство заключалось в ловкости рук и языка, до аскетических мудрецов, которые были способны успокоить шторм на море. Поскольку мелкие умельцы от магии были в основном заняты удовлетворением повседневных человеческих потребностей — приворотное зелье, сглаз, заклинание, побуждающее женщину говорить правду, — а профессионалы посерьезнее могли себе позволить применять свои таланты более плодотворно, размытая граница между дозволенной и запрещенной магией привела к классовому различию, при котором подмастерья почти всегда оказывались по другую сторону закона, а великие мастера стояли над ним.

Выше всех стояли мастера, которых называли «святыми людьми». Святой человек (явно, судя по оптимизму, греческая концепция) был магом, который не нуждался в каких бы то ни было атрибутах мага. Заклинания, магические формулы, лекарственные средства были ему ни к чему — он совершал чудеса только с помощью слова. Он говорил, и чудо свершалось. Он видел будущее не в дымке магического огня, а внутренним взо-

ром. Он мог совершать необыкновенные вещи, потому что или обладал божьим духом, или мог управлять им. Некоторые говорили, что Симон Волхв был именно таким человеком. Другие говорили, что Симон обладал не божьим духом, а демоническим.

Поскольку считалось, что белая магия совершается богами, а черная, или запретная, — демонами, такие заявления перемещали вопрос о законности в ту сферу, где однозначно разрешить его было невозможно. Потому что сверхъестественные посредники, выполняющие волю мага, обычно не называли себя зрителям. Так, например, одного известного экзорциста нередко обвиняли в изгнании нечистой силы при помощи Вельзевула.

Во всяком случае, демоны были больным вопросом. Немало их водилось во всех частях империи, но в Иудее, где Бог не допускал конкуренции, они особенно преуспевали. У каждого поля, каждого куста, каждой уборной, каждой тени, каждой лужи со стоячей водой, каждого приступа головной боли был свой демон. По поводу природы демонов существовали разногласия. Популярной была теория, что Бог создал их накануне субботы и суббота кончилась, прежде чем он успел облечь их в

тела. Более утонченная философская школа считала, что они были падшими ангелами, которые научили людей искусствам. Это опасно сближало черное и белое и еще больше подчеркивало двойственность ангелов — вспыльчивых, вздорных существ, на чье отношение к людям нельзя было положиться. Они ненавидели духовные порывы: они пытались помешать Моисею получить Закон и, если бы могли, не позволили бы мистику вознестись на небеса. Иудеи обращались к ним с благоговением, а маги из соседних стран заимствовали их красивые звучные имена.

Таким образом, границы между законным и незаконным, черным и белым, богами и демонами были совершенно перепутаны. Большинство людей не беспокоила эта путаница: они не видели в этом никакой проблемы. Для мага, так же как для проститутки, столкновения с законом были частью профессионального риска. Для Симона Волхва, отлично понимавшего, что пагубное для одного для другого будет благом, и жившего в мире сил, где не было хорошего и плохого, а существовала только власть, нелогичность закона была предсказуемым результатом системы, в которой люди с неразвитым воображением создавали правила для большинства.

Одна мысль не приходила в головы законодателям того времени — что магия должна иметь владельца. Магия просто существовала, как воздух. Принцип того, что одно и то же действие, исполненное с одной и той же целью, может быть законным или незаконным в зависимости от личности мага, сочли бы непонятным. Но это, безусловно, упростило бы ситуацию сразу же. Возможно, в те времена магию слишком уж серьезно и не воспринимали.

Перед входом в шатер стояли трое мужчин с пальмовыми ветвями в руках. Двое мужчин постарше спорили.

— Мне все это не нравится, — сказал худой мужчина. — Не надо было нам сюда приходить. С демонами связываться опасно.

— Если бы ты не был таким идиотом, — сказал толстый мужчина, — этого бы не потребовалось. Как еще мы можем узнать, что он с ним сделал?

Молодой человек явно скучал.

— Оракул вас примет, — сказал Симон, который с интересом слушал разговор сквозь стену шатра. На нем был лиловый халат, расшитый знаками планет, и замысловатым образом повязанный на голове зеленый тюрбан, который он позаимствовал у Горгоны. На груди висел талисман Озириса,

необычный перстень сиял на пальце. Его черные глаза грозно сверкали из-под тяжелых век.

Худой и толстый попятились.

— Ну, давайте, — сказал молодой.

Они вошли. В помещении был полумрак и стоял сильный запах фимиама. Маг велел им записать свой вопрос на врученном им листке пергамента. Прежде чем написать, толстяк долго думал.

— Сложите пергамент, — сказал Симон, — так, чтобы я не мог видеть, что там написано.

Толстяк сложил его пополам, потом еще раз.

— Теперь я его сожгу, — сказал маг. — Дым донесет ваши слова до бога.

Они видели, как он подошел к жаровне во внутреннем помещении и положил сложенный пергамент на угли, где тот свернулся в трубочку, вспыхнул и исчез.

— Он не взглянул на него, — прошептал худой.

— Нет. Он его сжег. Мы видели.

Симон вернулся, важный и торжественный. Он зажег лампу, чтобы было светлее.

— Скоро бог появится и ответит на ваш вопрос, — сказал он. — Вы должны сосредоточиться. Я начну обращение и подготовлю моего ассистента, через которого будет говорить оракул. Пожалуйста, оставайтесь здесь, пока вас не по-

зовут. Когда я вас позову, вы должны войти, помахивая пальмовыми листьями.

Он ударил в гонг, и они подскочили от неожиданности. Вошел бледный мальчик с огромными глазами и проследовал за магом во внутреннее помещение. Занавес задернули.

Симон вынул из рукава листок пергамента и прочитал то, что там было написано. Он нахмурился.

— Здесь три вопроса, — сказал он. — Они что думают, что они на базаре?

Он усадил Деметрия, простите, Фому на подушки, положил кусочки смеси из соли и воска на угли и начал песнопение. Он переходил с греческого на иврит и египетский. Было неважно, на каком наречии говорить: чем непонятнее, тем лучше. Последнее, что требовалось, — это устроить настоящее явление.

Он стал глубоко дышать. Его голос набрал силу, гласные растягивались, превращаясь в таинственные завывания. Мужчины по другую сторону занавеса задрожали.

— Войдите! — воззвал маг. — Войдите в присутствие бога!

Они неуверенно вошли в полумрак и начали хлестать друг друга пальмовыми ветвями. Огонь

взметнулся с шумным треском и заплясал в адском вихре красок. Худой взвизгнул, бросился в выходу и запутался в занавесе, откуда пытался высвободиться с паническим ужасом.

— Не могли бы вы там потише, — пропищал Горгона из-за перегородки.

— О великий бог Серапис, — произносил нараспев Симон, — которому ведомы все тайны, мы молим тебя ответить на вопрос твоего раба устами этого невинного ребенка.

Фома-Деметрий убедительно корчился на подушках. Симон, оставаясь в тени, с нежностью смотрел на него. После небольших тренировок из него бы получился толк. Мальчик застонал.

— Мне плохо, — сказал он.

— Что он сказал? — спросил молодой человек.

— Его переполнили чувства от присутствия бога, — объяснил Симон.

Худой мужчина всхлипнул.

Симон поднес конец медной трубы к губам и зашептал в нее. Мальчик слабо сопротивлялся.

— С вами говорит бог, — возвестил Симон.

— Уху больно, — сказал Фома в подушки.

— Смотрите, — сказал молодой человек, — здесь что-то не так. Это обман.

Он бросился к Симону, споткнулся о свою паль-

мовую ветвь и упал, сбив с ног толстяка, который налетел на гонг, и тот оглушительно зазвонил. Симон, пытаясь придумать что-нибудь подходящее, воззвал к Бахусу. Горгона, увешанный змеями, раздвинул занавес и предстал в проеме, визжа от ярости.

Худой мужчина пронзительно закричал.

Горгона кинулся на Симона и стащил с него халат. Одна из змей, завидев родной дом, мгновенно перекинулась на тюрбан Симона и любовно обвила свой хвост вокруг шеи мага. Худой мужчина запричитал, толстяк продолжал сражаться с гонгом, а молодой человек нырнул под полог шатра и пустился наутек.

Симон чувствовал, что поднимается: поднималось все в его теле. Он сопротивлялся, но дело было не в смехе и не в вожделении. Он парил в воздухе в футе от пола, Аарон со своим волшебным жезлом.

Фому тошнило.

Деметрия не пытали, но такая опасность была.

Он пытался избежать этого, рассказав всю правду, преподав ее соответственно обстоятельствам, как только стало ясно, что Симон не собирается возвращаться, чтобы его вызволить. Да, он сказал, что украл сатира по приказу хозяина,

поскольку боялся того, что с ним сделает хозяин, если бы он его ослушался. Хозяин — жестокий человек и великий маг. Он угрожал, что превратит его в верблюда, если Деметрий не выполнит приказания. Деметрий был уверен, что это не пустая угроза, поскольку своими глазами видел, как хозяин превратил одну старуху в таракана, а как-то раз…

В этот момент Деметрий получил затрещину от караульного и вернулся к сатиру. Да, пробормотал он разбитыми губами, он завернул статуэтку в материю и собирался спрятать ее в погребе, когда его поймали. Он боялся выносить сатира из дома и надеялся, что в погребе того найдут слуги и вернут вдове, которую он, Деметрий, безмерно уважал и порицает хозяина…

От второго удара, на этот раз в живот, у него перехватило дыхание, и он замолчал.

Магистрат смотрел на него поверх сложенных ладоней.

— Куда отправился твой хозяин? — спросил он.

Казалось, когда он говорил, его лицо остается неподвижным. Создавалось впечатление, будто с вами разговаривает статуя.

— Я не знаю, господин, — прошептал Деметрий.

— Отведите его в камеру, — сказал магистрат.

Там он и провел неделю. Он надеялся и одновременно боялся, что о нем забыли. Проходил день за днем, никто не появлялся. В полдень отворялось окошко в двери, и протискивалась миска с чем-то противным. Иногда снаружи слышались шаги и сквозь решетчатое окошко на него смотрел чей-то глаз. Деметрий на всякий случай улыбался, но глаз никак не реагировал.

Время от времени в камеру входил огромного роста тюремщик, возможно владелец того глаза. Он ничего не говорил. Просто стоял, руки в бока, и наблюдал за Деметрием и улыбался с видом человека, которому было известно что-то интересное, но о чем он ни за что не скажет. Деметрий тоже улыбался в ответ. Но улыбки не совпадали. Через несколько минут тюремщик уходил.

Во время третьего посещения тюремщик поднял руку Деметрия и озабоченно показал пальцем на его мышцы.

— Какая жалость, — сказал он.

Он провел толстой рукой по бицепсам, а потом резко сжал предплечье большим и указательным пальцами. Деметрий вскрикнул от боли.

Тюремщик хихикнул и ушел.

На восьмой день очень бледного Деметрия

снова привели к магистрату. Когда они вошли, магистрат что-то писал и даже не поднял головы. Спустя какое-то время, продолжая писать, он сказал:

— Я мог велеть высечь тебя.

— Да, господин, — согласился Деметрий. Битье плетью было лучше, чем пытки: по крайней мере знаешь, чего ожидать.

— Или, — продолжал магистрат, — я мог велеть пытать тебя. — Он поднял голову и окинул дрожащего Деметрия быстрым взглядом. — Однако не думаю, что тебя надолго хватило бы. Или, — он снова начал писать, — я мог бы держать тебя в темнице до тех пор, пока твои зубы не сгниют, волосы не выпадут, а твоя распутная мать забудет, как тебя звать. Даже не знаю, что было бы лучше в сложившихся обстоятельствах.

— М-м-м-милосердие, — предложил Деметрий.

— Милосердие? Я и так проявил милосердие, глупый мальчишка. Я мог бы послать тебя к губернатору, а тогда, если бы факт кражи был доказан, тебя распяли бы.

Деметрий всегда думал о смерти как о чем-то относящемся к другим. Теперь речь шла о его собственной смерти, и он почувствовал, как у него внутри возник холод, который стал распростра-

няться по всему телу, пока не достиг кончиков пальцев на ногах и руках. Он заплакал.

Магистрат безучастно ждал, пока Деметрий не успокоится. Когда, выждав какое-то время, он увидел, что Деметрий продолжает плакать, неподвижное лицо магистрата передернулось от нетерпения.

— Где твой хозяин? — резко спросил он. Деметрий подпрыгнул.

— Я не знаю, господин, — сказал он, всхлипывая.

— Хорошо, куда он мог отправиться? Кто его друзья?

— Я не знаю! — рыдал Деметрий.

— Прекрати! — Магистрат со всей силы ударил кулаком по столу. В ужасе Деметрий упал на колени, но охранники вздернули его на ноги.

— Симон из Гитты, — сказал магистрат, — который предпочитает, чтобы его называли Симоном Волхвом. Торговец чудесами, мошенник и юр. Многие на моем месте были бы рады, что избавились от него. Они только обрадовались бы, что он отправился показывать свои чудеса в другой город. Но у меня, по сравнению с другими, слишком развито чувство гражданской ответственности. Я хочу найти его. Я хочу судить его за воровство,

мошенничество, колдовство и подстрекательство к нарушению общественного порядка. Я хочу видеть его здесь, в моей тюрьме, в кандалах.

— Подстрекательство к чему? — переспросил Деметрий.

— Что тебе известно о его политической деятельности? — спросил магистрат.

Деметрий был поражен. Он перестал всхлипывать.

— Он не занимается никакой политической деятельностью, — сказал он. — Он просто летает и делает так, что люди видят вещи, которых нет, и предсказывает будущее и всякое такое.

— Я никак не решу, — сказал магистрат, — или ты очень глуп, или очень умен. Пожалуй, я велю тебя пытать.

Новый поток слез убедил его, что это было бы непродуктивно.

— Хорошо, — сказал он наконец, — закон его настигнет. Человек, который так уверен в своей значимости, не способен прозябать в неизвестности. В любом случае за его голову назначена награда.

— Сколько? — спросил Деметрий по давней привычке.

— Как обычно. Тридцать шекелей.

— Тридцать шекелей, — повторил Деметрий. Он никогда не держал в руках и десятой части этой суммы.

Магистрат наблюдал за ним прищурясь.

— Если вы меня отпустите, — решился Деметрий, — я, возможно, мог бы его найти для вас.

— Мне показалось, ты говорил, что не знаешь, где он.

— Я не знаю, — сказал Деметрий, — но я, возможно, смогу узнать.

— Как?

В голове у Деметрия чудесным образом прояснилось.

— Я был с ним два года, — сказал он. — Я научился кое-чему. Например, как находить людей.

— Ты имеешь в виду колдовство?

— Нет, господин. Конечно нет.

Магистрат вздохнул.

— Очень хорошо, — сказал он. — Здесь ты совершенно бесполезен. И я не думаю, что розги чем-то помогут. — Он дал знак охранникам: — Отпустите его.

И Деметрий побрел в город, свободный, без денег, с красными глазами и голодный.

Он увидел какую-то процессию. Мужчины в странных ярких костюмах скакали и танцевали

под аккомпанемент цимбал и тамбуринов. Во главе процессии шел ослик, везущий повозку, на которой стояла большая деревянная статуя женщины, украшенная гирляндами, масками и шкурами животных. Посмотреть на процессию собралась толпа зевак, которые посмеивались и иногда отпускали непристойные шутки.

Деметрий обратил внимание, что несколько ярко одетых мужчин ходили в толпе зрителей с кружками для подаяния. Был слышен звук монет, — значит, насмешки не были совсем уж неприязненными. Люди с кружками для подаяния не выглядели голодными — напротив, они были упитанными и гладкокожими, что говорило о безбедной жизни. «Вот неплохой пример для подражания», — подумал Деметрий. Он пошел за одним из попрошаек; кружки у него не было, и он сложил ладони лодочкой.

— Ужасно, — сказал кто-то. — Это следует запретить.

Но несколько мелких монет упало к нему в ладони. Наконец Деметрий понял, что было странным в костюмах. Сначала он был сбит с толку непривычно яркими красками, но костюмы были не мужскими, а женскими.

— Очень хорошо, — сказал мужчина, за кото-

рым он шел. — Почему бы тебе не присоединиться к нам?

Примерно в то же самое время, на расстоянии не более сотни миль, секта, утверждавшая, что конец света близок и что лишь ее члены спасутся, была не в почете. Ничего удивительного, поскольку предреканием глобального катаклизма секта не ограничивалась, подрывая также социальные основы общества.

Она разлучала супругов, уводила молодежь от родителей и говорила, что, поскольку конец света близок, людям не имеет смысла заводить семью. В секте была принята общая собственность на вещи, что вызывало презрение у купечества и тревогу у богатых. Секта утверждала, будто раб равен своему господину, что было очевидной, но опасной бессмыслицей. Она пользовалась туманными, но страстными терминами, вроде «царствие», что вызывало тревогу у официальных представителей государственной власти империи. Она утверждала, будто ее основатель, недавно казненный как политический преступник, был не только невинен, но стоял каким-то странным образом выше Закона и даровал подобную привилегию своим последователям, — что навлекало проклятие священников, которые ве-

ками были хранителями Закона. Что раздражало более всего, так это нежелание секты сделать что-либо, в чем ее можно было бы недвусмысленно обвинить. Члены секты платили налоги, отказывались отвечать насилием на насилие и продолжали болтать языком.

Естественно, напряжение, создаваемое существованием такой группы, должно было найти выход. Второстепенный руководитель секты, завоевавший репутацию своими магическими способностями и талантливый оратор, столкнулся с группой консервативно настроенных граждан и предстал перед религиозными властями по обвинению в богохульстве. Его друзья утверждали, что обвинение было сфабриковано, и на суде обвиняемый доказал это. В конце своей длинной публичной речи, в которой он напомнил слушателям об их национальной истории и об ошибках их предшественников, он заявил, будто умерший руководитель, почитаемый сектой, был тем самым обещанным Мессией, и утверждал, что ему было видение, в котором этот казненный нарушитель закона и неудавшийся революционер прославлялся на небесах наравне с национальным божеством.

Тогда основой национальной религии и гор-

достью нации был Закон — свод сложнейших правовых, нравственных и религиозных правил, продиктованный их богом, как верили люди на заре истории. Чтобы соблюдать этот Закон вопреки иностранным захватчикам, их праотцы шли на смерть и видели, как пытают их детей. Допустить, что неуважение к Закону может быть одобрено свыше, было невыносимо. У первосвященников, по сути, не было выбора. Наказанием за богохульство было побивание камнями. Соответственно, виновный был побит камнями, и все согласились, что иначе поступить было нельзя.

Деметрий был в восторге от своих новых спутников.

В первый вечер они поделились с ним едой и дали ему грубое одеяло, пахнущее козлом, для тепла. Смотря на звездное небо, он подумал о Симоне и вспомнил, как однажды они были вынуждены покинуть один негостеприимный город и долго шли по опасной дороге в поисках постоялого двора, но, так и не найдя его, остановились на ночь под скалой. Симон был добр к нему той ночью. Деметрий подумал, что Симон был часто добр к нему — чаще, чем ему тогда казалось. Но даже когда Симон не был добр, он был рядом. Где теперь Симон? Деметрий заплакал от жалости

к себе, когда понял, что свобода обрекла его на одиночество. Он заснул, свернувшись жалким комочком.

Через несколько дней он забыл Симона. Его друзья нашли ему красное платье и шапку, подобные тем, что носили сами, и научили его бить в цимбалы. Он научился танцевать несколько танцев богини. Это были странные, пьянящие кружения, от которых в голове сперва все плыло, а потом наступал странный покой и мысли делались ясными и отстраненными. Казалось, его тело, кружащееся как волчок, существовало отдельно от головы. Он не хотел останавливаться, но ему не разрешали. Говорили, это опасно для новичка. Но если он останется с ними, его научат.

Они проходили по городам и деревням, и он бил в цимбалы и танцевал. В основном их встречали дружелюбно, только изредка бросались камнями. Они держались побережья, где смешанное население говорило по-гречески; горной же части страны религиозная терпимость была не свойственна. Они проносили по улицам образ своей богини. Деметрию сказали, что она была Матерью. Деметрий спросил, была ли она той же самой богиней, которой поклонялся он, и ему объяснили, что она известна под разными

именами, но ее первое имя — Жизнь. Она дает, и она же забирает. Они носили ее образ по стране и в полнолуние приносили ей ежегодное жертвоприношение и купали ее в реке.

Деметрий спросил о жертвоприношении, но ему сказали, что существует много таинств и что он еще новичок. Если он останется с ними, они его научат.

В группе было двое юношей немногим старше его. Они были греками и, кажется, близкими друзьями. Они ревностно поклонялись богине уже год и говорили, что их скоро посвятят в таинство. Они не хотели ничего говорить ему о таинстве, кроме того, что это церемония очищения, которая навсегда посвятит их служению богине. Они говорили об этом с таким смиренным пылом, что Деметрий им завидовал. Он думал, что очень приятно посвятить себя чему-нибудь. Он спросил, нельзя ли посвятить его в таинство вместе с ними, но они улыбались и говорили, что он слишком молод.

Он бил в цимбалы и танцевал, и казалось, что его жизнь с Симоном осталась далеко позади. С друзьями он чувствовал себя в безопасности — все были добры к нему, и никакие пугающие духи не мерещились ему в чаше для предсказаний,

огне или лампе, не преследовали на пустынных дорогах и не наполняли его сны чудовищами.

Однажды он увидел нечто его удивившее. Это случилось в их последний день на побережье — на следующий день они собирались направиться в глубь страны, в горы и леса. Они прошли, танцуя, через деревню, собирая пожертвования на свою вечернюю трапезу, но, когда остановились на ночлег, один из мужчин не перестал танцевать. Странно напряженный, обливаясь потом, с закатившимися глазами, он танцевал медленно, ритмично, с наводящей ужас нескончаемой энергией на грани истощения, и тамбурин дрожал и вибрировал в его вытянутой руке. Он наматывал вокруг костра петлю за петлей, извиваясь и отступая в рисунке танца, который был понятен одному ему, извиваясь и отступая среди многочисленных зрителей. И вот он ступил в костер и замер.

Он стоял там босой, с бесстрастным лицом, а потом продолжил свой танец, выйдя из пламени.

— Я думал, только мой хозяин был способен на это, — помолчав, сказал Деметрий.

— Боль — это тайна, — сказал мужчина рядом с ним. — Ее можно разгадать.

— Вы научите меня, — спросил Деметрий, — не

чувствовать боли?

— Если останешься с нами, мы тебя научим.

Он остался с ними.

— Некромантия не по моей части, — сказал Симон Волхв.

— Я хорошо заплачу, — сказал ювелир.

— Меня не интересуют деньги, — сказал Симон.

— Этот перстень, — улыбнулся ювелир, прикасаясь к бирюзе торговца пряностями, — стоил немало драхм.

Они сидели в таверне уже не первый час, ювелир заказывал кувшин за кувшином кислого местного вина, а Симон говорил. Разговорами Симон иногда зарабатывал на жизнь. Однако в этот раз он говорил слишком много. От философии он переходил к астрологии, от астрологии — к магии и, отвечая на вопросы ювелира, чью напористость осознал слишком поздно, не мог побороть в себе тяги продемонстрировать обширность своих знаний. Когда принесли очередной кувшин с вином, ювелир сделал Симону предложение: у ювелира есть брат, дядя жены которого… Это была длинная и безнравственная история, в которой, кроме всего прочего, фигурировали: судебный процесс, оспариваемое завещание и

земельная тяжба. Симон слушал вполуха: он слышал все это десятки раз. Без околичностей, речь шла об убийстве с помощью колдовства. Маг сталкивается с самыми низменными сторонами людей — его просят сделать то, что люди не осмеливаются сделать сами.

— Нет, — сказал он.

— Вы — маг, — сказал ювелир.

— Некромантия не по моей части, — повторил Симон.

Но деньги действительно были нужны. Он не верил, что его перестали искать, после того как он покинул Аскалон. Возможно, за его поимку была даже назначена награда. Он не мог чувствовать себя в безопасности, пока не окажется в другой части страны. На прибрежных дорогах было полно войск — он прибыл в Иоппию с целью найти корабль, но его средств едва хватило бы, чтобы добраться до следующего порта.

— Мне кажется, деньги вам бы не помешали, — сказал ювелир. Он осмотрел пропыленную одежду Симона. — Но, возможно, вашей квалификации не достаточно для этого дела?

— Разумеется, это в моих силах, — высокомерно обронил Симон и снова погрузился в неловкое молчание.

Ювелир попробовал подойти с другой стороны.

— Это вовсе не колдовство, — мягко сказал он, не выпуская из виду молоденькой служанки, которую, казалось, заинтересовал разговор, а возможно, и Симон. — Это исправление несправедливости.

— Посредством проклятия.

— Вас не просят вызывать дух умершего человека.

— Чепуха, — поспешно возразил Симон. — Дух необходимо вызывать, неважно, появится он или нет. Иначе ничего не сделать. И это очень опасно.

— Хорошо, если вы боитесь…

— Разумеется, я не боюсь. Я знаю, что я могу. Это вопрос выбора. Магия — благородное искусство. Некромантия — это осквернение магии.

Ювелир встал из-за стола.

— Очень приятно было с вами познакомиться, — сказал он и, поклонившись, направился к выходу.

Когда он выходил, в таверну вошли двое солдат, коротко стриженных, с короткими мечами и высокомерных. Они окинули присутствующих взглядом, в котором выражалось презрение оккупантов к не до конца усмиренной стране.

Это был очень внимательный взгляд, который на мгновение задержался на Симоне. Он допил вино и, как только солдаты повернулись к нему спиной, вышел из таверны.

Ювелир был в конце улицы, Симон его догнал.

— Вы понимаете, — сказал он, — что нужен не просто… труп. Это должно быть тело человека, умершего насильственной смертью.

— В наших местах это не так уж трудно устроить, — сказал ювелир.

— Нужен казненный преступник. А еще лучше — его голова.

— Два дня назад повесили одного, — сказал ювелир. — Очень убедительно. Тело на кладбище.

— Я не хочу ничего знать об этой части работы.

— Разумеется.

— Если ваших людей поймают на кладбище, я буду отрицать любую причастность к делу.

— Естественно.

— Пятьдесят драхм?

— Пятьдесят драхм.

— Половину вперед.

— Ну если вы настаиваете.

— Хорошо, — сказал Симон. Он немного подумал. — И чем скорее, тем лучше, — добавил

он. — Я остановился на постоялом дворе, откуда мы только что вышли. Комната над конюшней. Если предпочитаете не передавать мне лично, можете бросить в комнату через окно.

— Договорились, — сказал ювелир.

Симон свернул в переулок и скрылся.

Он исчез так быстро, что ювелир не успел задать ему вопрос.

Вторую половину дня Симон провел в гимнастическом зале, где был мальчик, похожий на Деметрия, а потом в банях. Когда наступил вечер, он чувствовал себя отдохнувшим и в хорошем расположении духа. У него будут деньги. Риск был небольшой. Через три дня отплывал корабль в Кесарию. Он позволил себе хороший ужин на драхмы торговца пряностями, которых становилось все меньше.

Вернувшись на постоялый двор, он выпил еще вина и пустился флиртовать с молодой служанкой. Она оказалась дочерью хозяина постоялого двора. Ее отец внимательно и злобно следил за ней. Симон подозревал, что ей нередко удавалось его обманывать. Что было бы не трудно — тот был туп, как вол, и много пил. Симон не раз угощал его.

Он невзначай спросил девушку о солдатах и

с тревогой услышал, что они остановились на постоялом дворе. Однако из ее следующего замечания он понял, что они искали не его.

— Они привезли заключенного на судебный процесс, — сказала она. — Не знаю, что он сделал, но его, беднягу, охраняют трое солдат. Отец хотел поселить двоих из них в вашу комнату, но я сказала, им будет лучше всем вместе. Поэтому комната осталась за вами. — Она с вызовом посмотрела на него: — Хорошо, правда? Или вы предпочитаете компанию?

— Это зависит, — сказал Симон, — от компании.

Он увидел, что хозяин двинулся в их сторону, и быстро отправил девушку прочь.

— Я попросил вина получше, — пожаловался он, — но она говорит, это все, что у вас есть.

Хозяин постоялого двора неуклюже размахнулся, чтобы дать ей оплеуху, но девушка увернулась, и он послал ее в погреб за лучшим вином. Он долго извинялся перед Симоном за тупость дочери. Ему было трудно ее воспитывать — жена-то умерла. Пьяная слеза скатилась по его щеке.

— Твоя компания, скажем, — продолжил Симон прерванный разговор, когда девушка вернулась, — была бы всегда кстати.

Она пришла к нему в комнату, когда было уже поздно — хозяин, шатаясь, удалился к себе два часа назад, а пьяная ссора между солдатами за стенкой давно превратилась в состязание по пьяному храпу.

В комнате Симона проходило более мелодичное состязание, в котором мелодии исполнялись, повторялись и игрались снова с множеством приятных вариаций, тонких гармоний и упоительных концовок. Когда последние мелодии последней, и наиболее сложной, части симфонии иссякли, Симон приподнялся на локте и с удивлением начал изучать девушку. В таком городе ее не оценят. Но в Кесарии…

— Почему бы тебе не уехать со мной? — сказал он. — Я уезжаю через несколько дней. Кесария, Тир… Можем отправиться куда угодно. Ты ведь не собираешься оставаться в этой третьесортной гостинице со своим отвратительным папашей.

— Рим, — мечтательно сказала она. — Я всегда хотела поехать в Рим.

Рим. Центр мира. Почему-то его туда никогда не тянуло. Одна мысль о поездке в столицу вызывала у него отвращение. Неужели он боялся, что в великом городе найдется маг, превосходящий его самого? В первый раз он осознал, насколько

провинциален, и почувствовал стыд.

— Рим, — повторил он утвердительно.

Почему бы и нет. У него будут деньги. Можно и в Рим — все пути открыты. Девушка прильнула к нему губами, потешаясь над его серьезностью, и, к своему удивлению, он обнаружил, что действительно возможно все. Он исследовал границы этого открытия, когда с улицы донеслись шаги.

Что-то влетело через окно и упало на кровать. Это не был мешок с деньгами.

Глазами из растекшегося желе них смотрела зелено-лиловая человеческая голова. В волосах ее застряли комья земли.

Симон оделся и выпрыгнул из окна, пока девушка набирала в легкие воздух для третьего душераздирающего крика.

Они шли весь день, и Деметрий устал. Если бы он не был таким усталым, он мог бы заметить необычную задумчивость своих спутников. Не было танцев: они миновали окраины нескольких деревень и городков, не заходя в них. Словно компания берегла силы для чего-то важного.

Пейзаж стал другим: плодородные равнины с кукурузными полями сменились неровной гористой местностью, поросшей кустарником и испещренной пещерами. Время от времени

вблизи деревень попадались оливковые рощи. Дорога вела на восток между грядами тусклых округлых холмов, время от времени вдали было видно ослепительно яркое море. К востоку возвышались длинные зубчатые скалы, расколотые отвесными ущельями. Однажды, когда группа остановилась, чтобы передохнуть у колодца, над ними закружил орел, черный на фоне светлого неба.

Они остановились на ночлег в укромной долине в нескольких милях от леса. За вечерней трапезой Деметрий сидел рядом с двумя юношами, которые ожидали посвящения. Они были тихи и неразговорчивы. Казалось, они погружены в свои мысли. Они сказали, что посвящение состоится через день. Завтра все будут отдыхать.

Музыка началась в полночь через день. Цимбалы и тамбурин и тонкий звук флейты. Музыка звучала по-новому: в ней слышались томление, грусть. Деметрий почувствовал, что она проникает в его сердце как воспоминание о чем-то бесконечно дорогом, утраченном безвозвратно. Он не сразу присоединился к танцующим, а сидел, вглядываясь в темные силуэты горных вершин на фоне бледного неба и пытаясь вспомнить, что он утратил.

Затем он начал танцевать, повторяя неторопливые па других танцоров, кружащихся вокруг костра. Медленный, настойчивый ритм. Он ждал, когда ритм станет быстрее, как это обычно бывало, но тот не менялся, и он понял, что они танцуют танец вечности, танец бесконечного повторения всего живого, переплетения смерти с жизнью и жизни со смертью. Его охватило чувство полной беспомощности, когда он танцевал бесконечную череду ночи и дня, времен года, рождения и тления. Не было избавления, не было покоя от кружащихся планет и сменяющих друг друга времен года и от кружения танца вокруг неведомого огня змея, кусающего свой хвост.

На заре они наконец двинулись по направлению к лесу. В сыром воздухе стоял освежающий и пьянящий запах сосен, солнце поднималось из тумана, словно привидение в саване.

Для прорицания требовались мальчик, лампа и чаша. Он взял взаймы лампу, купил чашу у котельщика в деревне. Недоставало мальчика.

Симон часто вспоминал о Деметрий, но в этот раз его не хватало как никогда прежде. Мальчик идеально подходил для прорицаний. Он легко входил в транс и выглядел таким напуганным, что было невозможно не поверить, что с ним

говорили духи. Симон часто спрашивал себя, что Деметрий видел на дне чаши. Сам он часто ничего не видел. Иногда он видел такое, что предпочитал бы не видеть вовсе. В этом крылась одна из причин, почему он сам редко занимался прорицаниями.

Но теперь у него не было выбора. Он покинул побережье после поспешного бегства с постоялого двора в Иоппии и направлялся на север через горную часть страны, представляясь бродячим предсказателем, когда в его сети попалась рыба крупней, нежели он рассчитывал. Сирийский купец, посещавший Самарию по семейным делам, узнал о прорицателе и решил проконсультироваться у него насчет не доставленной вовремя партии шелка. На карту была поставлена куча денег: купец обещал щедрую награду за настоящее прорицание.

Учитывая обстоятельства, было не похоже, что вообще что-либо проявится, но Симон готовился к сеансу со всей тщательностью. Место, которое он выбрал для ритуала, было сухой пещерой в горах за деревней. У входа в пещеру он зажег небольшой костер, теперь на нем курился и потрескивал фимиам. Огонь отбрасывал странные тени на стены пещеры, казалось, они танцуют.

Купец сидел у огня, завернувшись в плащ и наблюдая за тенями. Он казался скучающим, но его пальцы сжимали края плаща слишком сильно.

Симон поставил лампу так, чтобы она отбрасывала свет на блестящую поверхность масла в медной чаше. Тихим голосом он начал взывать.

— Благородное дитя, явившееся из цветка лотоса, Гор, повелитель времени…

Он говорил нараспев и чувствовал, как его захватывает заклинание.

— Чье имя неведомо, как неведомы его природа и облик. Я знаю твое имя, твою природу, твой облик.

Пятна света дрожали на блестящем зеркале жидкости.

— Великий бог, вечный, что сидит в пламени, яви себя мне. Дай ответ на мой вопрос.

Комок фимиама вспыхнул таинственно ярко и взвился голубым огнем. Купец задрожал.

— Ибо я есть он, явившийся на востоке: рассей темноту. Имя мое велико.

Сверкающие пятна на поверхности масла сошлись ровным свечением.

— Я есть Гор, сын Озириса, который спрашивает у отца.

Свет треснул. Из тонких, как волоски, трещин

росла темнота, поглощая свет, как треснувший лед. Наконец остался только неровный ободок света. Симон смотрел во тьму. В ее глубинах тьма была еще гуще, лиловая чернота, которая была тенью яркого света. Чернота обрела форму и засияла. Она поднималась ему навстречу с ужасающей отчетливостью. Глаза холодные, как камень, над крючковатым носом. Лицо из ночных кошмаров, лицо старше, чем мир.

Симон понял, что не может ни двигаться, ни говорить. Лицо все поднималось ему навстречу. Усилием воли он сдерживал его. Он искал слова для вопроса, но его ум был пуст. Он не знал, для чего вызвал этот ужасный призрак. В приступе ужаса он понял, как одинок; потом вдруг увидел дрожащего Деметрия, склонившегося над другой чашей с демонами в другом месте, в другое время. Помимо его воли губы вымолвили имя мальчика.

Он вспомнил вопрос: груз шелков. Он заговорил.

На мгновение показалось, что лицо втянет его в себя. Потом оно сморщилось и сжалось, как пергамент, и растаяло. Он увидел морщинистую поверхность горы. Чахлые кусты, редкие деревья, а вдали угадывалась зелень леса, отбрасывавше-

го длинные тени в вечернем солнце. Он увидел ярко одетых людей, танцующих под музыку. Танцоры кружились вокруг сосны. Под деревом была одинокая фигурка, тоже танцующая, но как-то судорожно; руки у нее были заняты. Мальчик. В правой руке — что-то блестящее, в левой…

Снизу вверх по картине стало расползаться красное пятно. Оно быстро росло. Пятно приближалось к фигуре мальчика, когда Симон увидел его лицо. Потом красный поток залил всю картину. Симон стоял коленопреклоненный над чашей с кровью.

Красное стало черным, и снова возник зыбкий серебристый отсвет. Постепенно пятна света возобновили свое движение.

Симон отпустил духа.

Какое-то время он стоял на коленях, обхватив голову руками. Потом поднялся и, обернувшись, вспомнил о купце. Тот тоже встал и смотрел на него с нетерпением.

— Ну, что же вы увидели?

— Ваш корабль… — проговорил Симон и зажмурился. Из темноты, из мельтешения ярких пятен под веками возникло то же хищное лицо.

— Да?

— Ваш корабль в безопасности, — сказал Си-

мон. Его слегка покачивало. — Он будет в порту через три дня.

Купец смотрел на него с недоверием, в нем боролись чувства облегчения, подозрения и невольного уважения.

— Откуда мне знать, что вы говорите правду? — спросил он. — Я ничего не видел.

— Да, вы не видели, — ответил Симон. — Благодарите ваших богов за то, что они вам не показываются.

Купец смотрел на него еще какое-то время, бросил несколько монет и вышел из пещеры.

Симон пересчитал деньги и спрятал их. Он стоял у входа в пещеру и смотрел, как светлеет небо. Потом затоптал огонь, собрал свои вещи в небольшой узел и отправился в сторону гор на юго-запад.

Деметрий танцевал. У него открылось второе дыхание. В его сознании была зона ясности и покоя, за ней, где-то очень глубоко, притаилась лавина из хаоса, цвета и шума, которая была готова обрушиться на него, как только он перестанет танцевать. Он не смел перестать танцевать. Он не мог перестать танцевать. Когда он перестанет танцевать, мир исчезнет.

Музыка сменялась несколько раз. Бесконечное

кружение, танец вечности, который они танцевали на рассвете, больше не повторялся: змей был усмирен. Вместо него под восходящим солнцем они танцевали простой веселый танец, состоящий из прыжков и пробежек и детских жестов; как он понял, это был танец рождения.

Отдыхая во время этого танца, он заметил, что к ним присоединилось несколько групп людей, в основном женщин, из соседних деревень. Женщины пели, хлопали, а некоторые присоединялись к танцу.

К полудню музыка стала быстрее и напористее: это был танец зрелости, танец плоти в пору ее расцвета, танец солнца в зените. Под прямыми лучами солнца краски и музыка слились воедино и пульсировали в голове Деметрия. Когда блеск стал непереносимым, он зажмурился и, продолжая танцевать, видел белое солнце под сомкнутыми веками.

Солнце постепенно двигалось на запад, и музыка стала неистовее. Деметрий танцевал. Музыка не позволила бы ему остановиться — она завладела им, она стала кровью, бегущей у него по венам; когда он остановится, кровь выльется и он умрет. Музыка вела его дальше и дальше, к концу.

А затем флейты взяли высокую ноту, подобную

вечернему ветерку, холодному и чистому. Ритм изменился. Он стал спокойным, размеренным и даже величавым; поступь вечного достоинства, поступь, как подсказывала ему его кровь, печали. Деметрий не ведал настоящей печали — теперь он познал ее. Драма человеческой жизни прошла перед его внутренним взором, пока его ноги инстинктивно танцевали танец смерти. Он снова увидел темницу вечного змея и тщетность маленьких жизней, которые тот поглощал. Он увидел отвагу мужчин и красоту женщин, увидел, что и то и другое обратится в прах. Он увидел смех детей и улыбку мучителя, увидел, что и то и другое обратится в прах. Со всей ясностью увидел фигуру своего хозяина и увидел, что маги бессильны против безмолвного обращения в прах. Затем он увидел, что, даже будучи бессильным, человек может сделать одно — выбрать, как и когда умереть. Человек может быть хозяином своей смерти. Более того, он может быть хозяином самому себе и не отдавать заложников змею, так как он может сделать выбор — умереть, не посеяв семени.

Прохлада, чистая музыка. Солнце садилось. Ритм немного ускорился, в нем появилась какая-то неотложность. Какая могла быть неот-

ложность, если все шло своим чередом к смерти? Деметрий танцевал, зная, что это его последний танец. Музыка пронзила его тоской и нестерпимой грустью. Теперь все жен-шины танцевали, их лица были обращены к заходящему солнцу. Деметрий танцевал.

Музыка становилась быстрее, еще быстрее. Танцоры на склоне горы разошлись, и он остался один, наверху. Его сознание по-прежнему пребывало в спокойной и ясной зоне, где тихие голоса раскрывали ему тайны. Он летел над серебряными морскими гребнями, и голоса подбадривали его. Он странствовал и был почти в конце пути; достигнув конца, он сможет отдохнуть, он сможет отдыхать вечно в чистом покое, так как сделает то, что от него требовалось.

В руку ему что-то вложили. Это чтобы помочь. Это связано с тем, что от него требовалось. Посмотрев вниз с высоты, где летел над серебряным морем, он увидел, что его тело, с которым его сознание, непонятно зачем и почему, было все еще связано, не очищено. Это было сделать несложно: в мыслях он поднял нож, и рука послушно повторила жест.

До него донесся крик. Крик был резким, неприятным, и его рука остановилась. Его руку грубо

схватила чья-то чужая рука. Деметрий не хотел этого. Он не хотел, чтобы его так сильно били по лицу, хотя и не испытывал боли. Однако удары заставили его сознание прекратить полет, и он почувствовал, что спускается с высоты обратно в свое грубое и потное тело, в смятение. Вокруг себя он увидел нелепые лица, его талию обхватила сильная рука, с которой он яростно, но бесполезно боролся. Земля — о Господи, земля — была покрыта кровью и кусками плоти. Он склонился к руке, которая его поддерживала, исторг поток блевоты и потерял сознание.

По его лицу струилась ледяная вода, стекая по шее. Он передернулся. Его подняли, перенесли и положили у костра. Укрыли плащом. В костер бросили листья. Дым стал резким и душистым. Деметрий зачихал. Все разлетелось на куски, когда он чихнул. Потом все собралось обратно с тихим треском. После этого все успокоилось.

— Хорошо, — сказал Симон.

Казалось, прошло много времени. Деметрий понял, что все это ему приснилось. Он никогда не расставался с Симоном. Это было невозможно.

— Ты маленький дурачок, — тихо сказал Симон.

Деметрий попытался подумать об этом, но

думать было слишком тяжело. Что-то происходило. Он проверил голос, и оказалось, что тот действует.

— Что случилось? — спросил он.

— Ты чуть не оскопил себя, — прорычал Симон. — Вряд ли это изменило бы что-нибудь.

Деметрий почувствовал, как земля пошатнулась. Голова прояснилась, и ему показалось, он слышит музыку.

— Ты остановил меня? — прошептал он.

— Ну, у тебя все на месте, не так ли?

Он почувствовал под рукой теплую, невредимую плоть. Его переполнило чувство яростной горечи.

— Ты помешал мне! — закричал он. — Я хотел очиститься.

Он разрыдался. Симон смотрел, как он плачет, пока Деметрий не уснул.

Утро было яркое и ясное, без тумана. Деметрий проснулся, его голова лежала на руке Симона. Он лежал и думал. Он решил, что ситуация могла бы быть и хуже. Подумав еще, он решил, что она могла бы быть гораздо хуже. Подумав еще, он также решил, что нужны кое-какие объяснения. Он повернулся, чтобы посмотреть, не проснулся ли Симон.

— Не вертись, — сказал Симон.

— Как ты попал сюда? — сказал Деметрий. — Я имею в виду, как ты узнал, где я?

— Ты полагаешь, я искал тебя, самоуверенный мальчишка?

— О, — сказал Деметрий. Симон улыбнулся.

— Я тебя предрек, — сказал он.

— Что?

— Я искал груз шелков, а вместо него нашел тебя. Неравноценная замена.

Деметрий завертелся от удовольствия. Он понял, что ему наскучили процессии. Они лежали и разговаривали. Симон рассказал ему о прорицании Гора, и Деметрий задрожал. Симон рассказал ему о зелено-лиловой голове, и Деметрий завопил. Симон рассказал ему о Горгоне, и Деметрий застонал от смеха.

— Теперь, — сказал Симон, — расскажи мне, как ты связался с этими убийцами, спутниками Кибелы, и решил сделать карьеру евнуха. Нет, сперва расскажи, что случилось, когда тебя поймали. Если они пытали тебя, то ты поправился удивительно быстро.

Деметрий рассказал ему все, немного приукрасив.

— Итак, — сказал Симон, — ты собирался про-

дать меня за тридцать сребреников?

— Конечно нет, — сказал Деметрий с негодованием. — Это был трюк, с помощью которого мне удалось выбраться.

— Понимаю, — сказал Симон.

Помолчав, он сказал:

— Тридцать шекелей — это оскорбление.

Чуть позже:

— С другой стороны…

Потом он какое-то время молчал и изучал небо.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Мы вернемся туда.

— Но вас схватят! — закричал Деметрий.

— Подумай о деньгах, — сказал Симон. — С тридцатью шекелями мы доберемся до Себасты. Тебе там понравится.

Он наблюдал за тем, как изумление на лице мальчика сменялось пониманием. Он был хорошим мальчиком. Симон провел пальцами по тугим кудрям и чистой юношеской шее. Уголки губ Деметрия дрогнули — то ли от удивления, то ли в знак согласия, а может быть, и от удовольствия: Симон никогда этого не понимал.

Он вынул руку из-под головы мальчика, перевернул его и нежно овладел им, после долгого

перерыва. Его способность к концентрации всякий раз после этого усиливалась.

Путь обратно в Аскалон занимал три дня, если идти по более длинной дороге: следовало избегать побережья. Они договорились встретиться на постоялом дворе в пяти милях от города.

— Если тебя там не будет, — сказал Симон, — если ты меня обманешь, я буду снова искать тебя, и отыщу, и проучу как следует. Последнее, что я обещаю сделать: я кастрирую тебя, и, поскольку на этот раз ты не будешь танцевать весь день, ты почувствуешь все. Понял меня, мальчик с львиным сердцем?

Деметрий смиренно кивнул. Такая мысль уже приходила ему в голову, но он отверг ее.

Они не спеша вошли через ворота и разделились. Деметрий направился к дому магистрата. Симон пошел по направлению к амфитеатру. Был ранний вечер, и на улицах было полно людей.

Симон сидел на мраморных ступенях театра и, казалось, смотрел на землю. Вскоре появился Деметрий, показывающий на него пальцем, с ним было шесть солдат. Они приближались к Симону, который не поднимал головы.

— Симон из Гитты? — спросил самый высокий солдат.

Симон поднял голову.

— Я — Симон Волхв, — сказал он.

Они схватили его, удивляясь и смеясь над ним, когда он не оказал сопротивления. Один из солдат, гогоча, бросил Деметрию мешочек с деньгами. Мальчик моментально исчез, растворившись в толпе зевак.

Солдаты проталкивали Симона сквозь толпу. На перекрестке нескольких улиц, где было особенно многолюдно, Симон остановился.

— У меня сандалия порвалась, — сказал он.

Он нагнулся. Солдаты так и не поняли, что произошло. Секунду назад они чувствовали твердое, мускулистое тело в своих руках — секунду спустя его не было.

— Он исчез, как воск в огне, — рассказывал один из них позже, но его высекли, как и остальных.

Симон быстро шел сквозь толпу, пока не достиг городских ворот. Потом он побежал. Он бежал, как дьявол.

2. Боги

Себаста — новое имя древней горной столицы Самарии, столицы, которую прежде, а зачастую и до сих пор тоже называли Самарией. Новое имя было дано Иродом Идумеянином, который любил, чтобы в царстве была ясность, и успел заработать своей чрезмерной сноровистостью самую дурную репутацию.

Также Ирод любил современную архитектуру и подарил Себасте множество прекрасных зданий в греческом стиле. Он не старался понравиться своим подданным, которые были уверены, что за греческими зданиями последуют греческие нравы, и с мрачным удовлетворением наблюдали, как их сыновья отбрасывали скромность, всегда украшавшую обрезанных евреев, и обнаженными занимались борьбой в новых гимнастических залах.

Однако в то время коренное население Самарии уже не составляло большинства. В соседней Иудее утверждали, что коренных самаритян вовсе не осталось. По мнению иудеев, все самаритяне были либо полукровками, либо просто язычниками,

так как являлись потомками восточных народов, которыми Саргон Ассирийский заселил северное царство (сначала выселив из него израильтян) семь веков назад. Самаритяне с возмущением доказывали свою принадлежность к избранному народу и, объясняя явные отклонения от иудейского вероучения, утверждали, что вовсе не они от него отклонились. Это был очень старый спор, непонятный никому, кроме самих спорящих.

Через полвека после смерти Идумеянина, обстоятельства которой были совершенно отвратительны (смертельная болезнь затягивалась так долго, что прогнивший насквозь монарх успел сжечь заживо группу молодых религиозных вольнодумцев), Себаста была одним из самых космополитичных городов империи. Население города включало большую греческую общину, разрозненных италийцев, африканцев и азиатов, а также уцелевших ассирийцев. В городе были распространены десятки религий, что заслужило ему славу нерелигиозного города. С места храма Ваала, построенного Агавом Вероотступником, набожному самаритянину открывался вид на святую гору Геризим, на которой (а вовсе не на Синае, вопреки утверждениям иудеев) Моисей получил Закон и на которую уже в недавнее

время апостол повел своих последователей в поисках священных сосудов, утерянных при разграблении Храма. (Сосуды так и не были найдены, паломники же — казнены по приказу прокуратора Пилата.)

Если не смешивать религию с политикой, Себаста была приветливым, уютным городом, и после всех несчастий, приключившихся с ним в Иудее, Симон Волхв поспешил туда как к себе домой. Ему казалось, там он будет в безопасности. В этом он ошибался.

Он не был в Себасте пять лет, но вспоминал о ней с любовью как о месте, где он наделал немало шуму. Входя в город пропыленным, усталым и злым, с осликом, который норовил съесть его багаж, и с Деметрием, жалующимся на стертые ноги, Симон почувствовал огромное облегчение. Он был уверен, что его тотчас узнают. Он надеялся, что его не успеют узнать, пока он не примет ванну. Было бы лучше всего, если бы его не узнали, пока он не подыщет приличное жилье и не оправится после дороги. Однако, если бы ему встретился старый знакомый, который предложил бы ему комнату, он бы не стал отказываться.

Он шел по улицам с Деметрием и с осликом, и

никто его не узнавал.

Они нашли жилье на постоялом дворе, запущенном и не очень опрятном, в дешевом районе города. Симон с отвращением посмотрел вокруг.

— Каков ваш род деятельности? — задал вопрос хозяин гостиницы, осмотрев его с подозрением.

Симон негодовал. Он хотел сказать, кто он: маг, который пять лет назад превратил главную площадь Себасты в зеленый лес, наполнив его львами, тиграми и скачущими газелями. Он поборол это желание. Ему бы все равно не поверили, а это хуже, чем когда тебя не узнают.

— Я купец, — сказал он холодно, — но я торгую очень редким товаром. Я удовольствуюсь комнатой.

Ему придется довольствоваться этим, пока не найдется что-нибудь получше. Он упал на постель, и его охватило уныние. Город за городом, и всякий раз приходилось все начинать сначала. Здесь, где он рассчитывал встретить друзей, было то же самое. Никто его не помнил.

Деметрий, возившийся со своими волдырями, посмотрел на него с выражением, которое можно было бы принять за симпатию.

— Через пару дней все образуется, — сказал он.

— Ты идиот, — сказал Симон.

Деметрий часто угадывал, о чем он думает. Это приводило Симона в бешенство. Он мог читать чужие мысли лучше, чем Симон.

Но Деметрий оказался прав.

Через два дня после приезда в Себасту, после ванны, отдыха и нового плаща, настроение у Симона улучшилось, и он с уверенностью прогуливался по оживленным поздним утром улицам. Иногда ему казалось, что он видит знакомое лицо, но на него смотрели как на чужака.

Хорошо, скоро они о нем узнают.

Он остановился возле мужчины, продававшего певчих птиц в деревянных клетках. Он указал на клетку, в которой была одна птица.

— У вас в одной клетке слишком много птиц, — сказал он. — Они передерутся.

— О чем вы говорите? — изумился торговец. — Там всего одна птица.

— Чепуха, — сказал Симон. — Их пять по меньшей мере.

— Там всего одна, говорю вам.

— На самом деле, — сказал Симон, — я насчитал десять.

— Ты сумасшедший или как?

Собиралась толпа.

— Десять, двадцать, какая разница? — сказал

Симон. — В любом случае нескольких следует выпустить.

Он отодвинул пальцем щеколду на дверце клетки.

— Эй, — сказал продавец птиц, — руки свои убери.

— Сколько вы хотите, — спросил Симон, — за всех птиц в этой клетке?

Зеваки шушукались и хихикали.

— Два сестерция, с клеткой. И тогда выпускай сколько влезет.

Симон положил монету в протянутую ладонь и отворил дверцу. Птичка вприпрыжку приблизилась к самому краю клетки и замерла, испуганно попискивая, не веря в свободу. Симон повернулся и обвел толпу взглядом.

Птичка затрепетала крыльями, с неожиданной уверенностью расправила их и взмыла в небо. Вторая птичка, трепетавшая крыльями вслед за первой, колебалась секунду, прежде чем стремглав улететь. Ее место тотчас заняла третья птичка, за ней четвертая, пятая, и вот уже птички хлынули из клетки неисчислимым потоком, с щебетом разлетаясь над головами изумленной толпы.

Симон защелкнул маленькую деревянную

дверцу.

— Клетку оставь себе, — сказал он и удалился.

В секте, которая утверждала, что близится конец света, назревал раскол. Сперва ничего серьезного: перебранка между двумя фракциями насчет распределения продуктов. Одна фракция жаловалась, что некоторых ее членов обошли. За обидой скрывалась антипатия, существовавшая между двумя культурными группами, однако различия касались также религиозных и политических взглядов. Секта была основана людьми с узким политическим кругозором, считавшими себя реформаторами национальной религии. Теперь же религиозные и политические взгляды новых членов секты были заражены контактом с утонченной культурой империи. Противоречия обострялись различием языков: новые члены секты говорили по-гречески.

Продуктовый конфликт был улажен, справедливая система распределения — установлена. Но конфликт скрывал более глубокую проблему, которая со временем приобрела в глазах верхушки едва ли не первоочередную важность. Кого все-таки можно было принимать в эту эксклюзивную по этническому происхождению, классово-ориентированную, апокалиптическую

по мировоззрению секту избранных? Они были простыми людьми и не думали о будущем — поскольку его не предвиделось. Поэтому они пошли удить мелкую рыбешку, а поймали Левиафана.

Тем временем возникали другие проблемы, возможно неизбежные, но огорчительные для общины, претендующей на то, что живет в правде и гармонии. Все имущество было в общей собственности: те, кто что-то имел, всё продавали и вручали деньги руководителям, которые распределяли их среди нуждающихся. В конце концов человеческая природа дала о себе знать. Один землевладелец продал имущество и отдал секте лишь часть вырученных денег, сказав, что это вся сумма.

Во главе секты в то время стоял человек неясного происхождения, известный под именем Кефа. Он полагался на веру и интуицию, более чем на разум, и завоевал уважение простотой жизни и способностью творить чудеса. Говорили, что он может читать чужие мысли. Было известно, что он совершил несколько потрясающих чудес. Возраста он был среднего, но зрелость не смягчила его характер.

Согласно единственному сохранившемуся свидетельству, неудачливый землевладелец принес

свой дар Кефе, который тотчас распознал обман.

— Ты солгал Богу, — закричал он.

Землевладелец упал без чувств, а когда его поднимали, оказалось, что он уже мертв.

Даже самые ярые враги секты не могли обвинить ее в легкомыслии.

Среди ее врагов был начитанный молодой человек из состоятельной семьи; широкое общее образование не мешало ему быть набожным. В этих антиобщественных сектантах он видел угрозу, какая не нависала над религией его народа в течение нескольких веков, и направлял свои недюжинные способности на борьбу с новой опасностью.

Это был подарок судьбы или награда за его гениальность: Симон склонялся к последнему. Через несколько дней вся Себаста знала о стае орлов, которая вылетела из маленькой клетки и затмила солнце. На улице с ним здоровались люди, которых он прежде не встречал, его приглашали на обед мужчины, с которыми он не был знаком. Пока он отклонял приглашения. Однако он не отказывал клиентам, которые приходили в гостиницу со странными просьбами. Деньги потекли ручьем, оседая в его кошельке, под матрасом и в сейфе хозяина гостиницы.

Хозяин гостиницы, выведенный из себя бесконечным потоком посетителей, которые не задерживались выпить его вина, потребовал объяснить ему, что за выгодные сделки совершаются в комнате Симона. Чтобы прекратить расспросы, Симон дал ему щедрые чаевые и снял дом в фешенебельной части города.

Дом был удобным, просторным и большим. Обходился он дорого, но Симон говорил себе, что ему нужен простор. Он задумал большую работу. Кроме спальни ему требовался небольшой кабинет и лаборатория для проведения опытов. Он переехал, Деметрий с трудом донес книги и ящики с оборудованием, которое Симон купил на базаре в приступе воодушевления.

Чтобы отметить перемену своего положения, он принял приглашение на обед.

— Я всегда легко лечил эпилепсию, — объявил врач. — Козлятина, зажаренная на погребальном костре, — безотказный рецепт.

— Безотказный, — машинально повторил Симон. Он был занят удалением костей из самой маленькой рыбешки, которую когда-либо видел. После того как он принял приглашение, ему стало известно, что Морфей знаменит своей скупостью.

— Да. — Врач погрозил ему толстым пальцем. — Желчь животного не должна попасть на землю. Я полагаю, в каждом случае, когда рецепт не помогал, эта простая предосторожность не была принята.

— Как интересно, — сказал Морфей. — Почему нельзя, чтобы она попала на землю?

— Соки желчного пузыря, — начал объяснять врач, — горячие и влажные…

— Большой палец девственницы, — вставил Симон, — прохладный и сухой…

— Колдовство! — выпалил врач.

— Что вы, — сказал Симон. — Речь не об отрубленном пальце, а о том, который по-прежнему находится на руке его обладателя.

— Эпилепсию можно вылечить прикосновением большого пальца девственницы? — в изумлении спросил Морфей.

— Конечно. Только, разумеется, правой руки.

Тразилл, молодой щеголь, который пришел поздно и в течение всей беседы не переставал зевать, спросил, растягивая слова:

— А что, в Себасте остались девственницы?

Четвертым гостем был трибун, которого недавно направили в этот город. Он отвечал за общественный порядок. Морфей хотел с ним по-

дружиться, но начал неудачно. Трибун хмурился. Он хмурился последние полчаса, в течение которых его бокал для вина оставался пуст.

— Я полагал, в этой части страны, — холодно сказал трибун, — эпилепсию вызывают демоны. Как, впрочем, и все остальное.

— Ну да, — с готовностью отозвался Морфей. — У моего двоюродного брата была служанка, в дочку которой вселился демон. У нее случались приступы буйства, и ее приходилось запирать в чулан, иногда ее держали там целыми неделями. Она была очень сильная, однажды чуть было не выломала дверь. Удивительно, правда?

— Выдумки и чепуха, — сказал врач.

— Что демоны могут вселяться в людей? — спросил Симон.

— Конечно нет. Они могут вселяться и вселяются. Но это не вызывает эпилепсию.

— Откуда вы знаете? — возразил Симон. — Если демон вселяется в кого-либо, он может с таким же успехом развлечься, вызвав эпилепсию, как и любым другим образом.

— Абсолютно ненаучный подход. Эпилепсия вызывается притоком тепла к мозгу, что расстраивает его деятельность, так как в нормальном состоянии он холодный и в нем нет крови.

— То, что в мозгу нет крови, — прервал его трибун, — может опровергнуть любой солдат, который видел человека с расколотым черепом.

Наступило молчание. Слуги внесли очень маленькое блюдо с очень маленьким куском жареной баранины. Трибун не верил своим глазам.

— Что касается дьяволов, — лениво произнес Тразилл, — один из моих слуг видел недавно человека, который изгонял их. Человек был из Иудеи.

— О, эти жалкие иудейские заклинатели, — поморщился врач. — Они создают больше проблем, чем лечат.

— Демона, вселившегося в дочку служанки моего двоюродного брата, — сказал Морфей, — изгнал бродячий заклинатель. Демон завизжал и вышел клубом черного дыма. Брат говорил, это было страшно.

— Что стало с девушкой? — спросил Симон.

— Какое-то время она вела себя нормально, а потом в нее вселился другой демон, и стало еще хуже. Некоторые люди притягивают демонов, я полагаю.

— Это как раз то, что я имел в виду, — сказал врач. — Не успеешь избавиться от одного демона, а на его месте уже десять.

— Семь, — рассеянно поправил его Симон.

— От добра добра не ищут, как говорят. Уж лучше демоны, если на то пошло.

— Но если его знаешь, — сказал Симон, — можно его изгнать. Первый принцип экзорцизма — знать имя демона.

— Я полагаю, — произнес трибун, глядя прямо в глаза Симону, — это также первый принцип магии.

— Что угодно можно обратить ко вреду, — дипломатично сказал Симон. — Сам я ничего не знаю о магии.

— Говорят, вы можете летать, — сказал трибун.

— Это правда. Но для этого я не обращаюсь к демонам и не приношу жертв ночью. Эта способность дана мне богами.

— Я поверю в это, когда увижу, — проворчал врач.

— Скоро у вас будет такая возможность, — улыбнулся Симон.

Врач разозлился:

— Как человек науки, я категорически вас уверяю…

— Что еще вы можете делать? — перебил его трибун.

— Многое, — ответил Симон, — но это требует

доброжелательных зрителей.

— Я уверен, все здесь собравшиеся… — начал Морфей.

— Этот человек из Иудеи, — сказал Тразилл, — исцеляет прокаженных. Одним своим касанием.

— Чепуха! — вскричал врач. — Проказа вызывается чрезмерной холодностью и сухостью…

— Несомненно, — сказал Симон. Он повернулся к Тразиллу: — Как зовут этого вашего чудотворца?

— О, я даже не поинтересовался. Он был таким занудным. Один из этих религиозных фанатиков — заставляет всех каяться.

— Как это утомительно, — сказал Симон.

— Но, судя по словам моего слуги, он был немного странным, — продолжал Тразилл. — Ну, вы знаете иудеев — верят только в одного Бога и все такое. Так вот, этот иудей взывал не к иудейскому богу, а к какому-то другому.

— Как? — с интересом спросил Симон. — Тогда он не мог быть иудеем.

— Но он был им.

— К какому богу он обращался?

— По словам моего слуги, он обращался к духу человека, который был казнен несколько лет назад.

— *Что?* — сказали Симон и трибун в один голос.

Все в недоумении молчали. Симон откинулся и выковыривал застрявшую между зубами баранину: такое впечатление, что между зубами застряло столько же мяса, сколько попало в желудок.

— Так-так, — проговорил он. — Некромант. И даже не скрывает этого. Я даю ему месяц, прежде чем власти с ним разберутся.

Он встретился взглядом с трибуном. Они улыбнулись друг другу, как два кота.

Симон вдруг почувствовал, что жизнь прекрасна.

— Иногда мне удается, — сказал он, — превратить воду в вино. Сейчас это могло бы оказаться полезным. Хотите, я попробую?

Он встал и вышел во внутренний дворик, где бил скудный фонтан. Фокус удавался, только когда компания уже изрядно выпила, но просто удивительно, как нужда может притупить и не самый, казалось бы, испорченный вкус. Он взглянул вверх: на ночном небе сверкали звезды. Орион и Кассиопея, Альфа и Омега, нескончаемая паутина тайны. Боги ночи, боги космоса, примите меня как своего. Сегодня он был способен на все.

Казалось, на площади собралась половина Себасты. Даже деревенские жители оторвались по такому случаю от своих полей. Маг обещал показать грандиозное представление.

Симон стоял на краю площади на помосте, покрытом пурпурной материей. Левее помоста было пустое пространство, отгороженное от толпы.

Он приветствовал собравшихся, воздев руки.

— Друзья мои, — обратился он к зрителям, — вы пришли развлечься, но я дам вам урок. Я расскажу вам историю, древнюю как мир.

Казалось, воздух посвежел. Над замкнутым пространством площади поплыла зеленоватая дымка. Внутри нее возникли столбы более интенсивного зеленого цвета и стали приобретать форму; вырастая из дымки, формы становились резче, а дымка оседала на землю вокруг них, превращаясь в траву. Возник сад с буйной растительностью, яркими птицами и пресмыкающимися.

— Смотрите наверх, — сказал Симон.

Воздух потемнел, словно его накрыла гигантская тень. Подняв головы, они увидели огромные ветви, качающиеся над площадью. Величественное дерево высотой с ливанский кедр; на его

нижних ветвях весели блестящие шаровидные фрукты.

Симон привлек их внимание к тому, что происходило под деревом.

Спиной к ним у дерева стояла женщина и смотрела на ствол. Она отошла, и они увидели огромного желтого змея, обвившегося вокруг ствола.

Верхняя половина змея двигалась в обворожительном танце, и время от времени змей останавливался, чтобы указать головой на фрукт, висящий на нижней ветви дерева.

Женщина решительно мотала головой. Змей продолжал танцевать. Немой диалог повторился несколько раз. Затем женщина медленно подошла к дереву. Медленно она потянулась за фруктом, сорвала его и поднесла к губам.

Толпа вздохнула.

В дальнем конце сада появился мужчина, он нес корзину с виноградом на плече. Он подошел к женщине, которая протянула ему фрукт. Он остановился и жестом отстранил ее. Она улыбнулась и снова предложила фрукт. Он сделал шаг вперед и взял его.

Раздался раскат грома, и обе фигуры попятились. Внезапно наступила темнота. Потом перед

деревом возник ослепительный свет.

Из света вышла статная фигура со снежно-белыми волосами и лицом, подобным огню. Буквы на ее груди складывались в Святое Имя. В руке она держала меч, который походил на язык пламени. Она направила меч в сторону мужчины и женщины, и те, корчась от его прикосновения, исчезли во тьме.

Постепенно темнота отступила. Огненная фигура исчезла.

Краски дерева бледнели, словно выцветая на солнце, ствол терял очертания, растворяясь в полуденной дымке. Небо впитывало огромные ветви, они сжимались и крошились на глазах, пока в синеве не осталась полоскаться тряпичным лоскутом единственная полоска зелени.

Он задержал видение еще на миг, а потом позволил ему полностью исчезнуть.

Наступила тишина, длившая ровно столько, сколько необходимо, чтобы осознать, что это был сон. Потом возник робкий шумок, который становился все громче, пока не превратился в крик тысячной толпы:

— Симон! Симон! Симон!

Он стоял на помосте, в ушах его слышался звон, в голове царила странная пустота. Он улыбался,

испытывая чувство легкой жалости.

— Симон! Симон! Симон Волхв!

Скандирование толпы отражалось от стен окружающих зданий, и вот уже казалось, что вибрирует сам воздух. Среди одиночных выкриков, прорезавших слитный гомон, Симон услышал:

— Слава богу Симону!

Другие голоса заглушили этот крик. Некоторые женщины начали срывать с себя украшения и бросать к его ногам. Некоторые люди падали ниц.

Этого он не мог позволить. Он поднял руки в повелительном жесте, и скандирование тотчас прекратилось. Он поклонился и сошел с помоста. Толпа расступалась перед ним, словно воды Красного моря.

Для большинства людей в то время назвать кого-то богом не было богохульством. Граница, отделявшая людей от богов, была нечеткой и постоянно нарушалась чередой фараонов, царей, героев и императоров. Чтобы считаться богом, нравственные качества были ни при чем. Единственное, что отличало людей от богов, — это власть.

В такой культуре человек, способный творить чудеса, неизбежно считался своего рода богом.

Трудно было бы найти чудотворца, который хотя бы иногда не верил, что он тот, кем его считают. Проблема заключалась в том, чтобы сохранить свой особый статус, не позволяя поклонникам вознести себя так высоко, что падение становится не только неминуемым, но и катастрофичным. Все это в те времена было неизвестно, поскольку вместо психологии людям служила демонология.

Ожидания зрителей накладывали на плечи чудотворцев тяжелое бремя. Некоторые не выдерживали этого бремени и теряли рассудок. Существовало множество ритуалов, позволяющих магам увеличить свою силу. Самые эффектные ритуалы предназначались для слияния между магом и сверхъестественным существом. По сути, это были ритуалы самообожествления. Некоторые из них требовали долгого поста, очищения и позволяли в кульминационный момент превратиться в птицу.

Однако успешное, казалось бы, исполнение такого ритуала могло, вероятно, лишь усугубить проблемы мага.

Симон летал.

Было теплое весеннее утро, ясное и безветренное. Стоя на крыше здания суда, протянув ладони

к солнцу, он слышал приглушенный шум толпы. Взглянув вниз, он увидел трибуна в группе должностных лиц, стоявшей поодаль. На мгновение ему показалось, что он видит другое лицо, и отчего-то ему стало тревожно. Когда он посмотрел снова, лицо исчезло. Он решил не думать об этом. Сегодня не время для предзнаменований.

Он обратился к Гору, высшему источнику своей силы. И Гор отозвался.

Его обдал огонь. Огонь пробегал по его лицу, рукам, босым ногам, пронизывая его тело до кончиков пальцев и вновь поднимаясь вверх, охватывая пространство между крышей и подошвами его ног, которые приподнялись, когда он, раскаленный, поднялся и заскользил по воздуху, легкий, как пепел.

Он летел над толпой, зданиями, садами, серебристым ручейком. В глубокой тишине он отчетливо слышал, как журчит, обтекая камешки, вода. Он видел маленькие, тесно стоящие домики на окраине, греющихся на солнце собак, ослика, дремлющего во дворе. За домиками он видел бескрайние горы.

Незаметно воздух стал более разреженным. Симона потянуло вниз, но так незаметно, что казалось, у него в запасе вся жизнь, чтобы под-

готовиться. Впереди показалась прохладная зелень сада, приветливая, как улыбка друга, и он позволил опустить себя туда. Он снижался так медленно, что можно было подумать, сама зелень поднимается принять его. И вот он уже крепко стоит на земле, его ноги утопают в нежном ковре травы.

Он слышал рев толпы, подобный далекому морю.

В одной-единственной части империи грань между людьми и богами была не только четко очерчена, но и неприкосновенна. Правители уважали такую жестоковыйность иудеев и даже освободили их — исключительная привилегия, дарованная лишь одному народу, — от поклонения императору. Продиктовано это было исключительно здравым смыслом. Последний правитель, который попытался навязать провинции чуждые обряды, вызвал двадцатилетний бунт, в результате которого его преемники потеряли власть в стране.

Однако мистическое воображение неподвластно закону, даже божественному. Иногда высокие думы заводили иудейских провидцев и волхвов по другую сторону запретной черты. Для интуиции далекое бывает близким. Огненное

вознесение Илии, странное исчезновение Еноха — что это, если не намеки на запретное обожествление? Для иудеев отчаявшегося поколения такие намеки не проходили незамеченными и сплетались в ткань апокалипсических видений. Самаритяне, Илию не больно-то жаловавшие, включили в свою теологию скорое возвращение на землю Моисея как скрытого божества.

Мессия, которого ждали самаритяне, звался *Таэб.* То, что он должен был быть вторым воплощением великого освободителя из плена, само собой разумелось. Он должен был объединить разобщенные царства Израиля и повести их к окончательной и сокрушительной победе над угнетателями. Он должен был возобновить истинное богослужение на горе Геризим и провозгласить Второе Царствие, которое через несколько столетий окончится разрушением мира от огня и всеобщим воскрешением из мертвых.

Эти буйные фантазии не поощрялись властями империи и лелеялись втайне.

Вино, которое предлагала Симону толпа, было опасным. Он от него отказался. Но, несмотря на принятое решение, не мог удержаться и не пригубить. Вино вскружило ему голову и оставило

горький привкус.

Конечно, он знал, что он не бог. Он спал, просыпался, ел, ходил в туалет, мучился от зубной боли и порой испытывал страх, как все другие люди. Он хотел того, чего иметь не мог, и не знал многого, что ему хотелось бы знать. Его мать была дочерью виноградаря, а его отец насладился ею в винограднике и бесследно исчез. Боги — они другой породы.

Он не знал, кто он такой.

Он разумно организовывал свою жизнь так, чтобы у него не оставалось свободного времени думать об этом. По утрам он принимал клиентов. Три часа в день работал в уединении. В это время он никому не позволял себе мешать: если требовалось публичное выступление, он устраивал его утром. Поначалу вечера он проводил в театре или где-нибудь обедал, но с течением времени все чаще оставался по вечерам дома. Его дом стал местом встреч кружка молодых людей, по большей части из высших слоев местного общества. Сначала они приходили из любопытства, теперь — чтобы поговорить. В основном говорил Симон. Он проявлял эрудицию и остроумие, говоря на любую интересующую их тему, но его коньком была философия. Ему нравилось выступать на

публике. Слушатели относились к нему с почтением и приносили подарки. Большинство из них были глупы, но иметь учеников считалось хорошим тоном.

Иногда ему хотелось, чтобы они не приходили. Начав организовывать свое время, он понял, что времени катастрофически не хватает. Он задумал нечто требующее тщательной подготовки. Замысел этот он вынашивал давно, однако впервые жил в одном месте достаточно долго, чтобы подготовить все необходимое.

Обы стары, как сама земля, и живут в ее недрах. Их скрипучие и невнятные голоса, доносящиеся из глубоких расщелин, можно услышать ночью в пустынных местах, на перекрестках дорог и неподалеку от могил. Израильтяне тайно поклонялись им в течение многих поколений, невзирая на пустословие пророков и гнев Иеговы. *Обы* знали тайны будущего, их можно было использовать для прорицаний. По священным законам связь с ними каралась смертью. Существовала также опасность другой кары. Вызванный *об* мог попытаться войти в тело того, кто его вызвал. Если это ему удавалось, он овладевал человеком, и человек становился безумным. Было известно много таких случаев.

Профессия Симона состояла из сплошных опасностей, и он знал, что многие опасности отнюдь не так страшны, как кажутся. Законы магии абсолютно точны. Если аккуратно соблюдать все процедуры, то результаты не заставят себя ждать. Ничто не может умалить связующую или разъединяющую силу слов. Магия — это цепочка причин и следствий. Слабое звено в ней — сам маг. Он не должен иметь никаких телесных или умственных недостатков, за которые мог бы зацепиться демон. Воля его должна быть безупречно отточена.

Симон изучал свои книги, постился, медитировал и воздерживался от половой жизни.

Он предпринял еще одну меру предосторожности. По его мнению, вызывание духов так часто заканчивалось катастрофой в том числе и потому, что люди, которые этим занимались, не учитывали неистребимой потребности демона обладать материей, и не понимали, что дух, обитающий в уродливых местах, чрезвычайно чувствителен к красоте. Приняв все это во внимание, Симон заказал небольшую мраморную статую; она должна была воплощать идеальную гармонию и изящество человеческого тела. Когда статуя была закончена, он поразился тому,

насколько хорошо скульптор понял его замысел. Скульптура была прекрасна. Выполненная в греческом стиле, она изображала обнаженного мальчика, подносящего к губам флейту; голова, покрытая короткими кудрями, слегка наклонена вперед, что передавало сосредоточенность, на лице застыла полуулыбка.

Симон принес статую домой обернутой в шелк и поставил в своей спальне. В эту плоть из белоснежного мрамора он заманит своего демона, загонит его туда страхом и будет держать в заточении. Тот станет послушен его воле.

Риск был велик, но измерим. Награда же — неизмерима. *Обы* знали тайны, неведомые людям.

Ученики расположились кружком, угощаясь хорошим вином и зелеными оливками. Они выплевывали косточки в медную чашу, стоящую в центре. Чашу украшал барельеф, изображающий Зевса и Ганимеда. Когда о ее дно ударялись косточки, раздавался приятный звон.

Морфей плюнул, чаша не зазвенела. Он снова промахнулся. Он всегда промахивался. Наверняка он промахивался и когда мочился.

— Попробуй еще раз, — сказал Симон.

Он обращался не к Морфею, а к Тразиллу, который изящно вытянулся на ложе и теребил

браслеты, пытаясь сформулировать свою мысль. Скорее всего он не собирался изречь ничего глубокомысленного, хотя обдумывал мысль уже несколько минут.

— Ну я не понимаю, как земля может быть богом, — наконец сказал он. — Если бы это было так, она не позволила бы людям копать каналы.

Они обсуждали «Тимея». То есть Симон обсуждал, а ученики пытались следить за ходом его мысли.

— Почему Платон сказал, что земля — бог? — нервно спросил худощавый поэт. Он редко говорил, и Симон никак не мог запомнить его имя.

— Потому что она прекрасна, вечна и имеет совершенную сферическую форму, — сказал Симон в третий раз за этот вечер.

Морфей задумался.

— Означает ли это, — сказал он, — что боги сферические?

— Не совсем, — сказал Симон. Эли-самаритянин затрясся от смеха, и Симон строго посмотрел на него. Эли был его лучшим учеником. Проблема заключалась в том, что он был религиозен.

Эли достиг того нежного возраста, когда разумом человек наполовину отказался от религии своего детства, но она остается у него в сердце.

Сердце и разум Эли находились в постоянном конфликте, из которого он пытался найти выход в политике. У него хватало такта не приносить политику в дом Симона, но он приносил с собой свои конфликты. Он искал наставника, учителя; но, выбрав Симона, он сделал не самый лучший выбор. Симон дразнил его. Эли говорил себе, что Симон не всегда имеет в виду то, что говорит. Это было правдой, как и то, что, когда Эли думал, что Симон говорит правду, это было не так.

— Греки, — заметил Эли, — обожествят что угодно.

— А почему бы и нет? — спросил Симон. — Почему божественное не может быть повсюду?

— Потому что, если это будет так, — сказал Эли, — оно будет в вещах, которые подвержены изменению и распаду, а это противоречит разуму и оскорбляет нравственное чувство.

— Великолепно, — сказал Симон. — Хоть кто-то меня слушал.

— Однако дело не в этом, — сказал Эли. — А в том, что глупо называть богом то, над чем мы имеем власть, как говорит Тразилл. Бог — это то, над чем мы не властны.

— Многие бы с тобой не согласились.

— Конечно. Они поклоняются богам, которых

не существует.

— А-а… — сказал Симон. — Существует только Бог Эли. Этого нельзя доказать, что не мешает ему в это верить.

Эли промолчал. Его трудно было вывести из равновесия в этот вечер.

— А вы сами во что верите? — отважился спросить худощавый поэт. — Вы можете доказать свои верования?

— У меня нет верований в том смысле, о котором вы говорите, — ответил Симон. — Будучи магом, я предпочитаю научный подход к любым вещам и явлениям и поэтому не верю ни во что: я либо знаю точно, либо сомневаюсь.

— Но вы ведь верите, например, в бога Гора, — возразил поэт.

— Нет. Я видел проявление определенной силы и испытал ее результаты на себе. Я называю эту силу Гором. Вот и все.

— Вы *видели* Гора? — сказал Тразилл с широко раскрытыми от удивления глазами.

— Да, в прорицаниях и снах.

— Как он выглядит?

— Обычно он является в виде ястреба.

— Но доводилось ли вам видеть его перед собой в истинной форме? — не унимался поэт.

— Нет, и надеюсь, не доведется.

— В таком случае, — вступил в разговор Эли, — откуда вы знаете, что он существует? То, что вы видели, могло быть просто демоном.

— Это правда, — сказал Симон, — но откуда ты знаешь, что твой Бог существует? Ты не можешь видеть Его — вам это запрещается.

Эли нахмурился.

— Есть один человек из Иудеи, — сказал худощавый поэт, — который изгоняет демонов.

— О боже, — сказал Симон, — его еще не поймали?

— Мой двоюродный брат… — начал Морфей.

— Морфей, — сказал Симон, — будь добр, принеси нам, пожалуйста, еще вина из кухни. Я отпустил сегодня мальчика-слугу на весь вечер.

— Опять? — сказал Эли.

— У него сегодня выходной, — объяснил Симон.

— Я думал, у него завтра вечером выходной.

— Я отпустил его сегодня, завтра он будет мне нужен.

Симона охватило раздражение. После того как у него появились ученики, его личная жизнь была на виду.

— В ближайшие несколько дней я буду очень

занят, — сказал он. — Я бы попросил вас не приходить ко мне какое-то время.

Эли казался и удивленным, и обиженным.

Морфей принес вино и разлил его по бокалам. Довольно много вина пролилось на пол.

День был тихим и безветренным; хороший знак. Большую его часть Симон провел в медитации. Он ничего не ел и пил только воду. Вечером он и Деметрий приняли ванну и переоделись в чистое. Потом они ждали.

Они вышли на закате. Заклинание следовало произнести в час Сатурна. Симон нес статую, бережно обернутую; Деметрий нес книгу и все необходимое. Они направлялись на заброшенное кладбище, сразу за городом. По дороге Симон с недовольством отметил, что на луну набегают небольшие тучи. Поднялся ветер. С этим ничего нельзя было сделать.

Они дошли до места, и Деметрий помог ему очертить мечом круг — двойной, с именами Бога по четырем сторонам света. Они поместили статую за кругом на небольшом постаменте, а неподалеку развели костер на углях. В центре круга они поставили зажженный факел. Затем Симон велел Деметрию уйти. Его помощь могла понадобиться, но риск был слишком велик.

Он подождал, когда мальчик отойдет на достаточное расстояние, прежде чем снять со статуи покрывало и подбросить фимиама в костер. Он вошел внутрь круга и замкнул его. Затем начал заклинание.

Он ждал, но ничего не происходило. Потом он услышал за спиной слабое скрипучее бормотание. Волосы у него на затылке встали дыбом. Он повторил заклинание, приказывая духу показаться в безопасном облике. И снова услышал едва различимое нечеловеческое бормотание. Он обернулся, но теперь бормотание послышалось справа, потом снова позади. Какое-то время он глупо поворачивался то в одну, то в другую сторону, пока не понял, какой опасности подвергается. Подняв меч правой рукой и держа книгу в левой, он стал медленно поворачиваться по кругу, рассекая темноту на севере, востоке, юге и западе, заставляя демона появиться у острия меча.

— Я заклинаю тебя и велю тебе немедленно предстать передо мной, без шума, уродства и безобразия. Я заклинаю тебя с силой и неистовством именем Шаддая, Элохима, Саваофа, Адоная. Я заклинаю тебя Судным днем и Соленым морем, глазами Хранителей и колесами Офанима, огнем Всевышнего.

Грозные слова прогремели эхом в горах. Когда они стихли, за его спиной послышались слабый писк и шорох.

— Я снова заклинаю тебя святейшим именем Бога, Адоная Мелеха, к которому обращался Иешуа и остановил ход солнца; я заклинаю тебя именем Элохима, к которому обращался Моисей, когда воды перед ним расступились; я заклинаю тебя именем Аглы, к которому обращался Давид и сразил Голиафа.

Тишина. Долгая настороженная тишина.

Симон, по лицу которого градом тек пот, вознес руки к небесам:

— Я принуждаю тебя и велю тебе Именем из четырех букв, которые нельзя произнести вслух, святейшим и самым грозным Именем…

Что-то невидимое шевельнулось. Он поборол желание обернуться и вместо этого не сводил глаз с дымка, который, поднимаясь над костром, колебался под порывами ветра то в одном, то в другом направлении. Он ослабил волю и велел духу принять форму и явиться в дыме.

Вдруг он это почувствовал. Его разум захватила и удерживала сила, равная его собственной. Но эта сила вела себя не так, как он велел. Она была шаловливой и капризной: она забавлялась

им. Он напрягся, пытаясь подчинить ее своей воле. Она противилась и изгибалась, стараясь высвободиться, и он почувствовал, что слабеет; внутренности обожгла боль. Он не мог справиться с этой силой. Она одолела его. Он упал на колени на самом краю круга и выронил книгу. В свете факела он искал проход — и не мог найти. Его трясло.

Он встал на ноги, сжимая меч и талисман, и начал произносить заклинания по памяти. Но язык его не слушался, он запинался и вдруг с ужасом понял, что не помнит слов. Он успел остановиться, едва не совершив роковую ошибку. За спиной он услышал быстрое радостное бормотание.

Он почувствовал в теле неестественный холод. Он был в страшной опасности. Нужно избавиться от духа, пока он еще в силах это сделать. Собрав всю свою волю, он вспомнил необходимые слова. Прежде чем он успел их произнести, мощный порыв ветра сорвался с гор, раздув огонь в костре так, что из красного тот сделался золотым, а шлейф дыма поплыл над кругом. На какой-то миг Симон был ослеплен, а когда открыл глаза, увидел, что статуя, возвышающаяся на постаменте, накренилась и упала. Ветер внезапно стих. Все замерло. Потом из дыма, который теперь подни-

мался вертикально, явилось нечто округлое, с ногами, и такое ужасающее, что Симон инстинктивно отпрянул и заслонился талисманом.

Потом все исчезло. Дым спокойно поднимался от костра. Демон исчез. На всякий случай Симон громко произнес, не один, а три раза, заклинание, позволяющее демону удалиться.

Считается, что верования становятся крепче, когда подвергаются преследованиям, однако это не так. На каждое верование, которое таким образом укрепилось, приходится десять, которые были истреблены и которые раскапываются историками тогда, когда причины их нежизнеспособности можно с легкостью доказать задним числом.

Точно так же можно без труда задним числом доказать причины, по которым верование оказалось жизнеспособным. Секта, считавшая, что конец света близок, объясняла свое последующее выживание после наступления конца света хранящей их десницей божьей. Другие объясняли это сном, который привиделся императору накануне битвы, а некоторые находили объяснение в зодиакальном созвездии Рыб, в чью сферу влияния только-только вошла тогда наша планета.

С таким же успехом объяснение можно было

найти в происшествии, которое имело место на пустынной дороге и свидетелями которого стала горстка людей, причем только один из них утверждал, что понял его смысл. Похоже, происшествие носило характер видения. Видение было набожному молодому иудею, который считал своим долгом искоренить апокалиптических сектантов с лица земли.

Ему частично удалось изгнать их из Иерусалима, где располагался их штаб. Большинство тех, кто не попал за решетку, сбежали в другие районы, а руководители попрятались. Жаждая новых подвигов, их гонитель получил разрешение продолжить свою карающую деятельность в соседней провинции, где у секты были приверженцы. Он отправился в путь несгибаемым, самоуверенным, фанатичным орудием кары божьей. К месту назначения он прибыл напуганным, сбитым с толку, эмоционально разбитым слепцом.

Свидетельства того, что произошло с ним, скудны. В пути он увидел яркий свет, сошедший с неба. Он упал на землю и услышал голос, назвавший его по имени. Это был голос умершего человека, основателя секты, который упрекал его за жестокость. Голос велел ему идти в город

и ждать указаний. Когда он поднялся на ноги, он ничего не видел.

Оставшиеся до города несколько миль его вели под руки. Через три дня к нему явился член общины, которую он собирался уничтожить, и ознакомил его с их догматами. Он принял новую веру, тут же вновь обрел зрение и стал проповедовать учение секты с таким же жаром, с каким когда-то клеймил.

Естественно, не все, кого он преследовал, сразу поверили в столь чудесное обращение. Однако он приобрел достаточно врагов среди своих бывших союзников, чтобы ему пришлось под покровом ночи поспешно бежать из города.

Сам факт его преображения в результате странного личного опыта неоспорим. Чтобы отметить начало новой жизни, этот человек сменил имя. При рождении его назвали в честь царя его рода. Для нового имени он выбрал слово даже не из своего языка: это было повседневное прилагательное одного из широко распространенных языков империи. Знаменательный поступок; но ему, как и большей части свершений этого человека, долго не придавали значения.

— Вы можете успокаивать бури? — спросил Деметрий однажды утром.

— Нет, — сказал Симон, — и никто этого не может.

— О, — сказал Деметрий.

Последовала пауза.

— Вы можете поднимать из мертвых? — сказал Деметрий.

Симон дал ему затрещину.

Последнее время Деметрий вел себя странно. Он постоянно думал о чем-то своем, а когда слушал Симона, делал это с неодобрением, будто втайне сравнивал его с неким загадочным эталоном. «Втайне» — вот в чем загвоздка. У Деметрия появилась какая-то тайна. Он замыкался в себе даже в самые неподходящие для этого моменты.

— Не влюбился ли ты? — строго поинтересовался однажды Симон, изучая его стройное и неприветливое тело.

Деметрий посмотрел на него в изумлении.

— *Что* тогда с тобой происходит?

— Ничего, — сердито сказал Деметрий и встал.

Если дело не в сексе, размышлял Симон, скорее всего тогда это политика, что еще хуже. Деметрий относился к такому типу людей, которые запросто могут связаться с какой-нибудь подпольной группой, а в таком городе было из чего выбирать. Мальчик не больно-то разборчив, а после

своей эскапады с евнухами казался особенно беспокойным. Бог его знает, куда он ходит, с кем встречается, когда по вечерам не бывает дома.

Симон решил, что необходимо все выяснить, но позже. Ему потребовалась неделя, чтобы оправиться после попытки поймать *оба:* его мучила слабость и колики в животе. Он успокаивал себя мыслью, что эксперимент не полностью провалился и что статуя осталась цела, несмотря на падение, — он тщательно ее осмотрел, прежде чем снова поставить в спальню. Однако он потерял время. Он продолжал поиски и опыты, теперь сразу в нескольких направлениях, и не мог позволить себе терять время. И конечно, он не мог позволить себе терять время на размышления о Деметрий.

— Мир, — громко произнес Симон Волхв в пустой комнате, — был, есть и всегда будет огнем со своими законами начала и конца.

— Все вещи, — сказал Симон, — являются заменой огня.

— Огонь воплощает смерть воздуха, — сказал Симон, — воздух воплощает смерть огня. От перемены мест результат не зависит.

Он свернул свиток и отложил его в сторону. Справедливо ли Гераклита называли Темным?

Была ли это тьма? А может быть, непроглядный мрак, застлавший глаза, которые увидели ярчайший свет?

— Мир — это огонь, — сказал он, словно повторение слов облегчало понимание. Вечная замена, ничего, кроме рождения и смерти, что есть одно и то же, все вещи и их противоположности одинаковы. Огонь и воздух, воздух и огонь.

Он был на пороге потрясающего открытия. Близок к постижению. Он ходил по комнате, словно движение могло помочь приблизить его к разгадке. Она ускользала, но была где-то близко, всегда в стороне от хода его мысли.

— Все вещи есть одно целое. Природа любит скрываться.

Это было правдой. Природа скрывалась так искусно, что никому еще не удавалось найти ее.

Огонь и воздух, воздух и огонь.

Он снова сел за книги.

Спустя какое-то время он отправился в комнату, которую отвел для своих опытов.

Его искусство скрывало секрет, в который он не мог проникнуть.

Он знал об этом, так как его возможности были строго ограничены. Его сила не действовала на природные явления, так же как и на материю, за

исключением его собственного тела. Вещи, которые он создавал из воздуха, не существовали. Он не мог создать даже мухи из ничего или превратить камень в хлеб. Он не мог вызывать дождь или поднимать из мертвых. Он даже не мог, что угнетало его больше всего, читать чужие мысли.

Может быть, все это невозможно в принципе. Существовали истории о Моисее и магах фараона, но, возможно, это было состязание иллюзий; в любом случае Моисей видел собственными глазами огонь Бога и остался жив.

Симон верил, что совершать такие подвиги возможно; что в прошлом они совершались людьми, обладающими какой-то необыкновенной силой. Вопрос, который мучил его, — как такая сила действует. Не могло быть силы, которая не подчинялась бы известным ему законам. Не могло быть имени более могущественного, чем известные ему имена. Ему были известны скрытые имена Озириса, который покорил смерть, Изиды, которая перехитрила бога небес, и Тота, который знал тайны вселенной. Ему было известно имя Гермеса, который знал все закоулки в преисподней. Ему было известно самое могущественное имя, которое иудеи боялись произносить вслух и вместо этого называли своего бога Всевышним.

К этим именам нечего было добавить: они представляли весь мир.

Тем не менее было что-то еще. Если бы он только мог знать.

Он размышлял о природе своего огня. Тот ли это огонь, что горит в солнце и в звездах? Не та ли у него природа, что и у огня, который видел Моисей и который горел, не сжигая? Тот ли это огонь, который, как учили греки, зародыш всех вещей? Он перебрал множество теорий, но ни одна из них его не удовлетворяла. Ему хотелось бы знать, не дремлет ли такой же огонь, как его, во всех людях. Должно быть, так, иначе соотношение было бы нарушено. Если он — бог, то и все люди — боги. В этом знании сила и заключается.

Размышляя о скрытой паутине симпатий, связывающей видимое с невидимым и объединяющей все живое, он чувствовал, что разгадка тайны, над которой он бьется, близка. Эта тайна лежала в основе всех других известных ему тайн и окутывала их словно тенью. Если и они так трудно уловимы, а их законы известны лишь их создателю, который может читать их символы, то насколько тонка, невидима и всепроникающа сама Тайна! Тем не менее именно из этой ткани мир и соткан, а мир видимый и осязаемый

— иллюзия. Если бы только он мог понять ее природу…

Он снова возвращался к вопросу воздуха и света. Тайна ускользала от него. Это…

Ответа он не знал. Он опустил веки и, застонав, изо всех сил надавил пальцами на свои бесполезные глаза.

Не знал — но должен узнать. Это ключ к тайне материи. Если он проникнет в эту тайну, он сможет силой своей мысли расщеплять формы и создавать новые. Все стало бы подвластно ему. Это наивысшая власть.

Но и это не все. Постепенно приближаясь к неуловимому синтезу, он понимал, что нужна ему не власть. Он хотел *знать.*

На протяжении многих лет он испробовал разные пути для достижения своей цели. Он постился, проводил ночи в бдениях и размышлял над именами Бога. Он молился. Внимательно изучал свои книги в надежде, что в них скрыто что-то, что он пропустил. Обращался за помощью к духам. Использовал свои знания трав и корений для изготовления снадобий, воздействующих на его разум и чувства. Он бичевал бога тайн яростью своих заклинаний.

Он видел странные сны. У него были видения.

Иногда он заболевал. Он не нашел ключа.

— Религию иудеев, — заметил Симон, — следует рассматривать скорее как форму искусства. Аналог греческой трагедии. Она величественно начинается, в ней есть хор стариков-моралистов, большое количество трупов, а также источник собственной гибели.

— Умно, — сказал Эли, — и дешево.

— Умно, — сказал Симон, — и правдиво.

Компания в этот вечер собралась небольшая: Морфей, Тразилл и Эли. Симон затеял дискуссию на тему монотеизма. Пока что они дискутировали вдвоем с Эли. Морфей с обеспокоенным выражения лица внимательно изучал пол, а Тразилл, у которого, по слухам, был тайный роман и который в последнее время выглядел утомленным, уснул.

— Каким это образом, — требовательно спросил Эли, — она содержит источник собственной гибели?

— Логическим. Она обращается за подтверждением к Писанию, а Писание не подтверждает ее. Большинству людей это неизвестно, так как у них не хватило терпения или грамотности изучить его внимательно. Каждому, кто это сделал, тотчас должно стать ясно, что Всевышний не

единственный бог.

— Разве?

— Прежде всего, если у него нет соперников, почему он так болезненно ревнив?

— Он знал, что люди будут создавать других богов и поклоняться им.

— Тогда что он имел в виду, говоря: «Создадим человека по подобию Нашему»?

— Раз он Бог, — сказал Эли, — почему он не может говорить о себе во множественном числе?

— В таком случае как ты объяснишь: «Среди богов нет таких, как Ты, Господи»? Книга Псалмов. И: «Боги, которые не сотворили неба и земли, исчезнут с земли и из-под небес»? Иеремия. Подобных цитат очень много.

— Фигуры речи, — сказал Эли.

— Проблема монотеистов в том, — сказал Симон, — что у них нет абсолютно никакой интеллектуальной целостности.

Эли сердито надкусил оливу, и его зубы неприятно скрипнули по косточке. Симон посмотрел на него с улыбкой. Люди, жившие по Книге, не осознавали, как легко доказать их заблуждения с помощью Книги же. В Книге содержалось огромное множество богохульств.

Он решил продолжить игру.

— Он всеведущ, этот ваш Бог? — спросил он с издевкой.

— Естественно. Какой толк от не всеведущего Бога?

— Тогда он плохо проявляет это качество. Он не знает, что Адам и Ева попробуют яблоко, вынужден отправляться в Содом, чтобы выяснить, что там происходит, сожалеет, что создал человечество, а это свидетельствует о том, что он не предполагал последствий… Потом, есть качества, за которые его любят больше всего, — его справедливость, милосердие, общая отеческая забота. За послушание приказу Давида — который он, собственно, сам Давиду и подсказал — он убивает больше народу, чем взбеленившаяся Ассирийская армия. Двое детей нагрубили пророку и были съедены медведями. Кого-то еще поглотила земля за то, что тот неправильно приносил жертву. Даже Моисей был однажды на волосок от смерти без всякой на то причины, — во всяком случае, мне не удалось ее установить. А бедный старый Иов! Он вообще ничего не делал, когда его стада угнали, а его дом рухнул, погребя его детей, а сам он вышел весь в струпьях. Единственное, что требуется, чтобы этот любящий отец втоптал тебя в землю, — это выйти за порог своего дома в

ясный день, когда ему будет хорошо тебя видно. Эли, хмуро слушавший первую часть речи, не удержался и улыбнулся.

— Ну хорошо… — сказал он.

— Недостаточно убедительно? — продолжил Симон. — Верь, если должен, что этот ужасающий Бог есть все, о чем он говорит. Возможно, ты даже прав. Но если это так, тебе понадобятся аргументы получше, чем те, что содержатся в Писании.

— К счастью, — натянуто заметил Эли, — истина остается истиной, невзирая на то, какие аргументы используются в ее защиту.

— Да. Но ты заблуждаешься, если считаешь, что вера не нуждается в интеллектуальной поддержке.

Эли кусал губу.

— Если не находится хороших аргументов, почти наверняка верование ошибочно, — сказал Симон. — Истинная вера всегда предоставляет собственные доказательства. Причем эти доказательства будут именно такими, какие требуются. Времена и обстоятельства изменились с тех пор, как были написаны Книги, так изменились и требования. Ты оказываешь своей вере плохую услугу, снабжая ее доказательствами, которые в наши дни могут показаться фальшивыми.

Его рассуждения усложнились, но Эли внимательно слушал.

— Говоря простым языком, — сказал Симон, — то, что было хорошо для наших отцов, недостаточно хорошо для нас, и если мы хотим сохранить веру наших отцов, нам нужно найти для нее новую интерпретацию, которая бы соответствовала нашему мышлению.

— Новую интерпретацию? — Эли взвешивал слова. — Какую новую интерпретацию?

Симон пожал плечами. Он не знал. Вопрос был исключительно теоретическим и не стоил дальнейших раздумий. Он попытался переключиться на что-нибудь другое, но понял, что Эли напряженно смотрит на него, словно пытаясь проникнуть в скрытое значение слов.

— Вы сами, — сказал Эли, — воспитывались в нашей вере.

— Да. И я счел ее недостаточной.

— Но вы говорили о «нас». «Нам» нужно найти новую интерпретацию.

— Я говорил риторически.

— Правда? — сказал Эли. Это не было похоже на вопрос. Он смотрел на пол, как будто там было что-то написано. — Вы *можете* найти новую интерпретацию? — неожиданно спросил он.

Симон начал улыбаться, но улыбка застыла на его лице, когда он увидел в глазах юноши ту же напряженность.

— Это не просто, — сказал он. — Поговорим об этом позже, если хочешь.

Эли кивнул. Непонятно почему, но уклончивость Симона его обрадовала.

Во время последовавшей за этим паузы Морфей вышел из состояния оцепенения.

— Если есть только один бог, — сказал он, — тогда император не может быть богом. Так?

— Ты ведь не веришь в эту чушь? — спросил с издевкой Эли.

Морфей обиделся.

— Иногда, с политической точки зрения, лучше не копать глубоко, — тихо сказал Симон. — В конце концов, какой будет вред, если сжечь немного фимиама? Может быть, мы все боги.

— Как это? — спросил ошеломленный Морфей.

— Просто пришло в голову, — сказал Симон.

Проснулся Тразилл.

— Люди называют вас богом, правда? — спросил он, зевая.

Симон засмеялся:

— Как только люди меня не называют!

Он понял, что они ждут продолжения. Но ни-

чего не сказал.

— Ну… я хотел сказать… вы?.. — пробормотал Морфей.

Это было смешно, но трогательно. Эли снова напряженно смотрел на него. Было неясно, что скрывалось в его темных серьезных глазах.

— Послушайте, — начал Симон и остановился. Все это было слишком сложно, и он не хотел об этом говорить. Однако было бы забавно переадресовать вопрос им самим. — Кто я, по вашему мнению? — спросил он.

Наступило молчание, которое длилось целую вечность. Прервал его, конечно, Эли. Симон давно привык к сюрпризам своего юного угрюмого ученика, но его ответ поверг его в шок.

— Я думаю, вы — *Таэб,* — сказал Эли.

Огонь, остывая, становится воздухом. Воздух, остывая, становится водой. Вода, остывая и затвердевая, становится землей. Это известно. Теоретически возможно превращать одну стихию в другую и создавать новое твердое вещество.

Симон установил небольшую печь в углу своей рабочей комнаты. Над печью он поместил медные сосуды, соединенные трубками. Сосуды, изготовленные по специальному заказу, были запаяны и не пропускали воздух. Сначала он

экспериментировал с воздухом и огнем. При нагревании воздух расширялся. Он хотел узнать, будет ли в процессе нагревания прохладность воздуха передаваться жару огня и уменьшать его. То есть сможет ли он увидеть, как воздух «воплощает смерть» огня. Каким образом воочию увидеть принцип, названный Гераклитом «замена огня», он еще не знал, но разработал серию подготовительных опытов.

Он с энтузиазмом принялся за работу. Труднее всего было поддерживать постоянную температуру огня, разведенного на углях. Деметрий, которому поручалось раздувать мехи, страшился хитроумного оборудования и умолял освободить его от всего этого. Симон надавал ему затрещин и заставил подчиниться. Работа продвигалась, и он уже сделал несколько важных открытий, когда Эли сделал свое поразительное и опасное заявление.

Ничего более опасного нельзя было и вообразить. Если бы это заявление достигло ушей представителей власти, Симону не удалось бы оправдаться. Одного неосторожного слова, произнесенного шепотом, было бы достаточно, принимая во внимание его широкую известность в Себасте.

Три его ученика поклялись молчать, но в течение долгого времени он тревожился, что кто-то из них может случайно проговориться. Все они были глупцами, а он был самым большим глупцом, поскольку не понял, что было на уме у Эли, и не сумел этого предотвратить.

В течение нескольких следующих недель Симон постарался быть как можно незаметнее. Он отклонял приглашения, запретил ученикам навещать его дома и, выходя на улицу, оглядывался. Он покидал дом лишь в случае крайней необходимости и большую часть времени сидел в лаборатории, занимаясь своими опытами.

К его большому разочарованию, именно тогда, когда он мог посвятить работе больше времени, она продвигалась не столь успешно. Результаты выходили противоречивые, сбивающие с толку, — если вообще выходили. Он растерялся и прекратил на время опыты, чтобы собраться с мыслями.

Однако сосредоточиться было трудно. Мысли его блуждали, и было трудно заставить себя не отвлекаться. Иногда, сидя в своем кабинете над книгами, он не мог побороть чувства, будто за ним наблюдают; но в комнате никого не было. Один или два раза ему почудилось, будто что-то

шевельнулось в противоположном углу кабинета. Когда он посмотрел в ту сторону, там ничего не оказалось.

День проходил за днем, не принося никаких результатов, и он впал в депрессию, сопровождающуюся внезапными вспышками раздражительности. Он вымещал свой гнев на Деметрий, который был необычайно молчалив и замкнут. Ему вдруг разонравилась статуя, и он перенес ее из своей спальни в кабинет, где нашел ей место в углу. Там она тоже пришлась не к месту, и он вернул ее в спальню. Каждый раз, когда он смотрел на нее, он чувствовал себя оскорбленным. Она напоминала ему о поражении.

Он успокаивал себя, говоря, что переутомился. Несколько месяцев подряд он напряженно работал и не отдохнул как следует после воспарения. Вынужденное отлучение от публики следовало использовать для отдыха.

Он пытался отдыхать и обнаружил, что его мысли разлетаются, как пыль в луче солнца. Он стал принимать отвары трав и проваливался в глубокий сон, а наутро просыпался с тяжелой головой, разбитый, обливаясь потом. Он думал, не заболел ли. Уже несколько дней его мучили боли в животе.

Эли приходил навестить его. Он приходил уже шесть раз, но по приказанию Симона Деметрий не впускал его. Когда Эли пришел в седьмой раз, Деметрия не было дома, и Симон сам открыл дверь.

— Ты — безответственный молодой глупец, — обрушился на него Симон, — ты мог навлечь на мою голову настоящую беду.

— Мне очень жаль, — сказал Эли.

— И что тебе вдруг взбрело?..

— Не знаю. Просто пришло на ум, — сказал Эли.

— В следующий раз, когда тебе взбредет что-нибудь такое, держи это при себе.

— Хорошо.

— Я неважно себя чувствую, — сказал Симон. — Но раз уж пришел, можешь побыть немного.

Нет, он не был болен. Но что-то с ним происходило.

Его состояние ума резко менялось. Целыми днями он мог работать без устали в своем кабинете, покрывая листы бумаги заметками, чертежами будущих опытов. В этот момент его переполняло чувство уверенности и возбуждения, с которым он едва справлялся: его сердце колотилось, когда он записывал мысль за мыслью, перо едва

поспевало за идеями, приходящими ему на ум. В возбуждении, вызванном бессонницей и крайним беспокойством, он мог работать круглые сутки, урывками перекусывая и поднимаясь из-за стола только для того, чтобы, нервно походив по комнате, вернуться за стол снова писать.

За этими периодами почти сверхчеловеческой активности следовали долгие промежутки апатии и депрессии, которые было трудно объяснить одной усталостью. Просматривая записи, сделанные в упоении творчества, он не мог их понять. Не то чтобы они были бессвязными, он просто не мог понять, о чем в них говорится. Свет, озарявший их в момент создания, исчезал, оставив лишь обрывки видения, форму которого он забыл.

Создавалось впечатление, что они были написаны кем-то другим.

— Что нового в городе? — спросил Симон.

— Ничего особенного, — сказал Эли. — Вас интересует политика или сплетни?

— Сплетни.

— Тразилла застали в постели с женой трибуна, и он был вынужден уехать в деревню на несколько месяцев.

Симон фыркнул:

— Бедный старина Тразилл. Надеюсь, это того стоило.

— О, я полагаю, что стоило. Вы разве не встречались с женой трибуна?

— Кажется, нет.

— Она очень хорошенькая. А муж — свинья.

— Я знаю. Мы встречались на обеде в доме Морфея.

— Да, Морфей проиграл на скачках.

— Морфей постоянно проигрывает на скачках. Он разработал систему, которая, по его словам, способна за полгода и без малейшего риска утроить его капитал, но пока что это ему стоило трехсот драхм, — сказал Симон.

Эли рассмеялся.

Симон почувствовал, как в компании молодого человека его настроение улучшилось. Возможно, он совершил ошибку, живя отшельником все эти недели.

— Обо мне говорят? — спросил он. — В городе?

Эли смутился.

— Ну, вы знаете, как это бывает, — сказал он, — когда человек исчезает из виду на долгое время.

— Понимаю, — сказал Симон.

— Да, — продолжал Эли, — я слышал, как двое говорили о вас на базаре. Один сказал, что вы

уехали из Себасты, а другой — что никуда вы не уехали, а сидите в тюрьме.

Симон поджал губы.

— Почему вы не хотите вернуться? — с мольбой спросил Эли.

— Чтобы показать им еще пару фокусов, доказывающих, что я еще жив?

Эли посмотрел на него с удивлением.

— Мне это неинтересно, — сказал Симон. Его настроение резко испортилось. — У меня есть более важные дела.

— А чем вы, собственно, занимаетесь? — спросил Эли после некоторого колебания.

— Это нечто очень важное. Нечто, — Симон встал и подошел к столу, который был завален непонятными записями, — нечто, что изменит мир, когда работа будет завершена.

Однако менялся он.

Изменение началось с неустойчивости настроения, проникая все глубже и приводя к помрачению ума, пока не затронуло всей его сути.

Однажды, сидя над книгами и не способный сосредоточиться, он увидел, как один из свитков сам по себе покатился к краю стола. Это был тяжелый папирусный свиток, а в комнате не было сквозняка. Свиток докатился до края стола и упал.

Прикованный к месту от ужаса, Симон наблюдал, как все его книги, одна за одной, скользят к краю стола и падают на пол.

Он обладал способностью двигать предметы и часто ею пользовался, но он всегда знал, когда это делает.

Несколько дней спустя, любовно проводя пальцем по барельефу, украшающему его бронзовую чашу, он увидел странное отражение на полированной металлической поверхности. Он взял зеркало и увидел покрытое перьями крючконосое лицо, чьи уродливые черты медленно, у него на глазах, превратились в его собственные.

Это было немыслимо, это было ужасно.

Но — не невозможно. Известны случаи, когда бог вселялся в человека.

Он метался по комнате, стараясь успокоиться и думать трезво. Он говорил себе, что, пока его мысли остаются ясными, ему ничто не угрожает: его разум свободен. А одержимые, уж точно, не знали, что они одержимы.

Но откуда ему знать, что его разум был *его* разумом? И какой прок от разума, который не способен сказать ему, кто он?

В голове звучали слова: «Я Гор, сын Озириса…» Ястребиная маска, отраженное солнце. Отражен-

ное солнце могло обжечь.

Огонь, свет и огонь.

— Я Сын, — бормотал он. — Я превосхожу…

Слова крутились у него в голове.

Он вдруг вспомнил, что никогда не знал своего отца.

Иногда он ощущал, что его сила становится безмерной. Переход от чувства слабости к безграничной уверенности был мгновенным. Испытывая подобный прилив уверенности, он осматривал горные долины и пустынные равнины и видел живущих там людей с ясностью бога.

В такие моменты он знал, что может сделать все, что угодно. Но он ничего не делал. Он не испытывал потребности преобразовывать мир, зная на своем опыте, что это убавило бы его силу. Творить, преобразовывать, переделывать было бы своего рода богохульством. Он воздерживался, чтобы действием не нарушить чистоту бесстрастности.

Спуск наступал без предупреждения. Горная вершина, на которой стоял Симон, вмиг выворачивалась наизнанку. Он оказывался в глубокой пропасти, отрезанный от света и тепла, не способный даже понять звуки, которые слышит. Все, что он видел, было бессмысленно: структуры

распадались.

Иногда он начинал молиться и останавливался, испугавшись ястребиной вспышки огня, необратимого пришествия.

— Ну, зачем пожаловал на этот раз? — недовольно спросил Симон.

Эли, казалось, испугался.

— Я… э-э… просто зашел вас проведать.

— Проведать? Я что, болен?

— Да нет… я просто…

— Говорят, что я болен? В городе?

— Нет.

— Что говорят обо мне?

— Да вообще-то… по правде сказать, никто… ничего не говорит, — сказал Эли.

— Понятно, — сказал Симон. — Они ждут.

— Ждут?

— Да, ждут. Чтобы увидеть, что будет. Они увидят.

— Симон, — сказал Эли, — я ничего не понимаю из того, что вы говорите.

— Уходи, — устало сказал Симон. Он взял зеркало и стал изучать свое отражение. — Ты не можешь мне помочь.

Что это — пришествие или прощание? Его слов-

но испытывали. Но для чего? Что ждет его после этих головокружительных взлетов и страшных падений?

Что это — посвящение или наказание? Что он сделал дурного? Казалось, у него внутри происходит какая-то борьба, конфликт противоречий, и равновесие возможно, только если уничтожить его, Симона.

Иногда ему казалось, что он умирает. Затем бог снова возносил его на вершину горы, и он знал, что он — единственный в своем исступленном восторге из оставшихся в живых.

Покидая гору, он проклинал себя, своего бога и свою жизнь. Однажды ночью он проклял Эли-самаритянина, чьи слова отметили ту грань, когда его жизнь резко изменилась. Он проклинал Эли в отместку, поскольку был уверен, что Эли его проклял. Эли наложил на него проклятие своего ужасного Бога, Бога, которому Симон молился в детстве, Бога, который рад покарать своего.

Симон почувствовал на шее прикосновение холодного пальца.

Проклятие или благословение?

Он вскочил и заметался по комнате, дотрагиваясь до знакомых предметов, словно они могли передать ему свою прочность. Проклятие или

благословение — разве они не одно и то же: знаки внимания, оказываемые этим ужасающим божеством, которое обмануло Давида и покинуло Саула, попыталось в беспричинном гневе погубить Моисея; которое сотворило людей, чтобы утопить их, и даровало право первородства не Исаву, а его лживому брату и отдало своего раба Иова на растерзание дьяволу? Еврейские сказители говорили, что когда Всевышний был в гневе, ангелы прятали избранных за Великим Престолом, чтобы Он не мог их увидеть. Он, чья милость и гнев неразделимы. Бог Авраама, которому велел пожертвовать своим сыном, и Моисея, которого хотел уничтожить. Моисей, великий волхв, не знавший своего отца.

Нетерпимый Бог, Бог, обитающий в воздухе и огне. Бог, до такой степени пренебрегающий человеческими ожиданиями, что выбрал царем мальчика-пастуха, и приказал своему пророку жениться на блуднице, и срывал свою злобу на праведниках. Бог, духом которого была птица. Бог, который сказал: «Я создам для них другого пророка после Моисея».

Бог, получающий удовольствие от упрямства. Если бы такой Бог решил выполнить свои обещания, кого бы Он выбрал в качестве Своего орудия

как не человека, который в течение двадцати лет упоминал Его имя всуе?

Прощальное слово Гора. Пришествие Адоная.

Симон упал на колени. Он долго молился, рыдая от страха и отчаяния, чтобы мантия Моисея не пала на него и чтобы он смог выдержать ее тяжесть.

Деметрий завел странных друзей. В них не было ничего особенного, наоборот, они были простыми людьми, но именно это и делало их странными. Прежде ему никогда не встречались люди, которые были бедны и вполне счастливы этим. Они смотрели на свою бедность как на некую привилегию и относились с жалостью к тем, кто ее лишен. Это было трудно понять.

Их главой был человек по имени Филипп. С Филиппом Деметрий чувствовал себя в своей тарелке. Так как Филипп был чудотворцем.

Однако, как Деметрий отметил с гордостью за своего хозяина, Филипп не мог летать, или создавать вещи из воздуха, или держать огонь у себя в ладонях. А если все-таки мог, то никогда не пользовался такой способностью. Он занимался более практическими делами — исцелял людей. Деметрий сам был свидетелем этого: человек, который был прикован болезнью к постели, встал на ноги

и пошел после одного прикосновения Филиппа. Симон, конечно, тоже мог исцелять людей, но делал это с помощью заклинаний, а не прикосновением. Симон вообще избегал физического контакта с людьми, за исключением мальчиков. Он заявлял, что ему это вредно. Говорили, что Филипп мог исцелять прокаженных. Симон при встрече с прокаженным поспешно разворачивался и шел в противоположную сторону. Деметрий считал это вполне разумным, хотя иногда думал, что быть прокаженным, наверное, несладко.

Филипп не был похож на чудотворца. Он выглядел как обычный человек и не брал денег за свою работу. Говорили, что он мог изгонять демонов. Симон не изгонял демонов. Он знал, как их вызывать, что было, по сути, одно и то же.

Филипп не носил одеяния мага, но пользовался заклинаниями. Деметрий слышал, как он шептал обращения к своему богу. Деметрий спросил, из профессионального любопытства, о заклинаниях и удивился, когда ему сказали, что это вовсе не заклинания. Он принял это на веру, но заметил, что имя, к которому обращались, хотя и было ему незнакомо, должно принадлежать очень могущественному богу. Его попросили держать язык за зубами; это считалось богохульством. Он

удивился и замолчал.

Размышляя обо всем этом, он пришел к выводу, что из сказанного ими не понял ничего. Тем не менее они ему нравились: они были доброжелательны и не относились к нему как к рабу. Но они не могли и относиться к нему как к своему. Он подумал, не сделать ли ему обрезание, чтобы вступить в их секту, но после злоключений со священнослужителями Кибелы он трепетно относился к своему детородному органу.

Они верили, что грядет конец света, но формулировали это по-другому. В этом, по крайней мере, был смысл. Добрая половина евреев с надеждой ожидала конца света. Даже Симон начал говорить об этом.

Деметрий задумался. Симон последнее время вел себя очень странно.

Огонь и воздух, свет и огонь. Его лаборатория была храмом, а печь — алтарем, с которого Илия призывал огонь на священнослужителей Ваала, пылающая ветвь Моисея.

Он стоял перед алтарем, Моисей в белом облачении, и призывал огонь.

Он уже не знал, кто он такой. Он отказался от борьбы за собственную личность, сдавшись под натиском непреодолимого Бога. Пусть Бог сойдет

к нему, пусть Он даст знак Его выбора, пусть Он овладеет им.

Он призывал очищающий огонь.

Он вышел за пределы собственного тела. Внутренний огонь превратил его в тонкую пористую оболочку, сквозь поры которой его дух источался подобно свету, и, как свет, выходя из крошечного источника, он постепенно заполнял собой все пространство, пока весь мир не заполнился им. В нем было все. Все радости, все горести, все мысли в мельчайших деталях, все моря и горы, все, что могло быть на свете и чего быть не могло. Он был близок к небесам. Вращение всех семи сфер подчинялось ему. Луна была кольцом на его пальце.

Он отдыхал. Его работа была завершена. Он не знал, как долго он отдыхал, — время было частью его. Позволив сознанию перейти в сферу времени, которое он в себе содержал, он осознал мысль. Мысль заключалась в том, что он смертен.

Это причинило ему страдание. Над ним было Другое. Он стремился к Другому.

Другое снизошло к нему.

Эли, взломав тяжелую дверь через несколько секунд после взрыва, подумал, что оказался в преисподней. Потом свежий ветер, ворвавшийся в открытую дверь, рассеял дым и задул огонь на

пылающих занавесях, и Эли увидел.

Он подбежал к Симону и стащил с него обугленную и тлеющую одежду. Лицо и руки мага почернели. Из разбросанных на полу перевернутых сосудов все еще струился пар, но, к счастью, Симон вроде не ошпарился. Эли приложил ухо к его груди, чтобы проверить, бьется ли сердце.

Он позвал Деметрия, который прибежал, весь дрожа. Вдвоем они отнесли Симона в спальню и положили его на постель. На груди были темные пятна от ожогов.

Симон повернул голову. Он говорил с большим трудом.

— Я… — сказал он.

В земле была огромная расщелина. Стены были скалами, черными и мокрыми от чего-то липкого. Неба не было. На стенах отражался слабый свет. Свет исходил от огня в дальнем конце ущелья. Казалось, там горела сама земля. Огонь заполнял собой все пространство между поверхностью земли, стенами расщелины и тем местом, где следовало быть небу.

Симон участвовал в процессии. Другие участники были темными тенями. Они толкались, и иногда казалось, что они сливаются друг с другом. У теней не было лиц. Они двигались в ти-

шине. Кто-то погонял их сзади. Оттуда доносился шум, похожий на писк сотен крыс. Он исходил от невидимых погонщиков. Процессию гнали в сторону огня.

Его грудь напряглась в крике, но крик был беззвучен. Симон попытался повернуть и выйти из процессии, но это было так же трудно, как побороть песчаное море. Медленно, очень медленно, налегая всем телом на массу песка, он начал поворачивать. Песок снес его обратно в реку теней, направляющихся к огню. Он боролся за каждый дюйм крошечного пространства между песчинками, с боем протискиваясь через каждую образующуюся лазейку.

Он дошел до края.

Перед ним встали черные стены. Они были скользкими от слизи, но неровными, с подходящими опорами для ног. Он стал карабкаться. Карабкался он долго, пока стены не стали наконец менее отвесными, не превратились в крутой склон. Там виднелся серый свет. Впереди он увидел тропинку.

Позади него что-то было. Он чувствовал это и не оборачивался. Он слышал, как оно копошится. У него было много ног, и оно могло карабкаться быстрее Симона. Он отчаянно пытался подняться

по склону. Но скала становилась мягкой, как плоть. Его ноги и руки увязали. Он подтянулся и увяз еще глубже. Оно приближалось. До тропинки оставалось совсем немного; он хватался за твердую почву, пытаясь выбраться, но почва крошилась, и он проваливался вниз. Что-то упало ему на спину и стало бормотать прямо в ухо. Он закричал.

Болезнь, если это была болезнь, длилась три недели. Постепенно кошмары стали реже, и силы хозяина восстанавливались. Однако выздоровление шло неравномерно. Иногда он видел ясно и мог принимать пищу. Потом, когда Эли и Деметрий говорили, что худшее уже позади, он вдруг переставал узнавать их, не знал, где он находится и даже кто он. Его взгляд замирал на чем-то невидимом для них и переполнялся отвращением. Однажды, проснувшись, он закричал, чтобы статую убрали и разбили. Конечно, они не сделали этого Она была дорогой. Потом он забыл об этом.

Он отказался от врача и велел Деметрию делать ему травяные отвары. Иногда требуемые травы было невозможно достать, и он срывал гнев на дрожащем Деметрий, доводя его до истерики. Эли обычно удавалось успокоить его, но его отношение к Эли стало двойственным. Порой он

встречал ученика с радостью, просил его сесть поближе, спрашивал у него, как жизнь и что происходит в городе, просил Эли почитать ему. Иногда Эли видел, что учитель смотрел на него холодно, с подозрением, как на чужого.

— Ты искуситель? — спросил его однажды Симон.

— Я не понимаю, что вы имеете в виду, — изумился Эли.

Симон улыбнулся. В его улыбке была усталость и бесконечная печаль.

— Ты знаешь, что я имею в виду, — сказал он.

Потом он, казалось, ничего этого не помнил.

Возвращение к свету было долгим.

Он стойко переносил наказание и лишь изредка стонал под его тяжестью. Это случалось, когда нагло поселившийся в углу демон подходил к нему слишком близко: перестав довольствоваться прежними уловками, заставлял статую кривляться или ходить ночью по комнате. Она не дотрагивалась до него, но подходила вплотную, косолапо ступая и покачивая круглой головой. Он мог видеть мельчайшие волоски и нежный клювик. В такие моменты он отворачивался и молился. На какое-то время этого хватало. Изгнать демона он не пытался. Бог знал, что он там, и Он

отошлет его, когда Он захочет.

Шли дни. Иногда его навещали ученики. Они чувствовали неловкость и смущение и спешили уйти. Они не знали, как относиться к учителю, сраженному его богом. Эли приходил каждый день. Симон внимательно наблюдал за ним. Он знал, что Эли сыграл важную роль в его судьбе, но не мог решить, какую именно. Друг ли он, которому можно доверять, или ловушка, которой Симону следует остерегаться? Он молился и просил наставления, но не получал его. Это было испытание. Он должен быть терпеливым.

Поначалу он так сильно страдал, что сохранять веру было трудно. Он постоянно напоминал себе, что наказание было справедливым. Так он думал. Он просил у Всевышнего знака. Он его получил. Всевышний был милосердным: не стал лишать его жизни.

Милосердным? Симон перевел взгляд в угол комнаты и тотчас отвел глаза, прежде чем они увидели то, что там стояло. Какая насмешка — ему, стремившемуся на небеса, послать в качестве спутника отвратительное существо из подземного мира! Но это справедливо, даже очень справедливо: разве не пытался он однажды прибегнуть к его помощи?

Возможно, в награду за терпение его физическое состояние улучшалось. Сначала его бросало то в жар, то в холод и его тело было разделено на полярные зоны. Кожу его опалял постоянный жар, а внутри все было сковано льдом. Между зонами оставалось небольшое пространство, которое ему не принадлежало. Пространство постепенно уменьшалось. Жар на его коже понемногу остывал, и Симон перестал видеть по ночам его сияние. Тепло стало распространяться вовнутрь, и ледяные оковы начали слабеть. Он почувствовал, что его тело выздоравливает. Однажды Деметрий сказал:

— Я знаю одного человека по имени Филипп.

По крайней мере Симону показалось, что он так сказал. Слова не имели ни малейшего смысла. Это было в один из дней, когда он терял уверенность в словах. Иногда слова теряли обычный для них смысл: они открывались, как орехи, и внутри оказывалось нечто совсем другое. Возможно, что-то опасное. Демон приближался к нему.

— Что ты сказал? — спросил Симон.

— Человек по имени Филипп. Он лечит людей.

— Филипп? Что может означать «Филипп»?

— Я могу привести его, и он вас посмотрит.

Слова складывались по-разному во все новые и

новые фразы. Ни одна фраза не имела ни малейшего смысла. Демон украл из слов весь смысл.

— Говори громче, — устало сказал Симон. — Он снова бормочет.

Деметрий отпрянул от постели: должно быть, он тоже увидел демона. Симон закрыл глаза. Терпение.

На восемнадцатый день он понял, что демон исчез. Когда Симон проснулся, в комнате ощущалась свежесть. Он посмотрел на статую. Та была невозмутима: неподвижный и мертвый мрамор.

Он позвал Деметрия и попросил поесть: настоящей еды, а не какой-нибудь размазни. Когда принесли еду, он жадно набросился на нее, съел четыре полных ложки — максимум, что мог принять его желудок, — и отодвинул тарелку. Он был все еще слаб: нужно ждать, пока силы полностью не восстановятся. Откинувшись на подушки, он дал свободу мыслям. Он лежал так какое-то время, наслаждаясь утренним солнечным светом, пока в сознании со всей беспощадной ясностью не возник вопрос: «Ждать — а что дальше?»

Что он собирается делать, когда силы восстановятся? Он так и не получил определенного сигнала. Возможно, придется ждать месяцы или даже годы. Чем ему занять себя?

Быть магом он теперь, конечно, не мог. Об этом не могло быть и речи. Ему придется найти другой способ зарабатывать на жизнь. Для человека с такими способностями это не должно составить труда. Он стал перебирать различные возможности. Почти все они были тем или иным образом связаны с искусством, которым ему было запрещено заниматься. Он прикинул, не выйдет ли из него школьный учитель. Перспектива была настолько угнетающей, что он срочно приказал себе об этом не думать, пока снова не заболел.

Вместо этого он стал размышлять, как ему подготовиться к сигналу. Конечно, он должен молиться, но это должна быть молитва, отличная от тех, к которым он привык. Не следует ничего просить. Надо стремиться выяснить, какова божья воля в отношении его, и подготовить себя к ней. Не следует желать большего, чем быть просто инструментом. Надо быть скромным и терпеливым. Надо ждать.

Симон беспокойно теребил яркие полоски на покрывале. Перспектива не казалась слишком интересной.

Он мог также готовиться, изучая книги. Следует изучить Писания. Он изучал их и прежде, но делал это с равнодушием врага, выискивая в них

ошибки и нелепости. Теперь он будет изучать их глазами человека, который ищет в них истину. Особенно тщательно он будет изучать свидетельства Моисея. Это даст ему представление о задании, которое ему предстоит исполнить.

Задание. Он никогда не обдумывал это серьезно. В том восторженном состоянии детали казались ему неважными: главным было понять, кто он. Пока он страдал, он не осмеливался думать об этом — а теперь наконец свободно мог. С благоговением и радостью он стал размышлять о своем сокровище. И почувствовал леденящую душу пустоту.

Кроме пустоты, там ничего не было.

Он в панике стал искать слова, которые вернули бы сокровище.

— *Таэб.*

Пустая куча одежды.

— *Элохим.*

Иллюзорный, как ветер.

— *Шаддай.*

Хрупкий, как стекло.

Он лежал неподвижно, не в силах понять, что произошло.

Храм пуст. Все это было злой шуткой. Никакого сигнала не будет.

Эли пришел навестить его.

— Уходи, — тихо сказал Симон. — Чтобы я тебя больше не видел. Чтоб и духу твоего близко не было.

Эли ушел, несчастный и сбитый с толку.

Симон зарылся с головой в подушку и зарыдал.

Со временем его горе утихло. Он оцепенел, словно потерял способность чувствовать. Он лежал, размышляя о своем состоянии, и пришел к выводу, что в нем нет ничего сколько-нибудь жалкого. Оно просто бесполезно. Предстоящая жизнь казалась ему бесцветной и ничем не примечательной. Он думал, где взять силы, чтобы прожить ее.

Наконец он встал с постели и от скуки пошел в кабинет. Сперва у него кружилась голова и от слабости подгибались ноги, но он почувствовал себя лучше уже оттого, что он мог двигаться. Прежде чем вернуться в постель, он час читал Платона и обнаружил, что он снова испытывает интерес к чтению. Весь следующий день он провел за чтением, сидя за столом. Через день он поднялся из постели после завтрака и сказал Деметрию, что выздоровел.

Большую часть времени он проводил за чтением. В основном он читал книги по философии,

но иногда брал с полки томик поэзии, книгу по истории или один из магических трактатов. Читал он беспорядочно: перечитывал некоторые отрывки по нескольку раз, пропускал целые разделы, перескакивал с одного автора на другого, придерживаясь одной темы. Он что-то искал.

К концу недели он понял, что этого не найдет. В книгах не было ничего, кроме слов.

Он поставил книги обратно на полку и подошел к окну. Был ранний вечер. Прохладный ветерок взметнул дневную пыль и принес отдаленный стук молотка медника. С соседней улицы слышался шум громкой ссоры, разгоревшейся между двумя возчиками. На крыше соседнего дома щебетала птичка.

Симон сказал Деметрию, что отправляется на прогулку, и вышел из дома.

Он пошел по направлению к театру, где давали глупую комедию, которая нравилась публике, прогулялся в толчее базара и собирался возвращаться домой, когда, шагая по улице, ведущей в один из бедных районов, увидел небольшую толпу. Непроизвольно он двинулся туда. Вероятно, это было представление фокусника или акробата, а возможно, и мага. Он удивился, каким острым было чувство зависти.

В центре образованного людьми круга стоял худощавый, просто одетый, ничем не примечательный человек. Перед ним стояла почти вдвое согнувшаяся женщина с привычным выражением боли на лице. Ее правая рука судорожно дергалась. Симон видел ее на рынке: она была такой с рождения.

Он взобрался на корзину с оливами, чтобы лучше видеть.

Человек протянул руку и положил ее на плечо женщины. Он что-то сказал. Толпа затихла.

Это было подобно выпрямлению засохшего растения после дождя. Что-то пробежало по телу горбуньи, расслабляя, выпрямляя и успокаивая его.

Она стояла прямо. Она была здоровой.

— *Чудо,* — выдохнул Симон.

Женщина бросилась в ноги исцелителю. Он поднял ее.

Поверх толпы его глаза нашли Симона и встретились с глазами бывшего мага.

3. Царствие

— Я была в поле, — возбужденно рассказывала сестра Ребекка, — собирала хворост для очага и думала о том, сколько хвороста мне нужно, ведь мне нужен хворост назавтра, чтобы развести очаг, и будет ли достаточно хвороста назавтра, или мне придется искать его в другом месте, и я начала беспокоиться, и вдруг это снизошло на меня. Это было подобно… Просто снизошло, и всё. «Не беспокойся о завтрашнем дне». И я поняла. *Все хорошо. Всегда будет достаточно хвороста.*

Она замолчала и положила руку на колено Симона.

— Ты понимаешь? — спросила она.

— Да, конечно, — равнодушно сказал Симон.

— И даже если его будет недостаточно, — продолжала сестра Ребекка, — *это неважно.* Каждый день мы получаем то, что нам необходимо, и не надо об этом думать. И я подумала: «Так вот что это значит». И почувствовала себя такой счастливой.

Она одарила небольшую группу людей, собравшихся вокруг очага Иосифа, лучезарной улыбкой.

Они тоже улыбнулись: ей и друг другу, радуясь общему открытию.

Огонь затухал.

— Это означает, — продолжила сестра Мириам, — что нам не надо беспокоиться ни о чем. Вот что это на самом деле означает.

— Да-да, — согласилась с ней сестра Ребекка. — Потому что Бог все знает.

— Да. И ты чувствуешь себя защищенным, по-настоящему защищенным. Не так ли?

— Да, это прекрасное чувство.

— Мне очень жаль, — задумчиво сказала сестра Мириам, — людей, которые не знают того, что знаем мы.

Воцарилась спокойная тишина — членов этой небольшой группы объединяло чувство внутреннего покоя.

Симон посмотрел на Филиппа. Тот сидел в уголке, не принимая участия в разговоре, но слушал внимательно. На его лице была улыбка. Симон изучал эту улыбку. В ней не было и тени иронии.

— Как ты творишь свои чудеса? — спросил Симон.

— Силой Господа, — ответил Филипп.

— Но ты обращаешься и к другому имени, — сказал Симон.

— Да, — сказал Филипп, — к имени Иешуа.

— Человека, о котором вы постоянно говорите?

— Да.

— Ты вызываешь его дух?

— Да.

Симон бросился в атаку:

— Он был казнен как преступник.

— Да, но он не был преступником.

— Кем же он тогда был? — рассмеялся Симон.

— Он был Спасителем, — сказал Филипп.

Симон повернулся и пошел прочь.

Позже он предпринял еще одну попытку:

— Этот Иешуа, он был богом?

— Конечно нет, — сказал Филипп. — Ты сам это прекрасно знаешь. Есть только один Бог.

— Тогда ты взываешь к нему как к чудотворцу? Как к имени Моисея?

— Он был могущественнее Моисея.

Брови Симона поднялись от удивления.

— Какие чудеса он совершил?

— Он исцелил многих людей.

— В большинстве случаев это могло объясняться естественным ослаблением болезни, — сказал Симон.

— Он превращал воду в вино.

— Элементарно.

— Он мог ходить по морю.

— Я могу ходить по воздуху, — сказал Симон.

— Он превратил несколько злаков и рыб в обед, достаточный, чтобы накормить пять тысяч человек.

— Я могу сотворить обед для пяти тысяч человек из ничего, — сказал Симон.

Брови Филиппа поднялись от удивления.

— Он поднимал из мертвых, — сказал Филипп.

— Не может быть, — сказал Симон.

Он попробовал подступиться снова.

— Ты говоришь, что никогда не встречался с Иешуа, следовательно, ты не видел, как он делал все то, о чем говорят. Откуда ты знаешь, что это правда? — спросил он.

— Доказательство, — сказал Филипп, — заключается в том, что я творю чудеса его именем.

— Я тоже творю чудеса, — сказал Симон, — но без его имени.

— Твои чудеса — обман, — сказал Филипп. Симон внимательно посмотрел на него. Потом он рассмеялся.

— Что ты имеешь в виду? — сказал он. — С какой стати они — обман?

— Как они могут быть настоящими, — сказал

Филипп, — если есть только один Бог?

Разговаривать с такими людьми не было никакого толка. Но Симон приходил снова. Каждый вечер он уходил сбитый с толку, озлобленный и надменный, и на следующее утро приходил опять.

Его привлекали чудеса Филиппа и его уверенность. Симон сразу понял, что имеет дело с человеком, наделенным необычной силой. Но каждый раз, когда Симон пытался завести разговор о его силе, Филипп уклонялся от темы. Вместо этого он говорил о своей вере.

То, во что верил Филипп, было настолько странно, что Симон сначала слушал из чистого любопытства. Секта была основана бродячим проповедником-волхвом, который верил, что он Спаситель евреев. В этом не было ничего примечательного; но что удивительно — в это продолжали верить почти десять лет после того, как он был распят на кресте за подстрекательство к бунту. Его последователи объясняли его неспособность спасти кого-либо, говоря, что он восстал из мертвых, попал на небеса и вскоре вернется во всем блеске своей истинной сути, дабы выполнить свое предназначение.

После нескольких часов таких разговоров Си-

мон терял терпение.

— Кто его видел, когда он восстал из мертвых? — не выдержал он, когда Филипп пытался в третий раз объяснить ему значение этого чуда.

— Кефа и другие, — ответил Филипп.

Кефа был главой секты.

— Его друзья? — сказал Симон. — Он явился только своим друзьям?

— Да. И что из того?

— Если бы он хотел, чтобы люди верили, что он восстал из мертвых, он бы показался своим врагам.

Филипп удивился, потом улыбнулся и отмел замечание, пожав плечами. Подобным образом он отвергал все возражения Симона. Симон понял, что рациональная дискуссия Филиппа просто не интересовала.

Вероятно, так он обращался с членами своей секты. Конечно, они были необразованными людьми, ремесленниками и крестьянами, но в своей повседневной жизни и в разговорах с ним они проявляли такую детскую наивность, что у Симона захватывало дух. Они не пытались размышлять или строить планы, они полагались на благосклонность Бога, которого, как они верили, интересует их судьба. Похоже, они не ведали, что

благосклонность этого Бога подвергалась сомнению на протяжении всей истории, потому что, когда Симон задавал им вопросы, они говорили, что Бог — это любовь.

Они верили, что обладают истиной, которая неведома остальному человечеству. Такая самонадеянность потрясла его, но они, казалось, даже этого не замечали. Он спросил их, в чем заключается эта истина, но они не смогли объяснить. Это было как-то связано с любовью.

Любовь была их философией, их религией. Любовь упраздняла необходимость думать. Все знания, все рассуждения, все поступки сводились к этому детскому объяснению. Люби своих врагов. Люби Бога. Люби ближнего.

Они много улыбались. Это было частью любви. Они произносили банальности, делили пищу друг с другом и улыбались. Их улыбки тяготили Симона, как железо.

Он сопротивлялся этой удушающей банальности, пытаясь с помощью разума расчистить себе немного пространства. Он обнаружил, что его интеллектуальный арсенал неприменим против простоты их веры. Его силлогизмы ни к чему не приводили, его логические доводы повисали в воздухе. Любой анализ распадался, любой довод

разрушался в атмосфере, в которой мысли не придавалось никакого значения. Значение имела только любовь.

Если бы он не был так уверен в своем превосходстве, он мог бы счесть это угрожающим.

— Думал ли Иешуа, что его убьют? — спросил он у Филиппа однажды утром.

Он пытался представить себе человека, служившего источником легенд. Это было нелегко.

— Он знал об этом, — сказал Филипп. — Он сказал об этом Кефе.

— Неужели он ничего не мог сделать, чтобы избежать этого? Покинуть страну, спрятаться?..

— Мог, но предпочел этого не делать, — сказал Филипп. — Он пожертвовал собой для нас.

Терпение в голосе Филиппа напомнило Симону, что он уже слышал это раньше.

— Именно его смерть дает нам возможность попасть в Царствие, — сказал Филипп.

Ну конечно, Царствие. Как многие другие, они мечтали о Царствии; и, как обычно бывает в подобных случаях, верили, что оно будет для них одних. Они верили, что оно близится. Они молились о конце света, в молитве они говорили, что Иешуа оставил их.

— Мы никогда не заслужили бы Царствие сами

по себе, — объяснял Филипп. — Все мы грешники. Никто из нас, сам по себе, не выдержал бы Судного дня.

Симон ковырял в зубах. Частью его наследия, которую он без малейшего сожаления отбросил, была общенациональная навязчивая идея греха. Грехом считалось нарушение Закона; но поскольку никто не мог счесть всех мелких и сложных положений, содержащихся в Законе, не нарушить хоть какое-нибудь из них было практически невозможно. Таким образом, Закон делал грех неизбежным; с другой стороны, на него работала огромная армия экспертов, выискивающая в нем лазейки. По мнению Симона, единственной целью Закона было обеспечить работой эту армию экспертов.

— Поэтому, — продолжал Филипп, — он принял смерть вместо нас. Он принял наказание за то, чего никогда не совершал, для того чтобы мы избежали наказания за то, что мы совершили. Это искупление наших грехов. Знакомая идея, верно?

— Да, конечно, — сказал Симон.

Самопожертвование и самоуничижение; конечно, это было ему знакомо. Он этого не выносил.

— Иешуа называл это искуплением, — сказал Филипп. — Тебе понятно?

Симон разглядывал семечко инжира, извлеченное из щели между передними зубами. Он понимал; он слишком многое понимает.

— Искуплением, — едва слышно сказал он, — от ужасного правосудия Бога?

— Совершенно верно. — Филипп обрадовался. — Это был единственный выход.

— Мне казалось, вы говорили, — заметил Симон, — что Бог — это любовь.

— Правильно.

— И что единственное, что нам следует знать о Боге, — это то, что Бог — это любовь.

— Правильно.

— О каких богах идет речь? — вкрадчиво спросил Симон.

— Не надо истолковывать меня неправильно…

— Как бы ты хотел, чтобы я тебя истолковывал? Если Бог справедлив, он не может отменить наказание за бесчисленные грехи, взяв жизнь одного человека. Если Бог — это любовь и если Он способен вообще отменить наказание, Он может это сделать без принесения в жертву своего пророка. Что касается самой смерти, тебе должно быть известно, что согласно Закону человек, каз-

ненный таким образом, считается проклятым? Тем не менее нам предлагается верить, что этот человек был орудием Бога! Выходит, что Закон абсурден. Лично я всегда так считал, но *он* вряд ли сам так думал, учитывая, кем он был. Как он мог добровольно пойти на такую смерть? И как совместить эту смерть с тем фактом, что она полностью противоречит пророчествам, которые вы так любите цитировать, когда вам это выгодно? — Симон остановился, чтобы перевести дух. — Что касается меня, — сказал он, — я думаю, кто-то допустил ужасную ошибку. Никогда в жизни не сталкивался с таким поразительным случаем рационализации задним числом.

И все же…

Однажды вечером у дома Иосифа, где они обычно сидели в тени фигового дерева, остановился незнакомец. Было видно, что он пришел издалека: одежда покрыта пылью и изношена, во взгляде — безнадежность. Он снял узелок с плеча и сел под деревом.

— Можно мне воды? — сказал он.

Ребекка принесла ему воды, а также немного хлеба и олив. Он поблагодарил ее и стал жадно есть.

Спустя какое-то время он сказал:

— Не найдется ли какой-нибудь работы?

— Боюсь, нет, — сказал Иосиф. — Урожай в этом году поздний. Еще месяц не будет никакой работы.

Мужчина что-то пробормотал в знак понимания. Он с беспокойством всматривался в узкие улочки, площадь, людей, возвращающихся с полей.

— Пора, — сказал он, когда с едой было покончено. — Спасибо.

Неожиданно Филипп сказал:

— Твоего сына здесь нет. Сожалею.

Лицо незнакомца застыло. Он внимательно посмотрел на Филиппа, потом быстро отвел глаза.

— Спасибо, — сказал он. Он молча пошел прочь.

— Как ты это сделал? — повернулся Симон к Филиппу.

— Что?

— Прочел его мысли.

— Не знаю, — сказал Филипп.

— Такое часто бывает?

— Иногда, — сказал Филипп.

— Я бы хотел, чтобы ты научил меня этому.

Филипп засмеялся. Смех не был злорадным, но его причины Симон не понимал.

— Ты должен объяснить, как это происходит, — настаивал Симон.

— Не думаю, чтобы объяснение тебя удовлетворило, — сказал Филипп.

— И что это?

— Любовь, — сказал Филипп.

Он должен был догадаться.

Ему казалось, он может больше узнать, расспрашивая Филиппа о чудесах Иешуа. Даже в этом вопросе Филипп оказался досадно бесполезен.

— Чудеса, — сказал Филипп, — неважны.

— Неважны?

— Они были лишь знаком.

— Знаком чего?

— Того, что он был Спасителем.

— А-а… — сказал Симон.

— Дело в том, — продолжал Филипп, — что он обещал своим последователям, что каждый их них сможет творить чудеса, если будет верить.

— Верить во что?

— Что он Спаситель.

— А-а… — сказал Симон.

Он в раздражении пнул ногой камень, торчащий из земли. Камень не сдвинулся с места: он был больше, чем казался.

— Хорошо, — вздохнул Симон. — Мы к этому

вернемся. Какие чудеса могли творить его последователи?

— Это *неважно* .

— Какие чудеса?

— Ладно, если ты настаиваешь. Он сказал, мы сможем делать все, что делал он, и даже больше.

— Что? — Симон был поражен. — Ты хочешь сказать, что единственное, что требуется, чтобы успокаивать бури, поднимать из мертвых и восставать из могилы, — это верить, что этот человек был Спасителем?

— Да, — сказал Филипп.

Симон задумался. Потом он улыбнулся. Через секунду он громко смеялся.

— Ну что ж, это справедливый обмен, — сказал он. — Кто в здравом уме *мог бы* в это поверить?

Однако Филипп в это верил, а Филипп не был глупым человеком. Он просто отказывался использовать свой ум должным образом.

Симон понял, что, если он хочет узнать секрет способностей Филиппа, ему необходимо узнать больше об Иешуа.

— Каким он был человеком? — спросил он.

— Я с ним, конечно, никогда не встречался, — сказал Филипп. — Те, кто его знал, говорят, что он обладал потрясающим качеством…

— Нет, я не об этом, — сказал Симон. — *Что* он был за человек? Где он получил образование? Какое образование он получил? Читал ли он философов?

— Если и читал, я об этом ничего не знаю, — сказал Филипп. — Это важно?

— Он знал греческий? Где он учился магии?

— Магии? Боже мой! Он никогда не учился магии.

— Чтобы успокаивать бури и поднимать из мертвых… — начал Симон.

— Он не только не учился магии, но и вообще вряд ли учился, — сказал Филипп. — Он был бедным человеком. В лучшем случае посещал деревенскую школу, другого образования у него не было.

— Бедным человеком?

— Я говорил тебе об этом раньше. Почему ты не слушаешь? Он был бедным и выбирал своих учеников из бедных.

— Необразованных?

— Можно и так сказать.

— Но почему? Если он хотел, чтобы они распространяли его учение, почему он не выбрал людей, которые могли…

— Он выбрал их, *потому что* они были бедные.

Простые обычные люди.

— Никогда не слышал подобной глупости! — раздраженно всплеснул руками Симон.

— Царствие принадлежит простым людям, — сказал Филипп.

— Я это заметил, — огрызнулся Симон.

Он попытался взять себя в руки. Так он ничего не добьется.

— Ты говоришь, он был бедным и необразованным? Он никогда не учился? Он никогда не был в Египте?

— В Египте? Что ему делать в Египте?

— Если он был таким, как ты рассказываешь, я не понимаю, как он мог привлечь последователей, которые у него явно были. Должно быть что-то еще.

— Было что-то еще, — сказал Филипп. — Он был Спасителем.

Все это было совершенно невыносимо. Равносильно попыткам рисовать на воде: как только что-нибудь начинало вырисовываться, оно тотчас исчезало. Ответы на вопросы были туманными либо бессмысленными. Заявления делались без учета логики или смысла. Обладание силой связывалось исключительно с верой в утверждение, которое было одновременно и

фантастическим и абсурдным. Объяснение могло быть только одно.

— Существует ли тайное учение?

Впервые Филипп обиделся.

— Конечно нет, — сказал Филипп. — У нас нет секретов.

— У всех других религий есть таинства, — сказал Симон.

— Все другие религии — ложные, — сказал Филипп.

Симон отвернулся, но Филипп положил руку ему на плечо.

— Путь одинаков для всех, — сказал Филипп, — и, хотя он кажется легким, он достаточно труден и без всяких секретов.

— В чем же тогда дело?

— В любви, — сказал Филипп.

Симон заскрежетал зубами.

— Ты ведь не слушал меня? — сказал Филипп. — Ты спрашиваешь о тайном учении, но ты не понял ничего из учения, о котором я тебе рассказывал.

— Не слушал? — взревел Симон. — Да я только и делал, что слушал тебя с самого первого дня, как пришел сюда, и я не услышал ни единого слова, в котором был бы хоть какой-то смысл.

Выведенный из себя, он ушел. Он пошел домой и засел за свои книги, но не мог сосредоточиться. В течение часа он кричал на Деметрия, потом отправился в театр, где давали дурацкую пьесу. Исполнение было плохим, и он ушел, не дожидаясь финала. Он посидел в таверне, слушая разговоры. Их глупость повергла его в ужас.

Утром он снова пошел к Филиппу.

— Возможно, я слушал невнимательно, — сказал он. — Возможно, необходимо все повторить сначала.

Действительно, он плохо слушал. Теперь он слушал внимательно, и что-то стало с ним происходить. Словно на пустой стене начали появляться крошечные щели, через которые проникал свет. Таких щелей было много. Сквозь них проникал свет, который в первый момент ослепил его.

«Будь осторожен с тем, что ценишь. Оно может поработить твое сердце».

«Сыновья земли унаследуют землю».

«Прости, и прощен будешь. Суди, и осужден будешь».

«Правда сделает тебя свободным».

Свободным? Сердце в груди дрогнуло, как будто где-то открылась дверь. Но где эта дверь, он не

знал. Он также не понимал, как он мог быть свободнее, чем есть.

Он продолжал слушать и удивлялся.

«Не мир принес я, но меч».

«Последний будет первым. Первый будет последним».

«Воздастся тому, у кого есть. Убудет у тех, у кого нет».

«Я пришел, чтобы сделать зрячими слепых и чтобы ослепить тех, кто зряч».

Он покачал головой.

— Не понимаю, — сказал он.

Филипп улыбнулся. Симон пошел домой размышлять.

Он начинал понимать, что это учение непоследовательно. Поэтому так трудно постичь его суть. Если понял одну его часть, это не означает, что будет понятна следующая. В нем полно парадоксов. Оно расплывчато и непостоянно. И тем не менее он смутно понимал, что в нем есть цельность. За разрозненными яркими изречениями крылась ясная гармония.

Это приводило его в восхищение.

— Ну как, решил присоединиться к нам? — спросил брат Иосиф. Это был низкорослый морщинистый человек с добрыми глазами и

хромоногий. Одна его нога была короче другой. Филипп не смог вылечить его.

— Еще не решил, — сказал Симон. — Я думаю об этом.

Иосиф кивнул. Он довольствовался малым.

Его жена была другой.

— Следует поспешить, — сказала сестра Ребекка. — Времени не так много.

Она в последний раз шлепнула по трем кругляшкам теста, которые месила, прежде чем отправить их на солнцепек подниматься. Сорвала немного зелени, мелко нарезала и бросила в горшок с кипящей водой, стоящий на глиняной плите. Она принесла корзину фасоли и села на солнышке лущить ее.

— Терять время нельзя, — сказала сестра Ребекка.

Симона это забавляло. Он, конечно, понимал, что она имеет в виду его. Но в ясное солнечное утро, когда дул легкий ветерок, было трудно поверить, что скоро наступит конец света.

— Я думаю, у меня есть немного времени, — сказал он миролюбиво.

— Я бы на твоем месте поторопилась, — сказала сестра Ребекка. Она заученным движением пробегала большим пальцем вдоль стручка фасоли и

ссыпала ее в стоящую перед ней миску. — Никто не знает, когда придет Царствие. Это может случиться в любой момент. Как… приход грабителя в ночи.

— Мне казалось, вы говорили, — мягко заметил Симон, — что перед этим будут землетрясения, наводнения, пожары, вселенские войны и отверзание могил.

— Да, конечно. Я думаю, все это произойдет одновременно. Не знаю. Да это и неважно. Оно придет.

— Оно придет, и это единственное, что важно, — сказал Иосиф.

— Видишь ли, это тайна, — объяснила сестра Ребекка.

— Тайна?

— Мы не должны об этом спрашивать.

— А, понятно, — сказал Симон.

— И все же, — сказала сестра Ребекка, — трудно не думать об этом, правда? Как это будет.

Ее палец остановился посредине стручка. Она посмотрела на мужа:

— Будут ли для нас троны, Иосиф?

— Нет, что ты, — сказал Иосиф. — Троны только для руководителей. Что таким, как мы, делать на тронах?

— Но Филипп говорил, что мы будем сидеть на тронах и судить ангелов.

— *Ангелов?* За что нам судить ангелов?

— Не знаю, но он так сказал, я точно помню.

— Мне кажется, ты его не так поняла, — сказал брат Иосиф.

— А-а…

Застрявшие бобы фасоли с треском высыпались в миску.

— Все равно, — сказала сестра Ребекка, — у нас будет все, о чем мы только мечтали. Дворцы и пиры, и мы никогда не состаримся и не умрем, а все, кто к нам плохо относился, будут наказаны.

— Это радует, — сказал Симон.

— Да. Этот старик Гедекия, который не разрешил нам арендовать его сад, кстати никудышный, весь заросший сорняками, получит, что заслужил, — нищенскую старость.

— Так думать нехорошо, — упрекнул ее Иосиф. — Мы должны любить тех, кто нас обижает.

— Я люблю его. Я очень его люблю. Просто считаю, что он должен быть наказан.

Какое-то время все сидели молча. Миска, стоящая перед сестрой Ребеккой, наполнялась круглыми желто-коричневатыми бобами фасоли, справа от нее росла кучка пустых стручков.

— Это царствие, — сказал Симон, — где оно будет?

— Здесь, — сказал Иосиф.

— На небесах, — сказала Ребекка.

— Понятно, — сказал Симон.

Наступила пауза.

— Нет, мы неправильно об этом думаем, — сказал Иосиф. — Мы необразованные. — Он, извиняясь, улыбнулся Симону. — Мы немного путаемся. Ты должен задавать такие вопросы Филиппу. Он объясняет доходчиво, все сразу становится ясно.

— Но если вам тогда все было ясно, — спросил Симон, — как получилось, что у вас совершенно разные представления?

— Иосиф никогда не слушает, — сказала сестра Ребекка, склонившись над фасолью.

— Я слушаю, дорогая, и изо всех сил стараюсь понять. Но некоторые вещи слишком сложны для меня, и мне не стыдно в этом признаться.

Сестра Ребекка встала и смахнула с подола несколько приставших стручков.

— Мне все ясно, — сказала она. — Не понимаю, почему все делают из этого такую тайну. Когда станет так плохо, что дальше некуда, Иешуа вернется и спасет нас. Мир охватит пожар, а мы

отправимся с Иешуа и будем жить на Небесах. А все наши враги и все его враги и все, кто не верит в него, сгорят.

Она собрала стручки в охапку и бросила их в огонь. Они затрещали, зашипели и стали чернеть.

— Убедительный аргумент, — сказал Симон.

Его ирония была умеренной. Ему вдруг расхотелось расстраивать этих людей, демонстрируя силу логики. Их компания освежала его, как иногда освежает разговор с молодежью. Но в слишком большом количестве это было бы утомительным.

Пока что он не собирался уходить. Ветерок обдувал его лицо. Было слышно, как где-то дети поют старую песенку-загадку, знакомую ему с детства. Он смотрел на горы, возвышающиеся над крышами домов: в лучах солнца они казались белыми с темными пятнами по бокам и напоминали спящих леопардов. Здесь было так спокойно. Очень спокойно.

— Ты сказал, что никакой тайной доктрины нет, — сказал Симон. — Мне жаль, но я в это не верю. Это учение, которое трудно полностью понять простым людям. В нем есть парадоксы.

— Да, — сказал Филипп, — в нем есть пара-

доксы.

— Как ты это объясняешь?

— Никак, — сказал Филипп, — это факт. Я повторяю то, что мне сказали люди, которые слышали учение из первых уст.

— Но разве ты сам не хочешь понять его?

— Я признаю свою ограниченность.

— Чушь! — сказал Симон.

Филипп улыбнулся.

— Послушай, — сказал Симон, — многие вещи требуют объяснения. Например, эта странная притча о бесчестном управляющем. Что она означает? Она восхваляет бесчестность?

— Я не знаю, что она означает, — сказал Филипп, — но кто-нибудь когда-нибудь узнает, а я не имею права ничего в ней менять.

Симон смотрел на него в удивлении.

— Зачем он вообще говорил притчами, — спросил Симон, — если, как ты говоришь, все так просто? Ведь смысл притчи в том, чтобы что-нибудь прояснить. Но зачастую притчи Иешуа ничего не проясняют. После того как он рассказывал притчи людям, ему приходилось объяснять их своим ученикам. Если уж ученики звезд с неба не хватали, то простые люди наверняка были еще глупее. И люди были лишены толкования.

Почему? А ты мне говоришь, что не существует одной версии учения для масс, другой — для посвященных.

Филипп смотрел вдаль на горные вершины. Он молчал.

— Одним словом, — продолжал Симон, — ты просишь, чтобы я поверил в это нагромождение невероятностей, нелепиц и грубых противоречий.

— Я не прошу тебя ни во что верить, — сказал Филипп. — Ты можешь не приходить сюда. Почему бы тебе не отправиться домой и не заняться своей магией, а я займусь своей работой.

Симон перестал рисовать круги на земле и сидел прямо с широко открытыми от удивления глазами.

— Каждый из этих людей, — сказал Филипп, кивая на группу маленьких домиков с земляными крышами, где жила большая часть приверженцев, — так же важен, как ты. Они никогда ничего у меня не просят, за исключением случаев, когда их дети болеют или им нужен совет. Им бы и в голову не пришло отнимать у меня время, как это делаешь ты. Почему ты думаешь, что у тебя есть на это право?

Щеки Симона стали пунцовыми. Он встал и

уже собирался уйти, но Филипп остановил его.

— Ты жалуешься на то, что многие вещи невозможны или бессмысленны, — сказал Филипп. — Все бормочешь о парадоксах и тайнах. Тебе и в голову не приходит, что ты просто не понимаешь…

— С интеллектом у меня все в порядке! — не выдержал Симон.

— Да, с интеллектом у тебя все хорошо. Ты просто не знаешь, как им пользоваться. Ты копаешься в мелочах и не видишь очевидного. Истина в *простом.* Поэтому они, — он указал на женщину, которая несла домой кувшин с водой в сопровождении орды детишек, — понимают это, а ты нет.

— Понимают? Ничего они не понимают! — рассвирепел Симон. — Да послушай, что они говорят. Лепечут о Царствии, *их* Царствии, специально приготовленном для них, но даже не знают, что это такое. Каждый говорит свое.

— Конечно, они не знают, что это такое, — сказал Филипп. — Поэтому они и попадут туда.

— Я сыт по горло всеми этими глупостями! — закричал Симон. Прохожие с удивлением оборачивались на него. Он с трудом обуздал свой гнев. — Ваши верования, — холодно сказал он

Филиппу, — состоят в том, чтобы переворачивать здравый смысл с ног на голову.

— Иешуа согласился бы с тобой, — сказал Филипп. «Последний будет первым. Первый будет последним».

Симон сощурился.

— Поэтому он решил закончить свою жизнь так плачевно, — выпалил он. — По крайней мере, его смерть согласуется с его учением.

— Это так, — сказал Филипп. — Я рад, что ты понимаешь это. Это понимают немногие.

Неожиданно стало тихо. Все, что Симон хотел сказать, потеряло вдруг всякий смысл. Он был в растерянности. Что-то боролось в его сознании, но он не хотел этого слушать.

— Я не верю, что этот ваш учитель на самом деле существовал, — сердито сказал он. — Таких людей не бывает. Человек без образования, который говорил такие умные вещи, что его никто не понимал, и который послал кучку крестьян повторять их другим, которые тоже их не понимают. Человек, который фактически не хотел, чтобы его понимали, так как обещал Царствие всем, кто не понимает, что это такое. Естественно, при условии, что они также верят, будто он воплотил собственной персоной пророчества о

спасителе нации, чья жизнь никоим образом не была похожа на его. А чтобы на этот счет не было уж никаких сомнений, он позволил себя казнить по ложному обвинению, пока ему, чего доброго, не удалось добиться какого-никакого успеха.

Филипп смотрел на него с улыбкой.

— Это насмешка над разумом! — воскликнул Симон.

— Совершенно верно, — сказал Филипп. — Именно это я и пытался тебе втолковать.

Симон смотрел на него в изумлении; по его спине пробежал холодок.

— И не только над разумом, — продолжал Филипп. — Подумай. Мы говорим о человеке, который ничего не уважал. Человек, непонятно откуда взявшийся, который отказался от семьи, жил на подаяние, спал где придется, ел с проститутками и пил с мытарями, работал в Субботу, не мыл рук и заявлял в лицо представителям духовной и судебной власти, что они лицемеры. Все, что он говорил, все, что он делал, было насмешкой над тем, что они представляли, над всем, о чем они думали. Насмешка — это единственное, что они увидели. За это они его и убили.

Симон молчал.

— Они не поняли, — сказал Филипп, — что он

был тем человеком, которого они ждали.

Понять? Кто способен это понять? Это был самый фантастический парадокс из всех. Это было чудовищно.

Это был парадокс, который мог придумать только Бог.

— Я верю в это, — сказал Симон, — потому что это нелепо.

— Я продал сегодня небольшой участок земли за виноградником, — заявил брат Иосиф.

— Иосиф! — сказала сестра Ребекка срывающимся от возбуждения голосом. — Сколько ты выручил на этом?

— Кругленькую сумму, — ответил брат Иосиф.

— Но сколько именно? Где деньги?

— Я отдал их, — с удовлетворением сказал брат Иосиф.

Сестра Ребекка оцепенела от шока:

— *Ты отдал их* ?

— Да, — сказал брат Иосиф, — бедным.

— Но мы и есть бедные! — закричала сестра Ребекка.

— Это не так, — сказал брат Иосиф. — У нас все есть.

Сестра Ребекка открыла рот, чтобы что-то ска-

зать, но передумала и демонстративно принялась кухарничать. Люди, собравшиеся небольшой группой вокруг костра, улыбнулись — но не глядя друг на друга.

— Иосиф поступил правильно, — сказал Филипп. — Раздав деньги, он приобрел нечто более ценное.

— Царствие, — с готовностью подсказала сестра Мириам.

— Царствие можно купить? — с улыбкой поинтересовался Симон.

— В каком-то смысле — да, — сказал Филипп. — За все надо платить.

Симон, подумав, решил, что он прав. Действительно, это что-то вроде коммерческой сделки. Заплати то, что имеешь сегодня, и получишь в десять раз больше потом. Возможно, ждать придется долго. Но сыновья земли унаследуют это, если наберутся терпения.

Голос Филиппа прервал ход его мысли.

— Когда ты собираешься заплатить? — спросил он, смеясь.

Симон покраснел. Он давно собирался это сделать. Но расстаться с деньгами не так уж и просто.

— Завтра, — сказал он.

Да, он отдаст свои деньги. Это самое малое, что он мог сделать. Он и вправду нашел царствие.

Он оставил прошлое позади и начал все сначала. Только так можно описать то, что произошло с ним, когда он вынырнул, хватая ртом воздух, из холодной воды при крещении.

Каждое утро жизнь начиналась заново, свободная, не обремененная грузом обязательств. Ему не нужно было никем быть, не нужно было ничего делать. Не нужно было тревожиться о своих способностях, потому что они были ему ни к чему, или о своих недостатках, потому что они не мешали тому, чего он желает. Не нужно было волноваться о своей репутации, потому что он отказался от нее. Не нужно было беспокоиться о том, кем он был, потому что он начал все сначала и мог быть кем угодно. Ему не нужно было думать о завтрашнем дне. По сути, ему вообще не нужно было думать; однако он делал это по привычке.

Филипп называл это новой жизнью. Симон был доволен доктриной новой жизни: она удовлетворяла его с интеллектуальной точки зрения. Иешуа умер и восстал из мертвых. Его последователи, исполняя ритуал крещения его именем, приобщались одновременно к его смерти и к его воскрешению.

Сперва они «умирали», в том смысле что оставляли позади свою прошлую жизнь, а с ней и грехи. Симон не придавал этому слишком большого значения, поскольку грех для него никогда не был проблемой. Тем не менее было приятно ощущать, что риск ответственности теперь устранен.

Что более важно, те, кто верил в восстание Иешуа из могилы, должны были пережить смерть в прямом смысле слова. При наступлении Царствия живые должны были попасть на Небеса прямиком, минуя смерть, а мертвые — восстать из могилы и отправиться вместе с живыми в вечное, блаженное существование. Первым восстать из мертвых предстояло учителю — как первая сольная нота в этой великой симфонии всеобщего воскрешения.

Симон заметил, что нота и в самом деле была сольной, остальную музыку придется ждать долго. Филипп строго сказал, что музыка Бога не подчиняется человеческому понятию времени. Симон засмеялся и оставил эту тему.

Теперь, когда отпала необходимость оспаривать все, что говорил Филипп, Симон получал большее удовольствие от их бесед. Он отметил это как еще один аспект своей свободы. Фактически он был свободен делать почти все, что ему хочет-

ся: сопровождать Филиппа, когда тот занимается целительством, и размышлять над тем, как он это делает; он мог проводить или не проводить свое время с верующими, и единственное, что от него требовалось в их компании, — это улыбаться. Удивительно, но то, чего он больше всего опасался, а именно соблюдение строгих моральных норм, давалось ему легко (поскольку этическое учение секты сводилось к принципу «Относись к другим так, как ты хотел бы, чтобы относились к тебе», знакомому всем добропорядочным самаритянам с детства), особенно потому, что почти все время он проводил сидя в тени фигового дерева и слушая Филиппа. Однажды, когда он будет готов, Филипп раскроет ему тайну Царствия.

Хорошо еще, что ему нравилось разговаривать с Филиппом, так как, по сути, больше разговаривать было не с кем.

— Расслабься, в чем дело? — сказал Симон.

Задний проход Деметрия, обычно с легкостью принимавший его, сжимался, как тиски.

— Мы не должны этого делать, — прошептал Деметрий.

— Чепуха. Я не делаю тебе ничего такого, чего бы не позволил тебе сделать мне.

— Мне не хочется, — сказал Деметрий.

— Ну решай.

Симон кончил, немного быстрее, чем намеревался, и погрузился в приятную дремоту.

Деметрий сел, пригладил кудри пальцами и сказал:

— Когда вы собираетесь отдать свои деньги?

Симон продал большую часть своих ценностей. Вырученные деньги лежали в маленьком кожаном мешочке в спальне уже три недели.

— Когда ты собираешься сделать обрезание? — спросил Симон.

— Ну… — сказал Деметрий и заерзал. — Это больно? — спросил он после паузы.

— Ужасно, — сказал Симон.

Наступила долгая пауза.

— Они ведь не делают ошибок, правда?

— Ну, я слышал об ужасном случае, который произошел однажды… но люди поднимают столько шума из-за чепухи, — сказал Симон.

— Я вам вот что скажу, — предложил Деметрий, — я совершу обрезание, когда вы отдадите свои деньги.

— Ты наглый мальчишка, — сказал Симон. — Мы завтра сделаем оба дела.

Но, когда наступило завтра, случилось нечто столь важное, что они оба забыли свое обеща-

ние.

— Кефа приезжает, — сообщил в волнении Филипп. — Он приезжает, чтобы встретиться со всеми вами и окрестить вас Святым Духом.

— Правда? — обрадовался Симон. — Когда он приезжает?

— Через несколько дней.

— Прекрасно! — воскликнул Симон.

Сам Кефа, руководитель. Кефа, который был с Иешуа, когда тот произносил свои загадочные фразы и принял странную смерть. Кефа, который знал многое, чего не знает Филипп.

Симон понял, что в последнее время ему стало скучно.

Темные, глубокие глаза. Полные губы, наполовину спрятанные в неопрятной бороде. Крупный нос, похожий на румпель. Кожа, морщинистая и обветренная, как камень. Казалось, это лицо не способно улыбаться, но, когда на нем вдруг появлялась улыбка, оно светлело, как у ребенка. Симон внимательно вглядывался в это лицо, ему казалось, что он его когда-то видел.

— Итак, это и есть великий маг, — сказал Кефа. Его глаза пристально изучали глаза Симона, потом он дружески улыбнулся: — Мы рады видеть тебя среди нас.

— Я тоже рад, — волнуясь, сказал Симон.

Они сели есть. У Кефы был отменный аппетит. Говорил он в паузах между поглощением пищи, вытирая рот тыльной стороной ладони. Филиппу он рассказывал о событиях в Иерусалиме и о человеке по имени Савл. С братом Иосифом он разговаривал о выращивании винограда, почве и ценах на овец и хвалил сестру Ребекку за вкусную еду. Он пил вино с нескрываемым удовольствием, рыгал и гладил по голове детишек, когда они пробегали мимо.

— Мы слышали о тебе в Иудее, — сказал он Симону. — Человек, который может летать, и вскрывать пещеры на склонах гор, и все прочее. Полагаю, у тебя масса поклонников.

— Да, — сказал Симон.

— Иллюзии, конечно, — сказал Кефа.

— Да, я показываю представления, — осторожно сказал Симон, — используя иллюзии.

— Ничего, — сказал Кефа, — все мы грешники.

Симон смотрел на еду в своей тарелке; есть ему расхотелось.

— Не все, что я делал, было иллюзией, — сказал он.

— А когда ты летал? — строго посмотрел на него Кефа.

— Я действительно летал. — Он сделал паузу. — Я могу летать.

— Демоны, — сказал Кефа. — Их работа.

— Вы так полагаете?

— А как иначе?

Кефа взял еще хлеба и подобрал им с тарелки все остатки. Он съел хлеб и вытер губы тыльной стороной ладони.

Помолчав, Симон сказал:

— Вы можете ходить по воде?

— Однажды я попробовал, — сказал Кефа, — но пошел ко дну, как камень. Так я получил свое имя.

— Почему вы не можете этого? — спросил Симон.

— Не достает веры. Если веришь, можешь все, что угодно.

— Я верю, что могу летать.

— Демоны, — сказал Кефа. — Они поддерживали тебя в воздухе. Это было до твоего крещения.

Его лицо осветила мальчишеская улыбка.

— Бьюсь об заклад, теперь ты не можешь летать, — сказал он.

Кефа проповедовал.

— У мира, — кричал он, — остались считанные дни. Нам были знаки и предзнаменования, но кто

их видел? Люди составляют планы на завтра, на следующий год, делают сбережения для внуков. Их внукам нечего будет наследовать в этом мире. Времени не осталось. Есть только *сегодня.*

Он смотрел поверх затихших людей.

— Бог послал нам пророка, человека, отмеченного Его особой благосклонностью, более важного, чем пророки прошлого, человека, о котором эти пророки говорили. Бог дал много знаков в виде чудес, исцелений и изгнания демонов, что этот человек был специально избран Им. Тысячи людей были накормлены корзиной хлеба; нечистые очистились, хромые затанцевали, слепые прозрели, буря была успокоена, а мертвые — пробуждены от сна и благодарили Господа. И люди возрадовались. Но книжники, и фарисеи, и люди, полагающие, будто они все знают, мотали головой и говорили: «Кто этот человек?» А он ничего им не отвечал. Вместо этого он указывал на совершенное им. А они говорили: «По какому праву ты совершаешь все это? Почему ты не испросил нашего на то разрешения?» А он не отвечал. И они разозлились, потому что он не отвечал им и потому что он называл их лицемерами. И они испугались, потому что люди любили его. И они обратились к своим господам

и учителям и сказали: «Помогите нам избавиться от этого человека». И они организовали против него заговор. И они убили его. Его, который никому никогда не причинил вреда; его, который отдал все, что у него было: они распяли его, как вора, и оставили умирать на солнцепеке.

Кефа сделал паузу.

— Он был моим другом, — сказал он.

Его голос дрогнул. Он опустил голову. Когда он снова ее поднял, его глаза сияли. Симон не мог понять, то ли от радости, то ли от слез.

— Слава Господу! — выкрикнул Кефа. — Потому что затем случилась самая прекрасная вещь со времени сотворения мира. Сам Господь воскресил этого человека из мертвых. Он вернул его к нам из могилы. Этот человек жив, он среди нас, он ходит и говорит. *Мы видели его.*

По площади пробежал вздох, подобный дуновению осеннего ветра.

— Вы понимаете, что это значит? — грозно вопрошал Кефа, и его взгляд прожигал толпу. Потом он улыбнулся. — Нет, — тихо сказал он, — кто из нас может это понять? Я только знаю, что это значит для меня. Это значит, что мой учитель и друг, человек, которого я знал и с которым делил хлеб, жив и находится на Небесах, в облике

сияющем, как у ангела, в облике, в котором мне посчастливилось его видеть во время его земной жизни, и в этом облике, который дал ему Господь, он получил власть над всеми вещами, и их неминуемым концом, и власть вершить суд над душами людей.

Его голос снова зазвенел торжествующе.

— И у него есть право судить, потому что только он один был оценен достойно. И у него есть право судить, потому что он первым пришел спасать. Вот, друзья мои, мой Спаситель. Я призываю его в ваши сердца, я прошу от вашего имени.

Он сошел со ступеней и начал двигаться сквозь толпу, кладя руки на голову каждого, кто вставал перед ним на колени. Он прошел сквозь толпу, улыбаясь, благословляя, прикасаясь к людям. За его спиной царила тишина, сравнимая только с тишиной в момент Сотворения мира: такая насыщенная, что может вот-вот взорваться.

И взорвалась.

Люди кричали, рыдали, выли. Они рвали на себе волосы и содрогались, осыпали сами себя побоями. Они стонали, смеялись, обнимали друг друга и выкрикивали что-то непонятное. Площадь заполнилась хаосом голосов, кричащих в возбуждении непонятные слова. Симон озирался

в изумлении и шоке. Они были не в себе.

Он едва сообразил пригнуть колени, когда Кефа подошел к нему. Тот долго не отпускал рук с его головы. Казалось, их тяжесть была тенью тяжести такой громадной, что выдержать ее невозможно. Руки задержались на его голове, потом двинулись дальше.

Он погрузился в прохладу покоя. Но не успел он вкусить его, как стал подниматься вверх к хаосу голосов, который возносил его все выше на волнах звука, пока ему не показалось, что он летит. На миг его пронзило чувство паники, а затем он рассмеялся, потому что вряд ли Бог упустил бы такой шанс сыграть с ним шутку. Он смеялся и смеялся, по его щекам катились слезы, смеялся от радости ощущения удивительной свободы и своей полной беспомощности, шут Бога, Божья игрушка, Его собственность.

— Как вы это делаете? — спросил Симон.

— Что делаю? — сказал Кефа. — Возьми оливу, они очень хороши.

— Вселяете дух в сотни людей, — сказал Симон. — Я ничего подобного раньше не видел.

— Да, вряд ли, — сказал Кефа, жуя.

Потом он сказал:

— Ты никогда не обретешь его.

— Не обрету чего? — удивленно сказал Симон.

— Покоя. Ты испробуешь его, и он снова уйдет, потому что ты отгоняешь его от себя. Слишком много вопросов. Филипп рассказал мне. Ты перестал их задавать на какое-то время, а теперь принялся снова. Как я вселяю Дух? Я не знаю, как я это делаю. Мне было обещано, что я смогу это делать, и я могу. Я призываю его, и он нисходит. Вот и все.

Он добавил еще одну косточку от оливы к небольшой кучке, образовавшейся перед ним, и улыбнулся. Где-то вдалеке играли дети.

— Вы можете передать этот свой дар вселять дух другим? — спросил Симон.

— Могу, — сказал Кефа.

— Вы передадите его мне?

В первый раз он услышал, как этот человек смеется. Это был громкий раскатистый смех. Он распугал ласточек, и дети перестали играть. Кефа долго смеялся.

— Нет, — наконец сказал он, утирая глаза. Симон покраснел.

— Не надо мне было смеяться над тобой, — сказал Кефа. — Но ты и вправду ничего не понимаешь. Ты по-прежнему думаешь как маг. Видишь ли, то, что ты видел вчера, не было фо-

кусом мага.

— Вызывание духа никогда не было фокусом, — холодно сказал Симон.

— Прошу прощения, но я плохо разбираюсь в магии.

— Но ваш учитель был магом, — возразил Симон.

— Конечно нет.

— Разве превращение воды в вино не было магией? Да это первый же фокус в любом учебнике!

— Это было чудом, — сказал Кефа.

— А в чем разница?

— Чудеса творятся волей Бога. Магия исполняется с помощью демонов.

— Одно и то же может быть исполнено волей Бога или волей демона?

— Конечно. Демоны очень ловкие обманщики.

— Хорошо, когда вы видите такое, откуда вы знаете, что это — чудо или магия?

— Очень просто, — сказал Кефа. — Если исполнитель один из нас, он взывает к духу Бога, и это — чудо. Если он не один из нас, ему помогают демоны, и это — магия.

— Вы это серьезно? — сказал Симон.

— Совершенно серьезно, — сказал Кефа. — Это серьезная вещь. Демоны обожают обманывать.

Многие верят в так называемые чудеса, которые не что иное, как просто магия и оскорбление Бога.

— Понятно, — сказал Симон.

Какое-то время они сидели в тишине. Казалось, все было сказано.

В конце концов Симон рискнул:

— Я полагаю, никакого тайного учения нет?

— Нет-нет, — сказал Кефа. — Конечно нет. Ничего такого.

— Понятно, — сказал Симон.

Они посидели еще немного. Наконец Симон сказал:

— Хорошо. Благодарю вас.

Он встал. Уже уходя, он вспомнил, что так и не спросил у Кефы, о чем собирался спросить. В сложившихся обстоятельствах он сомневался, что ответ удовлетворит его, но не спросить было бы обидно.

— Можно задать вам еще один вопрос?

— Конечно, — кивнул Кефа.

— Когда Иешуа узнал о своей будущей смерти, что он сказал?

— Он сказал, что должен принять смерть, — ответил Кефа, и лицо его опечалилось от воспоминаний.

— Откуда он знал? Что побудило его сказать это?

У Кефы вырвался смешок:

— Обычно ему не надо было ждать подсказки. Однако я думаю…

Он уставился в пространство. Перед его внутренним взором явно вставала какая-то картина.

— Ну? — сказал Симон.

— Я думаю, это было нужно, чтобы исправить неправильные представления, которое могли у нас быть. Видишь ли, мы тогда только начали понимать, кем он был. Мы впервые заговорили об этом.

Симон насторожился.

— Кто это сказал? — прошептал он.

— Это был я, — скромно ответил Кефа.

Симон размышлял. Культ, к которому он присоединился, не был похож ни на какие другие. Культ давал грандиозные обещания и привлекал сторонников из низших слоев населения, при этом поощряя в них скромность. Главный миф культа основывался на пророчествах, которые ему противоречили. Культ присваивал себе исключительное право заниматься магией, отрицая, что это *магия,* объясняя ее действенность силой веры, и считал магию чем-то неважным.

Культ почитал своего основателя, чье учение даже не пытались понять и чья смерть, возможно, была самим культом и вызвана. Культ проповедовал любовь и говорил, что все, кто к нему не присоединится, сгорят заживо в огне.

Но были две вещи, которые могли сделать его интересным для думающего человека. Прежде всего, это изречения и притчи, оставленные Иешуа. Богатые и обманчиво простые, они дразнили разум. В них содержалось зерно философии, которую предстояло из них извлечь.

Во-вторых, руководители, как бы они это ни отрицали, были магами высшего уровня. Оставался вопрос, как они получили свой дар. Ни Филипп, ни Кефа не учились этому искусству. Возможно, Кефа даже не умел читать. Секрет силы Иешуа был так же таинственен, как и все остальное в нем. Но одно было очевидно: Иешуа передал тайну Кефе и опосредованно — Филиппу.

Симон возвращался к этому снова и снова. Должна быть какая-то тайна. Все это отрицали, но все указывало на это. Ничто другое не могло объяснить все загадки. Кефа знал что-то, о чем не хотел говорить, и не признавался в этом.

Но верующие знали. Они знали, что Кефа обладает чем-то поистине драгоценным, и объяс-

няли это по-своему. Они говорили, что это ключ, который он носит под туникой. Когда придет Царствие, Кефа откроет врата этим ключом. Они шепотом говорили, что ключ тяжел, как камень из фундамента Храма, и что когда Кефа уставал, ангелы помогали ему его носить. Когда Филипп слышал эти разговоры, он сердился.

Простые люди. Так как культ вербовал приверженцев среди простых людей и удерживал их, говоря, что Царствие предназначено для простых людей, вероятно, нельзя было сказать простым людям, что они недостойны Тайны.

Симон сидел и думал. Как преодолеть барьер молчания, окружающего эту тему? Он присоединился к культу; он исповедовал веру, он принял крещение и был посещен Духом. Что еще он должен сделать, чтобы они были с ним откровенны?

Разумеется. Все было так просто, что он рассмеялся. Он взял мешочек с деньгами и отправился к Кефе.

— Мне следовало это сделать раньше, — сказал Симон. — Я не думал, что это так важно. Поразительно, насколько туп может быть человек. Тем не менее вот они.

Он положил мешочек с деньгами на стол.

— О чем ты? — спросил Кефа.

— Назовем это моей платой, — сказал Симон. — Это все деньги, которые у меня есть. Это доказательство моей веры. Я надеюсь, вы не подумали, что я говорил серьезно. Меня можно понять. Теперь, я надеюсь, вы меня примете. И теперь, может быть, мы можем поговорить.

— Поговорить о чем?

Симон вздохнул.

— Послушайте, я понимаю, что вы в затруднительном положении, — сказал он. — Все эти люди верят, что, кроме того, что вы им говорите, больше ничего нет. Но я *знаю*. Вы не можете и дальше скрывать правду даже от людей, которые должны ее услышать. Я хочу быть одним из вас. Я чувствую, что готов быть одним из вас. Если я ошибаюсь, если я должен сделать что-то еще, пожалуйста, скажите мне, и я постараюсь это сделать. Пока что я сделал только то, что мог. — Он указал на мешок с монетами.

— Боюсь, — сказал Кефа, — я ни слова не понял из того, что ты тут наболтал. Ты говоришь, что правду скрывают. Денно и нощно я только и делаю, что говорю правду. Ты говоришь, что хочешь быть одним из нас. Ты и есть один из нас, но, похоже, это тебя скорее смущает, чем радует.

Ты говоришь, что имеешь право. Какое еще право? Бог никому ничего не обязан. И как это, — он ткнул пальцем в мешок с деньгами, — связано с каким-то там правом?

— Простите, я не так выразился. — Симон кусал губы. Разговор принял неожиданный оборот. — Когда я сказал, что хочу быть одним из вас, я имел в виду, что хочу быть членом внутреннего круга. Понимаете, что я имею в виду?

— Ты хочешь быть апостолом? Хочешь проповедовать, и в любую погоду пускаться в путь, и быть высеченным, брошенным в тюрьму, и всю жизнь скрываться?

— Не может быть! С вами это случалось? Мне пришлось однажды долго скрываться, и это было очень неудобно. Нет, я имел в виду, что хотел бы обладать вашим знанием. Вашей силой, если хотите.

Кефа сидел неподвижно.

— Знание, — сказал он, — сила.

— Конечно, у меня есть собственные таланты, но они не могут сравниться с вашими. — Лесть здесь была неуместна, но слова уже вырвались. — Боюсь, вы опять обвините меня в том, что думаю как маг, но я не могу сразу отбросить то, чему учился всю жизнь. В конце концов, это техниче-

ский вопрос, не так ли? Мы оба это знаем. У нас с вами много общего.

Щека Кефы подергивалась.

— Мне кажется, я могу быть для вас ценным, — продолжал Симон, хотя это было нелегко перед лицом ледяной холодности, — если вы дадите мне шанс. Но вы должны мне его дать. Иначе как я могу научиться, если вы меня не научите?

— Научить тебя чему? — сказал Кефа. Он выплевывал слова, словно камни.

— Тому, что вы знаете, — в отчаянии сказал Симон. — Например, как вызывать дух.

— Дар Святого Духа, — сказал Кефа. Его голос слегка дрожал. Он указал на мешок с монетами. — И это?..

— Деньги, — сказал Симон. — Как я объяснил, это все, что у меня есть…

Кефа встал. Его глаза сверкали. Его голос грохотал.

— Деньги? *Деньги* ? Ты думаешь, дар Божий можно *купить* ! С чего ты взял, наглое отродье сатаны, что можешь быть одним из нас?! Да ты недостоин чистить наши уборные. Вон отсюда, Симон из Гитты. Держись подальше от моих людей. Питайся собственным ядом и порочностью, но не хлебом детей. Забери свои деньги. Возьми

с собой на муки.

Когда Симон был на пороге, мешок с деньгами рассек воздух и упал у его ног. Он поднял его и пошел прочь.

— Иди на рыночную площадь, — сказал Симон, — и скажи всем, кого встретишь, чтобы собрались на площади завтра в полдень. Скажи им, что они увидят величайшую и невиданную доселе демонстрацию магии. После этого иди к храму, потом — в общественные бани. Скажи всем.

— Но… — сказал Деметрий.

— Иди! — пророкотал Симон.

Деметрий ушел.

Мальчик хорошо выполнил задание, или, возможно, жители Себасты хотели снова увидеть своего мага после долгого отсутствия. На следующий день к полудню площадь была запружена народом, люди усыпали также балконы и крыши домов.

Симон поднял руки, требуя тишины.

— Друзья! — прокричал он. — Вы давно не видели меня. Обо мне ходило много всяких слухов. Не верьте им. Я прошу вас не верить им. Я был болен — мистической болезнью, которой хотели воспользоваться некоторые люди, желающие

мне зла. Им это не удалось. Я стою перед вами, выздоровевший и готовый продемонстрировать чудеса, которых вы никогда не видели. — Он выдержал паузу. — Я покажу вам на этой площади дворец царя Ирода.

Взмахом руки он сосредоточил их внимание на большом огороженном веревками пространстве. Сосредоточившись, он стал создавать дворец: колоннаду, внутренний двор, фонтаны, огромное белое здание на ними. Он усилил концентрацию воли, и воздух затрепетал и стал распадаться на блоки света. Пока блоки приобретали форму, он заполнил дворик деревьями, а фонтаны — водой, украсил капителями колонны, выросшие перед…

Но оно исчезло. Никакого здания не было. Оно испарилось в воздухе. Он всеми силами пытался его вернуть и почувствовал, как все творение уплывает от него, деталь за деталью, зелень деревьев меркнет, колонны оседают и крошатся, плитка дворика скрывается под пылью площади. Он сделал невероятное усилие, и на мгновение в воздухе яркой вспышкой возникло потрескавшееся видение, потом оно потускнело и исчезло в жаре обыденного полдня.

В толпе послышался шумок:

— Я ничего не видел, а ты?

— Это вообще не Симон.

— Где же дворец?

— Надувательство!

Недовольство росло.

— Покажи нам дворец! Покажи нам дворец!

Симон затравленно огляделся и поспешил сойти с постамента. Его пытались схватить, но он высвободился и скрылся в узкую улочку. Вдогонку неслись насмешки и издевательства.

Он шел быстро по направлению к дому, ощущая в голове странную легкость. Деметрий нашел его в кабинете, с пустыми глазами, скорчившегося, дрожащего.

Он лишился своей силы.

4. Ключ

Стук, стук, стук. Пауза.

Треск.

— Дупель на тройке. Щелк.

Стук, стук, стук.

Треск.

— Хорошо, госпожа Венера.

Он подумал, что их терпение столь же велико, как и его, хотя имеет иную природу. В каком-то смысле оно даже превосходит его терпение, поскольку они не знают, чего ждут. Их безнадежность трогала его, и, встретившись взглядом с одним из них, он улыбнулся. В ответ он натолкнулся на пристальный взгляд, каким обычно человек смотрит на животное.

Придет время, и каждому зачтется по делам его. Сейчас не стоит думать об этом. Он повернулся на своей подстилке из соломы и почувствовал, как железо впилось в запястье. Возможно, ждать придется долго. Возможно, он не доживет до этого времени. Иаков Бар-Забдай не дожил. Ему отрубили голову.

— Хотите разделить мою судьбу? Не беспокой-

тесь, разделите.

Странно, но было время, когда он не думал, что слова могут относиться к далекому будущему. Тогда будущее ограничивалось завтрашним днем. Тогда он думал, как и все, что они умрут вместе. Тогда он был готов умереть, если это нужно, хотя не понимал, почему это нужно. Но тогда он так многого не понимал, что мысль о том, что все они должны умереть, была почти приятной, она делала все таким ясным. И таким важным.

Не то чтобы он подвергал сомнению важность и серьезность того, что они делали, но его всегда немного удивляло, что другие относились к этому так серьезно. Если миру надо, чтобы они умерли ради Него, это, безусловно, серьезно.

Но он, конечно, не умер. Это не было нужно, думает он, опустив голову на неровный камень. Что стало ясно в последний момент. Сперва они неверно поняли условия, на которых они спасены. Теперь это тоже прояснилось. Умер лишь один из них. Это доказывало, что объяснение, к которому они пришли с таким трудом, было правильным.

Он думал, что это доказательство. Он не обладал даром размышлять о таких вопросах. Нередко он ясно понимал происходящие события, и это

было его даром, который ему велели беречь. Но как только он начинал задумываться, ясность терялась. Иногда, когда он размышлял о каком-то событии спустя некоторое время, он начинал сомневаться, верно ли его понял. Он знал, что склонен ошибаться. К тому же часто понимание смысла события приходит гораздо позже. В таком случае чему же верить?

Зачем ты оставил меня?

— Я хочу пить, — сказал он.

К его губам прижали металлическую кружку. Он стал пить. Вода была теплой и затхлой. Он вспомнил, как пил воду из горного ручья у своего дома: сладкую, чистую и холодную.

— Спасибо, — сказал он.

Охранник, тяжело ступая, вернулся к столу.

Щелк.

Стук, стук, стук.

— Вы играете в кости, — сказал Кефа, — как будто впереди у мира еще тысяча лет.

Треск.

— Опять собака.

Щелк.

Возможно, он не говорил вслух, хотя ясно слышал слова у себя в голове. Проводя день за днем в полутьме и потеряв представление о времени,

он часто слышал голоса и не знал, звучат они внутри или снаружи. Голос, который ему был так необходим, звучал редко, его приходилось вызывать с помощью воспоминаний.

Голоса помогали коротать время и были лучшими друзьями, чем мысли. Время. Годами ему не хватало времени. Теперь у него было время, которое никто не смог бы отнять. У него было время, чтобы подумать о своей жизни в свете приближающейся смерти. Это был поистине щедрый подарок.

Он не мог им воспользоваться. Он анализировал свою жизнь, и она представлялась извилистой дорогой, отмеченной сплошными загадками. Он был рад голосам, даже когда звучал самый громкий из них, разрывавший голову, подобно удару хлыста. Голос, который он хотел бы слышать меньше всего.

— Я требую, чтобы меня слушали.

— Я слушаю тебя, Савл.

— Если это так, ты первый человек, который меня слушает. С тех пор как я появился здесь, ко мне относятся с неприязнью. Твои люди меня боятся?

— Конечно, — сказал Кефа. — В последний раз, когда тебя видели здесь, ты охотился за ними,

словно волк. Чего еще ты ждал?

— Но разве они не видят, что я искренен?

Люди чувствуют искренность, если она присуща человеку. Невозможно внушить любовь равнодушным или убежденность — нерешительным. В небольшой общине, руководимой Кефой, были и равнодушные, и нерешительные.

— Они простые люди, и они помнят прошлое, — сказал Кефа.

— А моя работа? — фыркнул Савл. — Она ничего не стоит?

— Это мог быть фокус.

— Господь, пошли мне терпение! — Савл ударил кулаком по столу. — Они собирались меня убить в Дамаске! Чтобы спастись, мне пришлось ночью бежать из застенка. Многовато будет для фокуса.

— Я слышал об этом, — сказал Кефа. — Ты ведь спрятался в корзине?

Савл покраснел. Кефа отметил, что он раздражается, когда намекают на его рост.

— Она раскачивалась, как бес, — сказал он, — а я боюсь высоты.

Неожиданно он улыбнулся. Это была насмешка над собой. Кефа внимательно изучал его. Он не мог решить, нравится ему этот человек или нет.

— Никто из нас не герой, Савл, — сказал он

мягко.

— Я бы не хотел, чтобы ты меня так называл. Я сменил имя.

— Я знаю, — сказал Кефа. — Не вижу ничего плохого в твоем прежнем имени.

— Если бы ты знал греческий, ты бы думал иначе.

— Неужели? Что оно значит по-гречески?

— Неважно. Оно мне не подходит. Моя внешность не такая впечатляющая, как имя.

Кефа не был в этом уверен. Конечно, рост у Савла подкачал, но плечи широкие и мощные, глаза решительные, а лоб широкий, что подчеркивалось рано появившейся лысиной.

— Хорошо, — сказал он миролюбиво. — Если живешь среди язычников…

— *Ты* веришь, что я искренен? — настаивал Савл.

— Да, конечно.

— Если ты мне веришь, почему ты не слушаешь меня?

— Не слушаю тебя? Но… — Кефа остановился. Он явно не понимал, чего от него хотят. — Чего ты, собственно, хочешь? — спросил он.

— Равенства, — ответил Савл.

— Равенства? — нахмурился Кефа. — С кем?

— С вами. С Иоанном и с Иаковом. Я хочу быть одним из вас.

Кефе казалось, что только вчера он слышал другой голос, который с жаром требовал того же. Странно, что люди всегда хотят того, к чему они не способны, и не дорожат тем, что им дано.

— Это невозможно, — просто сказал Кефа, — ты не был знаком с Иешуа.

Он видел, как глаза Савла заблестели от гнева, и наблюдал за происходившей в нем внутренней борьбой. Спустя некоторое время Савл сказал:

— Я этого и ожидал.

— Будь благоразумным, — сказал Кефа. — Это не вопрос заслуг. Если бы дело было в этом… — Он принялся задумчиво постукивать пальцами по столу, и фраза осталась неоконченной. — Неважно, насколько ты искренен, неважно, какую работу ты делаешь, неважно, сколько раз твоя жизнь была под угрозой, ты должен понять, что у тебя никогда не может быть такого авторитета, как у людей, которые *знали* его.

— Почему? — спросил Савл.

Кефа не мог скрыть изумления:

— Ты серьезно?

— Совершенно серьезно.

— Потому что… потому что мы знаем, каким

он был, — беспомощно вымолвил Кефа. Почему это звучит так по-детски? — Мы слышали, как он учил, мы говорили с ним, мы… мы были с ним *вместе.*

— И вы, — спросил Савл, — понимали его?

Кефа поднял голову и встретился взглядом с Савлом. В его взгляде не было милосердия.

— Ошибочное понимание, — сказал Кефа, — лучше, чем отсутствие понимания.

— Ваша непереносимая самонадеянность! — Савл ударил по столу обоими кулаками с такой силой, что комната содрогнулась. — Вам досталась редкостная привилегия, а вы оградили ее неприступной стеной, за которую никого не пускаете. Какой толк от того, что вы были с ним? Вы провели вместе два года, а когда настал судный день, разбежались!

Кефа сжал кулаки:

— Была причина… это было необходимо…

— Конечно, это было *необходимо.* Я хочу сказать, что вы повели себя не лучше, чем другие. Фактически даже хуже. И тогда то, что вы его знали, не помогло, верно? Все, что вы узнали, когда были вместе с ним, вдруг стало бесполезным. И остается бесполезным. Трогательные истории о его жизни, которые вы пересказываете, бесполез-

ны. Единственное, что имеет значение, — это то, *что произошло после его смерти.* Если бы не это, никого из вас здесь бы не было. Разве не так?

Кефа глубоко вздохнул.

— Это так, — сказал он.

— Очень хорошо. То, что случилось после его смерти, касается *вас,* а также касается меня.

Кефа не сводил с него глаз.

— Этот опыт, — продолжал Савл, — этот опыт, который делает невозможное возможным, этот опыт, от которого вы ведете свое понимание, из которого вы черпаете тот авторитет, который у вас есть, этот опыт дан и мне тоже.

В своей речи Савл резко переходил от грубой конкретности к страстной абстракции. Это сбивало с толку. Кефа не без труда понял, что тот имеет в виду.

— Ну да, — сказал он, — твое видение.

— При чем здесь видение. У любого идиота может быть видение. — Савл нагнулся над столом и направил толстый указательный палец на Кефу. — Когда он явился тебе, воскреснув, это, по-твоему, было *видение?*

— Нет, — коротко ответил Кефа. Эту тему он избегал обсуждать.

— Что же это тогда было?

— Ты спрашиваешь меня? — Кефа подавил порочную вспышку гнева. — Я предпочитаю не говорить о своем опыте. Но он важен.

Последовало молчание. Кефа понял, что ему придется говорить об этом. Всякий раз, когда ему приходилось говорить об этом, в глубине сознания он чувствовал что-то мягкое и неприятное, похожее на червя, вползающего в землю.

— Это не было видением, — сказал он, — видения другие… — Голос его стал тихим. — Он *явился* мне, — сказал он.

— Ну и что? — сказал Савл. — Он явился мне тоже.

— Это случилось во время твоего странствия?

— Да. И я повторяю, это было не видение. А Явление.

Кефа на мгновение закрыл глаза.

— Тогда тебе тоже дана великая привилегия.

— Да. — Короткое слово было красноречивым.

— Что… произошло? — шепотом спросил Кефа.

— Это было огромное потрясение, — сказал Савл. — Я ослеп. Потерял зрение.

— Ослеп?

— На три дня. В данных обстоятельствах это было… настоящим милосердием.

Все в комнате вдруг замерло. В тишине было

слышно, как жужжит муха.

— Есть еще одна вещь, о которой я никому не рассказывал, — снова заговорил Савл.

Его голос дрогнул и стих, словно он испугался мысли, которую собирался высказать.

— Я видел рай, — с трудом продолжил он.

Кефа вытер пот, стекавший у него по шее.

— Продолжай, — сказал он.

— Нет, — сказал Савл. — Я не должен был говорить об этом. Но ты не доверяешь мне и сомневаешься в моей работе. Что мне еще оставалось? Ты поймал меня в ловушку и вынудил хвастаться моими… доказательствами.

Доказательствами?

Если каждый будет хвастаться…

— Нет! — вскрикнул Кефа, словно от боли.

Охранники с любопытством посмотрели на него и снова вернулись к игре.

Конечно, Савл был прав: всем, кто был рядом с Иешуа, дана великая привилегия. Насколько велика привилегия его, Кефы? Хвастаться ею он бы не смог: слова бы застряли у него в горле.

Тем не менее было трудно удержаться и не закричать Савлу:

— Я был избран первым. Я первым увидел, кто он такой. Я храню ключ.

Об этом нельзя было говорить. Зато можно было думать. Прошлое утешало, а в этом месте утешение было ему необходимо. Прислонившись головой к стене и закрыв глаза, он позволил себе принять утешение.

Прошлое скрывало привилегии, которые были недоступны для Савла.

Неземной свет озарил все вокруг и принял облик учителя.

Кефа, ослабевший после ночных бдений, в изумлении наблюдал за таинством.

Был разгар дня, но краски вокруг словно потеряли яркость. Казалось, весь свет небес сконцентрировался на фигуре, сидевшей перед ними, оставляя все вокруг в тени, усиливаясь, пока не наступил момент, когда весь свет мира не сошелся на этом хрупком теле.

Кефа попытался переменить положение, но не смог шевельнуться. Казалось, его голова жила отдельно от тела. Он хотел посмотреть на братьев Бар-Забдай, сидевших в нескольких метрах от него, чтобы удостовериться, что они видят то же, что и он, но он не смог отвести глаз от того, что происходило перед ним.

Иешуа сидел неподвижно на одном из трех камней, венчавших вершину горы, окутанный

светом, словно плащом.

Воздух вокруг Кефы становился все темнее, а фигура на камне теряла отчетливость, пока между ними не образовалось пространство. Кефа хотел крикнуть от испуга, но не смог. Потом он заметил, что что-то изменилось. Иешуа не был один. На каждом камне сидела фигура, источающая свет. Пространство между ними было залито светом, подобным лунной дорожке на воде. Они разговаривали.

Ему безудержно хотелось знать, что видят его друзья. Он искал их взглядом в полутьме, и его сердце оборвалось. Их не было.

В этот миг он понял, что видение существовало только для него и что, если он этого не поймет, оно будет утеряно безвозвратно. Он должен был как-то подтвердить это словами.

Его язык был тяжел, как камень. Он выталкивал слова силой, они ссыпались в беспорядке в тишину.

Сумерки смыкались, как сеть, которую вытаскивают из воды. Вуаль из света, окутывающая каждую фигуру, колебалась, словно под дуновением ветра. Послышался звук, напоминающий шум моря, потом на какой-то страшный миг исчезло все, кроме этого шума и темноты.

Он открыл глаза и увидел дневной свет. На камне сидел один Иешуа и улыбался. Неподалеку сидели братья Бар-Забдай и терли глаза.

Они стали спускаться вниз с горы, не прерывая молчания, пока не дошли до подножия. Потом, как будто преодолев запрет, заговорили все трое одновременно.

Иешуа, который шел поодаль, сделал знак остановиться.

— Подождите, — сказал он. — Не будем говорить об этом. Никто из вас не знает, когда говорить, а когда молчать.

Скрипнула дверь. Кефа очнулся от своих грез и увидел, что охранники встали из-за стола и набросили на плечи плащи. Они дружно вышли из камеры.

Вошли два новых охранника. Захлопнулась дверь. Новые охранники сняли плащи, устроились за столом и, не взглянув на Кефу, приступили к игре.

Стук, стук, стук, треск.

— Шестерки платят?

Щелк.

— Дупель.

День за днем, ночь за ночью. Во мраке трудно отличить одно от другого. Время отмерялось

только выдачей пищи и сменой охраны.

Охранников было четверо. Один из них, молодой сириец, был дружелюбен и иногда даже заговаривал с ним. Он был родом из деревни неподалеку от дома Кефы и попал в царскую армию по мобилизации. Он не был доволен своей солдатской долей и время от времени делился с Кефой неофициальными новостями о беспорядках в городе или сплетнями из караульного помещения насчет последнего проявления безрассудства царя.

Обед Кефы, состоящий из хлеба и бобов, принесли сразу после того, как закончилось дежурство дружелюбного охранника. Кефа предположил, что его кормят один раз в день, и пришел к заключению, что охрана меняется каждые шесть часов. Он высчитал, что находится в темнице около двух недель. Возможно, и больше: он не знал, сколько времени он спал, а также было трудно вести точный счет мискам бобов с хлебом, поскольку обед был всегда один и тот же. Однажды ему дали луковицу, что было мило с их стороны, но привело к расстройству желудка.

Пытаться вести счет дням было ошибкой. Это придавало смысл совершенно бессмысленному отрезку времени. Его протяженность не имела

никакого значения: это был просто последний период жизни Кефы.

Было бы лучше, если бы его убили. Иаков Бар-Забдай был убит, Кефу арестовали почти сразу после этого. Царь ждал целых три дня, чтобы посмотреть, как отнесется население к казни. Беспокоиться не стоило. Это было именно то, чего хотели священники.

Как странно, подумал Кефа, что проповедь любви вызывает такую сильную ненависть. Но, конечно, они нажили врагов не тем, что проповедовали, а тем, чего не проповедовали. Сталкиваясь с хорошо организованной системой добропорядочных поступков, милосердными делами и соблюдением законов, за которыми люди скрывали пустоту, они не говорили той вещи, которую от них ожидали: «Вот молодцы-то».

А царь, не понимая, кто его друзья, использовал их смерть, чтобы купить друзей там, где они были ему нужны. Он мог бы убить их всех. И никогда бы не узнал, что этим исполнил бы пророчество. Прежде чем придет Царствие, будет Страдание. Именно Страдание приблизит наступление Царствия.

Поэтому они вправе молиться об избавлении от страданий, но не вправе стремиться избежать

их.

Кефа с горечью вспомнил о времени, когда все они надеялись их избежать.

— Я должен взять бремя на себя.

Они были потрясены, они осмелились спорить с ним. Они испугались. Под страхом и горем в глубине пряталось позорное облегчение. От них самих ничего не требовалось. Все будет сделано для них. Крови одного человека, пролитой для Бога, будет достаточно.

Позднее они поняли, что происшедшее не могло быть тем, что он имел в виду. Они поняли его загадочную и невнятную аллюзию с искуплением слишком буквально и недальновидно; недальновидность была проклятием всего их образа мышления в то время, когда они применяли эту аллюзию исключительно к себе. Лишь когда стало ясно, что до наступления Царствия пройдет много времени, они поняли, что он не мог иметь в виду поступок столь ограниченный. Если бы это было так, то какой смысл в его смерти, раз Царствие не наступило? Должен быть более глубокий смысл; и после месяцев дискуссий, и молитв, и чтения Писаний они нашли его. Их спасли не от смерти, а от гнева Господня. Они были прощены.

Сперва Кефа сомневался в этом, хотя другого

объяснения не было. Теперь после убийства Иакова Бар-Забдая он уверился. Они не могли быть спасены от смерти, если один из них умер.

Кефа неловко повернулся на своей соломенной подстилке. Ему не нравилась, как и раньше, та неясная область, куда его завели мысли.

Отсутствие ясности угнетало его. Это было подобно поражению. Когда-то все было так ясно, что для сомнения не оставалось места. Но тогда он не мог представить себе, что мир будет существовать так долго, что он, Кефа, снова будет поставлен в тупик.

Было время праздников, пятьдесят дней после смерти Иешуа, сорок восемь дней после первого Явления. Они собрались тесным кругом друзей в комнате, где он явился. Они все надеялись на то, о чем не решались говорить. Вместо этого они молились.

«Да придет Царствие Твое».

Они приступили к вечерне. Проходили часы, и дистанция, разделяющая их, уменьшалась, пока их голоса не зазвучали в унисон и не стали молитвой, пока комната не исчезла и не превратилась в молитву.

«Отче наш, сущий на Небесах. Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое. Да будет воля Твоя

и на земле, как на небе».

Пространство исчезло. Вскоре исчезнет время.

«Хлеб наш на завтра подай нам сегодня. И прости нас, ибо и мы прощаем всякому должнику нашему. И не испытывай нас в Страдании, но избавь нас от лукавого».

Склонив головы и раскачиваясь, они притягивали будущее на цепях слов.

«Отче наш, да святится имя Твое, да придет Царствие Твое».

С песнопением приближались последние дни, окончательное и страшное очищение.

«Да будет воля Твоя и на земле, как на небе. Хлеб наш на завтра подай нам сегодня…»

Голоса дрогнули и замерли. Раздался грохот; казалось, грохотали сами стены. Порыв ветра сорвал с петель дверь и выдул весь воздух, оставив их задыхаться, словно пойманных рыб. Воздух снова ворвался с такой мощью, что стены содрогнулись, как от удара гигантской силы. Они лежали, придавленные огромной ладонью, не в силах дышать и обливаясь слезами. Внезапно давление ослабло, и комната наполнилась воздухом, который горел. Сквозь слезы они видели, как комнату наполняет огонь. В воздухе в золотом сиянии был Всевышний. Бесконечно бережно

они были поставлены на ноги, и огонь касался их голов, но не жег, а мягко обволакивал их, пока не иссяк.

Они растворились в тишине, как в пучине.

Из глубины пучины тонкой нитью пробился звук. Потом, как узелки на нити, появились слова.

Потом стремительным потоком на них обрушилась иноязычная речь. Исступленное бормотание наполнило собой воздух.

Кефа, с уст которого, словно жемчужины, срывались слова Небес, подошел к двери, где собралась толпа зевак.

— Они пьяны, — услышал он чьи-то слова.

Его захлестнула жалость к этим слепцам, и на минуту он лишился дара речи. Потом пришли слова, простые человеческие слова, за неимением лучшего.

— Царствие пришло! — выкрикнул он, и слезы полились из его глаз ручьем. — Слава Господу, Царствие пришло, и это — знамение!

Знамение. Кефа вытянулся на подстилке и расправил занемевшие плечи. Цепи, которые были слишком коротки, чтобы полностью вытянуть руки, впились в запястья. Знамение было тайной, в которой крылся более глубокий смысл. Знаме-

ние могло означать все, что угодно. Иногда смысл его познается не сразу, а спустя долгое время. Знаки следует читать в обратном порядке.

Если человек восстает из мертвых, что это за знамение?

Если читать знак в хронологическом порядке, он означает конец. Конец истории, конец естественной череде рождений и смертей. Следствие не будет больше соотноситься с причиной. Человек будет пожинать там, где не сеял. Господь снял неотвратимый запрет, и мертвые населят землю.

Но прошло десять лет, а солнце не померкло.

Если читать знак в обратном порядке, он означает начало. Начало ожидания? Не только. Они получили время. От них ждали, что они используют его.

Как именно они должны были его использовать?

Конечно, строя сообщества из новообращенных. Это было совершенно ясно.

Единственное, что настораживало, — то, что Иешуа ничего об этом не говорил. Он полагал, что мир перестанет существовать после его воскрешения.

Но этого не случилось.

Потому…

Дабы разорвать порочный круг, единственное, что от него требовалось, — это верить в то, чего он никогда не видел. Это было самое трудное. Верить и не говорить, что он это видел. Очевидно, его бременем было молчание: он всегда говорил слишком много.

— Не считается.

— Собака!

— Пять, две тройки и единица.

— Две единицы. Тебе выпала собака!

— Я тебе говорил, не считается.

Кефа проснулся от беспокойного сна. Охранники, сидевшие за столом, смотрели с вызовом друг на друга. Один из них встал, хватаясь за рукоятку кинжала:

— Не будь идиотом. Выкладывай деньги.

— Я что, по-твоему, лгу?

— Успокойся. Бросай снова.

Охранник неохотно сел на место и потянулся за костями.

— Я не потерплю, чтобы меня называли лгуном.

— А я не хочу рисковать тремя годами службы.

Стук, стук, стук.

Пауза.

Треск.

Кефа попытался снова уснуть, но сон не шел. В его мозгу теснились обрывочные слова и картины. Он подумал, не началась ли у него лихорадка.

Было время, когда все было ясно. Как он умудрился потерять эту ясность? Она постепенно исчезала, просачиваясь сквозь щели в его сознании.

Вначале, когда Иешуа был с ними, им было необходимо знать лишь то, что они обладают великой истиной и должны распространить ее как можно шире и как можно быстрее. Истина заключалась в правде о связи между Богом и человеком. Истина была не нова: напротив, ее повторяли так часто, что люди перестали слушать. Иешуа вдохнул новую жизнь в старые слова, давно умершие и затертые. А теперь они стали откровением и вызовом: «Вы — дети Господни».

Это изменило мир. Это означало конец бесплодным мольбам и попыткам умилостивить, скрупулезному подсчету грехов и бесконечным ритуалам, призванным заслужить прощение, и горестному пониманию того, что любые усилия безнадежны. Теперь требовалось лишь попросить. Это означало конец подсчетам на будущее: Бог подаст. Это означало конец страху: Бог — отец.

Это стирало все сомнения и отменяло все долги: это делало ненужным Закон.

Поняли все это они далеко не сразу: старые предрассудки проросли глубоко. Но когда наконец они прозрели, они поняли, откуда он черпал силы. Это было в них тоже.

А потом случилась первая беда: первое подозрение, что Промысл Божий понять не так просто. Он обещал, что Царствие придет, прежде чем они смогут посетить все города Иудеи. Странствие было долгим и изнурительным; у них в руках была мощная сила, но исцеленные проклинали их, большинство же оставалось безразличными, и это безразличие было хуже ненависти. Они не сдавались, пока задание не было закончено, — но ведь оно не должно было быть закончено!.. Царствие не пришло.

Они возвратились и нашли его бродящим по холмам с опущенной головой. Он направил их по ложному пути.

Все, что так тревожило и ставило в тупик Кефу, заключалось в этом парадоксе: миссия оказалась бесплодной, потому что была завершена. Позднее он даже предпринял попытку проследить последовательность событий после провала. Конечно, это было глупо, но несомненно, что

поведение Иешуа изменилось. Он стал отстраненным, подверженным приступам дурного настроения и меланхолии. Он был уверен, что кто-то его предаст.

И тем не менее Кефа понимал, что именно в это время, когда тьма сгущалась, появился ярчайший луч света. Именно тогда он постиг могущественную тайну Иешуа, и как награда за прозрение ему был доверен Ключ.

Это самое странное из всех откровений и случилось странно. Иешуа неожиданно задал вопрос, на который никто из них не знал, как ответить. Бормоча что-то в смущении, Кефа вдруг услышал, совершенно отчетливо, ответ у себя в голове. Это был визгливый голосок юродивого, одного из множества тех, кого излечил Иешуа. Нелепые слова звенели у него в ушах снова и снова, и в них была холодная правда.

«Тот, Кто придет».

Его обуял ужас. Но он произнес это.

А Иешуа…

Реакция Иешуа была такой же странной, как и все остальное.

— Ты сказал то, о чем никогда нельзя говорить, и за это придется уплатить высокую цену.

— Так это правда?

— Об этом никогда нельзя говорить.

— Но почему, если это правда?

— *Потому,* что это правда, сын дурака. Ты слушал меня все это время и так и не понял? О некоторых вещах нельзя говорить вслух.

— Я не понимаю почему.

— Если бросить жемчуг свиньям, они нападут на тебя, потому что им нужны объедки; а что тогда происходит с жемчугом? Есть еще одно объяснение, о котором ты никогда никому не должен говорить. Есть правда, которая, когда о ней говорят вслух, становится неправдой. Ты понял?

Кефа смотрел во все глаза, онемев от изумления.

— Чтобы достать воды из колодца, никто не спускается прямо вниз, а все вы ходите кругами вокруг него. Теперь, когда ты это знаешь, я даю тебе Ключ от Царствия. Видишь?

Кефа в отчаянии повернул неимоверно отяжелевшую голову. Затем с неожиданной тревогой спросил:

— Какой ключ ты мне дал? — и стал с опаской шарить руками в складках туники.

Иешуа начал смеяться. Это был страшный смех, срывающийся, резкий и безрадостный.

Кефа обхватил голову руками и зарыдал.

Жемчужины.

Создаваемые в темноте на дне моря.

Ближе к концу многое из того, что говорил Иешуа, озадачивало его. Часто ему казалось, что слова не были предназначены ему: словно учитель вел долгий и важный диалог с самим собой, а Кефе было позволено иногда присутствовать.

Долгие годы в молитвах и медитациях он пытался постичь природу Ключа. Естественно, это был не материальный ключ: он быстро понял свою глупую ошибку. Тем не менее он верил, что настанет день, после Судного дня, когда он увидит сияние ключа на своей ладони.

Однако это было не просто обещание. Он уже обладал ключом. Иешуа однозначно сказал об этом. И поскольку он уже обладал им, ключ должен был иметь какое-то значение сегодня. Но какое? Ключ к Царствию, которое еще не пришло?

Ключ предназначен для того, чтобы закрывать и открывать, преграждать и впускать. Царствие еще не пришло, но те, кто туда попадет, живут на земле сейчас. В этом Кефа нашел разгадку своей земной миссии. Она должна быть созвучна его предназначению на Небесах: он должен стать ключником братства, следить за тем, чтобы недостойные не могли проникнуть, чтобы достойные

не были забыты.

Он принялся за работу не жалея сил. Он посетил столько общин, сколько был способен, беседовал с их членами, проверял их веру, наблюдал за их образом жизни. То, что он видел в большинстве общин, радовало его. В других, в особенности в одной общине в Самарии, которой руководил Филипп, он был вынужден пресечь вредное влияние. Но за последние годы он понял, что миссия, понимаемая им буквально, не по силам ни ему, ни кому-либо другому. Появлялись все новые общины, проникая по другую сторону гор и восточной пустыни, вдоль побережья Великого моря. Савл…

Кефа застонал от внутренней боли. Скорее всего Савл не будет ничего предпринимать, не посоветовавшись с ними. Но человек он совершенно непредсказуемый, и никто ничего о нем не слышал, после того как он покинул Иерусалим. Что с ним?

— Весь мир, Кефа!

— Это предназначалось только нам! Он так сказал.

— Вот заладили: «Он сказал, он сказал». Вы делаете только то, что он сказал, и никогда ничего не делаете, если он не сказал? Ситуация измени-

лась: появились новые взгляды. *Вы* так сказали.

Кефа недовольно посмотрел на него.

— Это жизнь, Кефа, — с жаром сказал Савл. — Жизнь, правда, свобода. Как можно держать это для себя?

— Послушай, — сказал Кефа. Его спокойствие скрывало раздражение, как пена волну. — Наша нация — это священство. Как можно нести нашу весть всему миру, если еще не все священнослужители ее слышали? Это бессмысленно.

— Многие вещи кажутся бессмысленными, — сказал Савл. — Во всяком случае мне. Возможно, ты понимаешь Божий замысел?

Кефа молчал.

— Скажем иначе, — сказал Савл. — Добился ли ты большого успеха со своими… священнослужителями?

— Нужно время. Правду не утаишь.

— На мой взгляд, — сказал Савл, — они вполне успешно это делают. Как заживают твои шрамы?

— Надеюсь, ты не задумываешь обратиться к язычникам, потому что боишься собственного народа?

— В настоящий момент я ничего не задумываю, — сверкнул глазами Савл. — Я просто предлагаю одну идею. Ты и сам это знаешь, если

слушал внимательно. И никогда не говори мне, что *я* чего-то боюсь.

Он сделал ударение на «я». Кефа почувствовал, как его щеки покраснели.

— Извини, — сказал он.

Наступила пауза. Они настороженно улыбались друг другу. За несколько дней бесед они почти не сдвинулись с места, было лишь очевидно, что когда-нибудь они, возможно, смогут быть друзьями и что пока им трудно находить общий язык. Они испытывали друг друга, как два самца-оленя, и ходили вокруг да около, не решаясь ни напасть, ни перейти к вопросу, который разделял их. За это время можно было бы договориться о чем угодно.

Они начали новый раунд.

— Ты говоришь, это лишь идея, — сказал Кефа. — Ты не собираешься в данный момент расширять свою… аудиторию?

— Я к этому не готов. Мне просто интересно знать твое мнение в принципе.

— Ты говорил об этом с кем-нибудь еще?

— Нет.

— И не надо, — сказал Кефа. — Есть другие задачи. Не так уж у нас много времени.

— Времени? — Савл засмеялся резким сме-

хом. — Ты только что сказал, что время будет.

— Для евреев. Для них должно хватить времени. Это главное. Но время, время!.. Речь идет не только о проповедовании, крещении, начальной миссионерской работе… В каком-то смысле это самая легкая часть.

Густые брови Савла слегка поднялись.

— Руководство, — объяснял Кефа. — Все эти группы надо удерживать вместе. Ты имеешь представление, сколько времени у меня уходит на административную работу?

— Тогда откажись от нее, — сказал Савл. — Она явно не по тебе.

Снова наступила пауза.

— Я имею в виду, — сказал Кефа, — что сперва необходимо сделать главное.

— «Первое будет последним».

— Ты испытываешь мое терпение, Савл.

— А ты мое, Кефа. Ты говоришь о главных задачах, а для кого они главные? Для тебя или для Бога? Мне они кажутся задачами кучки трусишек, которые боятся выйти за порог своего дома. Вы все напуганы. Ограниченные людишки. Храни меня Бог от ограниченных людишек!

Кефа ждал, пока его гнев не уляжется. Савл, сидевший напротив со сжатыми кулаками, в

отчаянии уронил голову на руки.

— Извини, — прошептал он, — я не должен был так говорить.

Он посмотрел на Кефу полными боли глазами.

— Как мне объяснить, чтобы ты понял? — сказал он.

Иногда он вел себя как ребенок.

— Ты не похож на человека, которому нужно чье-либо согласие, — мягко сказал Кефа.

— Это неправда, — сказал Савл. — Я ничего не могу сделать без твоего согласия. Ты это знаешь. К сожалению, я не умею просить.

Они обменялись улыбками. Наступило молчание, но оно было приятным.

Кефа размышлял. Идея Савла была, разумеется, дикой. А также ненужной. Но тем не менее грандиозной. Он позволил себе на миг представить ее последствия и осознал ее грандиозность. Мир, объединенный верой, ожидающий возвращения…

Он остановился, сбитый с толку, поскольку понял, что идея абсолютно неосуществима. В подобном мире какой смысл был бы в Возвращении спасителя угнетенного народа? В подобном мире не было бы места Страданию. И какой тогда смысл в Царствии, если оно для всех?

Он тряхнул головой, чтобы избавиться от головокружения.

— Не думаю, что есть необходимость в каком-либо разрешении, если ты не собираешься сию минуту обращать в нашу веру население всей империи, — сказал он, — Поговорим об этом потом, когда ты все как следует обдумаешь.

— Обязательно, — сказал Савл с отсутствующим взглядом. — Обязательно.

Вскоре после этого Савл отправился домой. Его визит был коротким, но он успел настроить против себя большую часть местного населения. Кефе и Иакову Благочестивому не оставалось ничего, кроме как инсценировать покушение на Савла и отправить его домой под предлогом защиты его безопасности. После этого воцарился мир.

Кефа не знал, как долго этот мир продлится. Савл не был из тех, кто отказывается от своих идей из-за того, что их трудно воплотить в жизнь. Рано или поздно он попытается осуществить свой план, и слухи об этом, учитывая характер Савла, дойдут до Иерусалима. А это могло бы привести к проблемам.

Он должен был пресечь идею в зародыше. Но она была дерзкой, и это восхищало его. В любом случае Савл не стал бы слушать.

Беспокоиться об этом было бессмысленно: он все равно ничего не мог изменить. Теперь за все отвечал Иаков Благочестивый, ему придется разбираться с Савлом. Нет сомнения, что он это сделает эффективно. Когда Кефа рассказал ему о мечте Савла, он отнесся к этому чрезвычайно критически.

Но Иаков… Его никто не выбирал. Он просто появился. Он остался с ними, заглянув по дороге, уверенный, что может быть полезен. И он был прав. Через несколько недель его ровный голос законника, разъясняющий, анализирующий и придирчивый, стал неотъемлемой частью их собраний. Вскоре он стал доминирующим.

А собственно, на каком основании? Он дал это понять своей первой фразой, произнесенной, едва он переступил порог. По большому счету, эта фраза была ненужной, поскольку они прекрасно знали, кто он такой.

— Я Иаков, — сказал он, — брат Иешуа.

Брат? Разве он не знал, что учитель отрекся от него? «У меня нет братьев. Это, — он указал на своих друзей, — мои братья».

Брат? Разве может считаться братом человек, который насмехался над своим братом и сказал о нем: «В него вселился демон» — и открыто присо-

единился к его врагам и который не пошевелил и пальцем, чтобы помочь, хотя мог это сделать, имея друзей среди духовенства? Брат?

Где был Иаков, когда они скитались по дорогам и просили подаяние, вынужденные покинуть враждебные города? Где был Иаков, когда Иешуа говорил им о Царствии? Где был Иаков в ту последнюю ночь, когда все рухнуло? Молился на коленях, чтобы стать еще более благочестивым.

Но когда начались Явления, чудеса, пророчества, знаки Святого Духа, тогда вдруг Иаков появился. «По рождению я один из вас, — заявил он. — Вы не можете отвергнуть меня. Я его брат».

И естественно, они его не отвергли. Они были рады любому новому члену, а такому, как Иаков, тем более. У него было много влиятельных друзей. Он прекрасно разбирался в Законе и имел хорошую репутацию. У него была феноменальная память и ясный, дисциплинированный ум. Он был хорошим организатором. Он ревностно соблюдал моральные устои, подтверждением чему служил тот факт, что он никогда не мылся. Он был благочестив, способен, грязен и холоден.

Теперь он возглавлял братство в Иерусалиме. И намного лучше справлялся с этими обязанностями, чем Кефа.

Стук, стук, стук. Треск.

— Ты видел?

— Откуда у тебя эти кости?

— Ничего особенного в них нет. Давай бросай.

Препровождение времени, драгоценного времени, которого так мало осталось.

Скоро наступит смена сирийского охранника. Кефа с нетерпением ждал короткого тайного общения. В прошлый раз охранник сказал ему, что царь нездоров. Но подобные слухи, и даже худшие, ходили по городу месяцами. Некоторые говорили, что в него вселился демон. Его причуды и жестокость росли каждую неделю. Даже иностранные правители управляли страной лучше, чем местный царь.

Это не имело значения. Царствие придет.

Кефа прислонил голову к стене и заснул.

Даже не видя, он знал, что дверь камеры открыта. Он также знал, что она открыта не так, как обычно. Вместо того чтобы медленно повернуться на петлях, она просто стала открытой.

Он знал, что должен встать и выйти.

Почему он не может этого сделать? Силясь понять, в чем дело, он осознал, что прикован цепями. Но когда он повернул руки, чтобы убедиться, что прикован, он обнаружил, что они

свободны. Цепи безвольно повисли и беззвучно ударились о стену.

Он был в кромешной темноте.

Он поднялся. Его шатало: ноги были одновременно такими тяжелыми, что он едва мог их переставлять, и такими легкими, что, если бы он сделал шаг, нога прогнулась бы под тяжестью тела. Он чувствовал, что к лодыжкам пристала солома.

Он знал, что охранники увидят его и он будет убит. Он вскрикнул от страха, но не услышал никакого звука.

Он вдруг понял, что охранники спят и не проснутся. Единственное, что он должен сделать, — это выйти.

Но он ничего не видел.

Он заставил себя двигаться вперед, туда, где, как ему казалось, была дверь. Он не мог ее отыскать. Или, если он к ней приближался, она удалялась. Иногда ему казалось, что он поравнялся со спящими охранниками, но потом оказывалось, что до них еще шагов пять.

Он снова всхлипнул. На этот раз он услышал всхлипывание, которое превратилось в молитву. «Господи», — сказал он.

Осознание того, что он должен молиться, про-

яснило его разум, и он понял, что ничего не видит не потому, что в камере слишком темно, а потому что в ней слишком светло. Он тотчас ощутил вокруг себя ослепляющий свет.

— Господи?

— Иди, Кефа.

Он пошел вперед, ведомый радостью. Он прошел мимо каменных плит, не чувствуя их, прошел мимо спящих охранников и вышел за дверь. Он оказался в лабиринте коридоров и осознал, что ничего не видит. Коридор был освещен золотым светом, подобным лунному, но теплым. Он перешагнул через камни, не прикасаясь к ним. Кто-то шел рядом. Он несколько раз пытался посмотреть на него, но не мог повернуть головы.

Они поднялись по ступеням, прошли через другую дверь и оказались на вымощенном булыжником внутреннем дворе. Повсюду стояли солдаты, опираясь на свое оружие, неподвижные, с широко открытыми глазами. Они прошли мимо солдат и приблизились к чугунным створкам ворот, прорезанных в высокой стене. Тот, кто шел рядом, дотронулся до ворот, и створки распахнулись настежь, и они вышли наружу. Ворота беззвучно закрылись за ними.

Вдруг он оказался один. Осматриваясь по сторо-

нам, отчаянно надеясь найти своего провожатого, он увидел, что оказался на улице среди домов и закрытых лавочек. Он остановился, потом повернул направо к дому, где, как он почувствовал, были его друзья. Он обходил камни и лавировал между домами, окруженными высокими стенами. И вот он стоял перед дверью, глядя на массивные шляпки железных гвоздей в толстых досках.

Он постучал. Звук был глухим, как из бочки. Послышались торопливые шаги, голос девочки и смех. Он снова постучал. Он услышал, как шаги быстро удаляются от него, и снова смех в глубине дома. Он постучал снова, потом еще, звук раздавался во всех комнатах его сознания.

Вдруг его охватил ужас.

Дверь отворилась.

Щелк .

Кефа вздрогнул, открыл глаза и тотчас закрыл их снова, ослепленный светом фонаря. Стража сменилась. Его приятель был на дежурстве.

Кефа слышал, как скрипнула скамья, началась игра в кости.

Он пошевелился и почувствовал, как цепи впились в его запястья. Что означал сон? Был ли это знак или испытывалось его терпение?

Какой толк от знака, если читать его следовало в обратную сторону?

Лежа на соломе и глядя на солдат, освещенных светом фонаря, он понял, сколь многого лишился.

Когда-то все было ясно. Возвращаться мысленно в то время, когда все было ясно, равнозначно тому, чтобы смотреть из тени на группу друзей, освещенных ярким солнечным светом. Чем дольше он смотрел, тем гуще становилась тень там, где он стоял.

Он осознал, что ничего не понимает. Он не мог объяснить ничего из того, что с ним происходило. Он не знал, что означает его видение на вершине горы или более позднее видение в Иоппии, да и вообще все его видения. Но ему было отказано, по его собственной вине, в одном-единственном опыте, который мог бы прояснить все остальное.

Он даже не знал, что ему следует теперь делать.

Раньше все казалось простым. Как главный ученик, представитель и носитель учения Иешуа он должен был возглавлять братство.

Но братство росло. Рос круг его обязанностей, и все больше времени занимало выполнение заданий, которые, казалось, не имели ничего общего

с настоящей работой, которую поручил ему Иешуа. Он обрадовался, когда Иаков Благочестивый проявил интерес к административной работе. Исподволь он передавал Иакову полномочие за полномочием, пока однажды не понял, что не он, а Иаков руководит общиной.

Он оказался способным руководителем, а с Кефой по-прежнему советовались по всем важным вопросам. С облегчением, в котором был легкий налет неловкости, Кефа вернулся к проповедованию. Сначала он был счастлив снова оказаться в пути, встречать новых людей, сталкиваться с новыми трудностями. Он с радостью окунулся в работу. Это было до того, как он начал понимать, что утерял цель, что ясность учения затуманивается. Что-то было не так. Пытаясь понять, что именно не так, он обнаружил, что там, где раньше было твердо, теперь стало неустойчиво, будто произошел подземный сдвиг.

Для чего он проповедовал?

Закрыв глаза, он снова увидел худощавую фигуру Иешуа, окруженную толпой, услышал тихий уверенный голос: «Прости. Верь. Подчинись. Люби. Не строй планов на будущее. Не наживай имущества. Не тревожься, что о тебе говорят люди. Не говори того, чего не имеешь в виду».

Это он им говорил?

Он сказал им, что мог. Теперь, когда будущее продлилось на десять лет дольше, чем они предполагали, было трудно говорить людям, чтобы те не строили планов на будущее; было также трудно говорить богатому и влиятельному человеку, проявляющему благосклонность к общине, чтобы он отказался от своего имущества. Поэтому он говорил им, что мог.

И даже то, что он им говорил, имело второстепенное значение. Идеи, которые с таким трудом распространял Иешуа и из-за которых он был убит, имели второстепенное значение. Главным теперь стал сам учитель, причем в облике, в котором Кефа никогда его не знал. Неужели эта величественная фигура, этот карающий Судья Последних дней, который принес себя в жертву в последние дни своей земной жизни, чтобы снискать прощение для тысяч совершенно незнакомых ему людей, был тем человеком, с которым Кефа ходил на рыбалку, шутил и делил хлеб?

В который раз Кефа корил себя. И это тоже — форма гордыни. Савл был прав: он хотел сохранить Иешуа для себя. Его мнение было авторитетно лишь постольку, поскольку это *его* мнение. Но часто он и сам не знал, в чем заклю-

чается его мнение.

Но терпеть ему оставалось недолго. Вскоре он умрет. И тогда, вероятно, все станет ясным.

Вдруг ему пришло в голову, что если ему суждено умереть, значит, его работа закончена. Он завершил ее. Так и не поняв, в чем она заключалась.

Он громко рассмеялся. Звук странным образом отразился от каменных стен, и один из охранников прикрикнул на Кефу, чтобы тот затих.

Его видение в Иоппии случилось, насколько он припоминал, примерно тогда, когда его впервые начали тревожить сомнения.

Оно тогда очень ему помогло. Дало новый толчок в его работе на протяжении многих месяцев. Но что касается его значения…

Приморский город. Каждый второй был иностранцем, и, пройдя по набережной, в течение часа можно было услышать сотни разных языков. Он намеревался провести здесь всего несколько дней, но задержался, очарованный многообразием этого места. Сутолока порта напомнила ему о родном доме. Он проводил много времени в гавани, наблюдая за моряками и рыбаками и смотря на море, простирающееся до горизонта.

Его мысли часто возвращались к Савлу.

Однажды он пошел на крышу дома, где квартировал, чтобы помолиться. Почему он выбрал это место, ярко освещенное полуденным солнцем, он сам не знал, но что-то влекло его туда. Он ничего не ел с предыдущего вечера и на открытом солнце почувствовал слабость. Крыши соседних домов, казалось, плыли в воздухе, образуя гигантскую лестницу, ведущую к морю. Он чувствовал, что какая-то сила увлекает его на эту лестницу и, когда он спустится вниз, ему придется идти по воде. Он знал, что у него это не получится.

Не успел он об этом подумать, как оказался у самой воды, глядя не на отмели, а на прозрачную безграничность, глубокую, как небо. Он стал просить оставить его там, где был, и услышал голос, который, казалось, исходил из самых глубин: «Почему ты сомневаешься?»

Потом, глядя на бескрайность, которая вмещала теперь и море и небо, он увидел, что в ней появилась огромная расщелина, которая увеличивалась, пока не заняла все его воображение, и стала заполняться всем, что есть на земле. Перед его глазами в невообразимом порядке мелькали: ползущие насекомые, рыбы и длинноногие обитатели моря, растения и морские водоросли, птицы и змеи, яркие бабочки, олень и леопард,

крадущиеся шакалы… и люди разных рас. Он смотрел, и его наполняло чувство покоя.

— Я тот, кто дает, — сказал голос. — Верь мне.

Он не знал, что это означает, но он верил. Восхищенный покоем, он рассказал о видении Иакову Благочестивому, который огласил его содержание перед комитетом, и они обсуждали его в течение нескольких недель, после чего было решено, что оно вообще не имело никакого значения.

А теперь, чтобы понять то видение, времени не оставалось. Времени совсем не было, а понять нужно было все.

Что сказал Иешуа за несколько дней до конца, когда Кефа спросил его о Ключе?

— Он у тебя. Разве ты не знаешь, что он у тебя? Может быть, действительно не знаешь? — Он остановился и улыбнулся, но улыбка лишь подчеркнула усталость на его лице. — Но теперь уж поздно. Если ты не все еще понимаешь, то никогда уже не поймешь. Может быть, так даже лучше.

Через десять лет эти слова не утратили своей остроты.

Кефа смотрел на сырые камни, блестящие в свете лампы.

Стоило признаться в существовании сомнений — и избавиться от них было невозможно. В этом унылом месте они, словно крысы, выбегали из каждого угла.

Царствие началось после Воскресения Иешуа. Но в каком смысле, поскольку его по-прежнему ждали? Пока все только начиналось, но скоро Царствие прольется на них, как солнечный свет. Но как скоро, как долго, почему солнце все не всходит? Царствие предназначалось для изгоев, для доведенных до отчаяния и презирающих самих себя, для тех, кому жизнь была дана, поскольку они полагали, что не заслуживают ее; его земными делами руководил Иаков, в сердце которого жил принцип справедливой пустыни. Царствие отменяло Закон; а они продолжали соблюдать его ежедневно и ежечасно, в малейших деталях.

А что новая трактовка, объявленное ими «искупление», прощение, которое дает право попасть в Царствие? Это было важно для проповедования. Без нее трудно было бы привлекать новых членов, так как первое, о чем люди спрашивали, — это о значении позорной смерти Иешуа. Без новой трактовки смысла в ней не было, так как Царствие не пришло. Трактовка работала:

они пожинали первые плоды. Новообращенные после обряда крещения действительно преображались и очищались от грехов.

Однако Иешуа никогда ничего не говорил об этом.

То, что он говорил, и скрытый смысл его изречений вели в противоположном направлении. Он учил их молиться: «Прости нам, как мы прощаем других». Ни слова об искуплении или жертве: прощение зависело исключительно от готовности человека простить самому. Разве это не справедливо? Как ты поступаешь, так будут поступать и с тобой. Разве это не естественно? Что посеешь, то и пожнешь. Разве это противоречит остальному, что он говорил? Бог — Отче ваш, Он желает прощать.

А отец, который потребовал кровавой платы за ошибки, отец, который не мог без этого простить, — разве это…

Кефа беспокойно заворочался в своих оковах. С какой бы стороны он ни рассматривал эту мысль, каждый раз она представлялась ему во всем своем ужасе. Прощение через мучительную смерть, искупление кровью от отцовского возмездия… В этом не было откровения Духа, не было священного таинства, которому нужно молиться,

чтобы постичь милосердие. Эта мысль родилась в голове законника Иакова Благочестивого, и это была самая чудовищная, отвратительная и богохульная идея из всех идей, которые Кефа знал.

И он проповедовал ее, потому что иначе следовало признать, что смерть Иешуа *была* бессмысленной. Что ее можно было предотвратить. Что совершена страшная ошибка.

Чья ошибка?

О Господи, не моя.

«Ты сказал то, о чем никогда нельзя говорить, и за это придется уплатить высокую цену».

Но не такую же?

«Никто из вас не знает, когда следует говорить, а когда молчать».

Разве имеет значение то, что он рассказал другим? Все равно вскоре это было бы на устах у всех.

«О некоторых вещах нельзя говорить».

В конце концов он это понял: как раз вовремя, чтобы спастись.

«Я не знаю его. Я не встречался с ним раньше».

Он спасся, но тем самым утратил себя, и все его поступки с тех пор были шагами впотьмах.

— Послезавтра.

— Что? — Кефа в удивлении поднял голову. Над

ним стоял молодой сирийский охранник.

— Послезавтра тебя под конвоем переводят в Кесарию. Я слышал об этом в караульном помещении.

— А-а… — сказал Кефа.

Царь был в Кесарии. Это означало конец.

— Спасибо, — сказал он.

Солдат стоял в нерешительности.

— Может быть, ты чего-нибудь хочешь? — сказал он. — Ведро, например?

— Нет, спасибо, — сказал Кефа. Вонь от ведра в тесном помещении была невыносимой, и он пользовался им как можно реже. — Но я бы выпил воды.

Солдат принес кружку и дал ее Кефе. Пока Кефа пил, неловко звякая цепями, солдат прошептал: «Царь при смерти».

Кефа посмотрел на него, пораженный. Глаза солдата ничего не выражали. Он подождал, пока Кефа допьет, потом вернулся к столу и взял кости.

Сердце Кефы учащенно билось. Напрасно он пытался его успокоить.

Наверняка царь не при смерти. Такие слухи ходили и раньше. И даже если он при смерти, это ничего не меняло. У Кефы достаточно недругов,

чтобы он оставался в тюрьме. Иаков Бар-Забдай был убит: их всех убьют. «Когда я уйду, вы будете как овцы среди волков».

Понятно, что овцы среди волков не смогут продержаться долго.

Кефу приводило в смятение, что его тело будет слепо бороться за жизнь, тогда как его душа готова к смерти. Но он решил, что приятие мысли о смерти было также проявлением трусости. Это было естественно.

Он по-прежнему привратник. Он дал слово и не мог взять его обратно. Он, полный пороков, такой слабый, обуреваемый сомнениями, будет стоять в воротах…

У него перехватило дыхание, когда его пронзило холодом, как из могилы.

Привратник стоит в воротах .

Неужели смысл именно в этом? Он должен открывать двери для других, но не для себя? Как Моисей, который умер в нескольких шагах от Земли обетованной?

Если это воля твоя.

Господи, сделай так, чтобы это не было твоей волей. Я не вынесу этого.

«Первый станет последним. Последний станет первым».

Помоги мне.

«Я пришел, чтобы сделать слепых зрячими».

Да, Господи.

«И лишить зрячих зрения».

Я ничего не понимаю.

«Вам придется стать умными. И коварными, как змеи».

Но мы не умны…

«Вы должны быть как дети».

Но, учитель…

«Я дал тебе Ключ».

Кефа закрыл глаза. Его силы истощились.

— Я простой человек, — сказал он. — Не мог бы ты дать его кому-нибудь другому?

Мария.

Лицо, страшно искаженное, было иногда лицом ребенка, а иногда — старухи. Рот выкрикивал оскорбления, потом обвисал и пускал слюни. Глаза были пустыми ямами. Она тряслась и корчилась, периодически обхватывая себя руками, словно плетками, и напевая обрывки какой-то песенки.

— Назови свое имя, — холодно сказал Иешуа.

Она попятилась. Сделав несколько шагов, остановилась и выбросила вперед руку, указывая на него.

— Я тебя знаю, — прошипела она.

— Назови свое имя.

— Я знаю, *кто* ты, — насмешливо пропела она.

— Придержи свой язык!

Он угрожающе наступал на нее. Она завыла от страха и замолотила руками.

Он тоже поднял вверх руку и, повернув ладонь с вытянутыми пальцами вниз, пошел к ней.

— Ты, посмешище, ничтожество, я заклинаю тебя Богом, который велит тебе сказать твое имя.

— Не-е-е-т! — Казалось, крик вырвался из нее, и она схватила себя за горло, чтобы заглушить его.

— Твое имя.

Она завыла и упала в бессилии на землю, цепляясь за его ноги. Он не двигался.

Она лежала неподвижно, а потом зарыдала.

— Я буду хорошей, — всхлипывала она. Это был голос испуганного ребенка. — Я буду хорошей. Не бей меня. Забери меня отсюда.

— Встань, — приказал Иешуа.

Плач прекратился. С потрясающей быстротой она встала на корточки и отползла назад, что-то напевая. Потом ее тело напряглось, а голова стала подергиваться из стороны в сторону, как будто она к чему-то прислушивалась. Казалось, она нашла, откуда идет звук, и стала слушать. На лице

появилось лукавое выражение, словно она знала что-то неведомое прочим. Она медленно подняла руку снова и показала на него.

— Скажи свое имя! — грозно закричал он.

Она завыла, вскочила на ноги и бросилась бежать, по-прежнему указывая на него. Слова полились из нее бурным потоком.

— Я — порок, я — порча. Я — Шиббета, я — Куда, я — Эшшата, я — Шабрири. — Пауза, затем победный вопль: — Я — Руа Зенуним.

Внезапно наступила тишина, она с насмешкой смотрела на них. Она стала медленно двигать плечами и бедрами, потом сделала такой непристойный жест рукой, что смотрящие на нее мужчины отвернулись и заерзали от стыда.

— Вы знаете меня, — прошептала она, — да, вы знаете меня. Даже он, — она снова указала на него, ее голос превратился в издевательский крик, — даже *он* знает *меня.*

Иешуа пошел к ней:

— Силой Бога я приказываю тебе. Замолчи и выйди из этого ребенка. Тебе там не место, ребенок принадлежит Богу. Волей Создателя я принуждаю тебя выйти.

Тишина. Потом она задрожала, дрожь началась с ног, распространяясь по всему телу. Голова

упала на грудь. Из груди вырвался низкий стон и превратился в душераздирающий вопль.

Вопль внезапно прекратился. Она стояла, покачиваясь, потом рухнула на землю.

Иешуа подошел туда, где она лежала, и склонился над ней. Зрители боязливо обступили их, разглядывая ее. Молодая женщина лет семнадцати, худая, с тонкими чертами лица, смертельно бледная.

Иешуа выпрямился, лицо его было серьезным.

— Накормите ее, — сказал он. — И будьте добры к ней, хотя бы раз.

Мария.

После изгнания нечистой силы она присоединилась к ним, влилась в их небольшой коллектив, словно у нее было на то право. Она никогда не отходила от Иешуа и постоянно смотрела на него. Она говорила с ним, только когда он к ней обращался, а говорил он с ней исключительно ласково, словно с ребенком.

Но он не обращался с ней как с ребенком. Кефа несколько раз слышал, как они разговаривали, и был поражен, услышав, как учитель обсуждает с Марией такие вещи, о которых он редко говорил даже с Кефой. Они говорили о Царствии.

— Небо раздвинется, так же как и небо над ним;

но мертвые не будут жить, а живые не умрут.

— Если Царствие на Небесах, это Царствие для птиц.

— Оно здесь, но никто его не видит. Странные, трудные для понимания изречения, над которыми раздумывал Кефа, пытаясь сопоставить их с имеющимися у него знаниями, ища место, куда бы они могли вписаться. Они никуда не вписывались. Казалось, постичь их смысл можно было, только отбросив все, что он знает, и заменив на что-то совершенно другое. Но он не знал, как забыть все, что он знает, а также что ему следует знать вместо этого.

Учитель говорил с Марией на этом непонятном языке, и она понимала его и отвечала ему.

Это ранило Кефу больше, чем он мог бы в том признаться. Наконец он попросил Иешуа отослать ее или, по крайней мере, стараться соблюдать приличия. Им не пристало иметь женщину в своей компании, сказал он, и к тому же это неудобно. Женщины менее склонны к духовным вещам, чем мужчины. Иешуа строго сказал, что сам будет судить о склонности Марии к духовному. Оскорбленный Кефа сказал, что достаточным поводом для скандала был один лишь тот факт, что Иешуа и Мария беседуют наедине.

Иешуа засмеялся и сказал, что, если это самый большой скандал, который он вызвал, значит, он плохо старался. Кефа отступил, сбитый с толку. Позже Иешуа сказал: «Мария видит то, чего не видишь ты, Кефа, и поэтому ей нужны вещи, которые не нужны тебе. Оставь ее в покое: она скоро уйдет в любом случае».

Через два дня она ушла, никто не знал куда. Позже они встречались с ней еще несколько раз, прежде чем ушли в Иерусалим. Она появлялась неожиданно, проводила с ними несколько дней и снова исчезала. Ни она, ни Иешуа не давали никаких объяснений по поводу этих визитов, или почему они так неожиданно прерывались, или откуда она знала, где их искать. Это было подобно тому как животные приходят на водопой, когда это необходимо, а потом отправляются по своим делам. Кроме того, в ней было что-то дикое, что-то пугающее. Учитель изгнал из нее семь демонов, но, по-видимому, был и восьмой.

Мария действительно видела вещи, которых не видел Кефа. Она увидела самое важное из всего: первая и единственная. Конечно, они не поверили ей. Они не верили до тех пор, пока сами не увидели его. А затем от радости и непонимания и от необходимости осмыслить по-новому порядок

событий, и кто что видел, и при каких обстоятельствах, все перепуталось и казалось не столь важным по сравнению с самим фактом, поэтому в конечном итоге сложившаяся история воплощала и саму правду, и наилучший взгляд на нее.

Только спустя несколько лет, с трудом и мучением, Кефа смирился со все усиливающимися расхождениями между событиями и рассказом о них; но когда рассказ Марии дошел до Иакова Благочестивого, было уже поздно.

— Я *видела* его, говорю вам. Я видела его в саду, прежде чем его заметили другие.

— Чепуха, — раздраженно сказал Иаков.

— Это правда! Спросите Кефу. Он был в комнате, когда я им рассказала.

— Я помню, ты что-то говорила, — сказал Кефа, — но не помню, что именно…

— Я говорила… О, я не помню, что я сказала. Я была так расстроена и возбуждена и растеряна. Я, возможно, не отдавала отчет о том, что говорила тогда. Я нашла могилу пустой… и почувствовала, что кто-то стоит со мной рядом, и я подумала… не знаю, мне кажется, я подумала, что это садовник.

— Это и был садовник, — сказал Иаков.

— Нет, это не так! Я говорила с ним, и вдруг что-то произошло, что-то изменилось внутри

меня, и я поняла, что это он.

— Удивительно, — сказал Иаков. — Царствие Небесное предстает в таком непонятном виде, что его можно спутать с садовником. Пути Господни поистине неисповедимы.

Глаза Марии наполнились слезами.

— Иаков, — сказал Кефа смущенно.

— Не будь дураком, Кефа, — набросился на него Иаков. — Женщина хочет внимания, это старо как мир. Вспомни, как она следовала за вами повсюду, словно была мужчиной, — чуть не дошло до скандала. Теперь она сочиняет эту нелепую историю, будто первой увидела его, когда он восстал из мертвых. Мы не можем с этим мириться. Он явился *тебе* первому, что было единственно правильным, так как ты был руководителем. Потом он явился всем вам вместе. В конце концов, — лицо Иакова смягчилось на короткий миг, приняв выражение скромности, — он явился мне. — Таков был порядок, необходимый порядок, и изобретать какой-либо иной абсурдно.

Кефа прочистил горло.

— Между прочим, — сказал он, — он явился двум нашим друзьям до того, как он явился нам, это было, возможно, до того, как я…

— Что? — сердито сказал Иаков. — Я об этом

слышу впервые. Кто были эти люди?

— Ты их не знаешь. Они иногда приходили послушать его. Они шли в деревню неподалеку отсюда, он присоединился к ним. Они сказали, что долго не понимали, кто это был.

— Это точно, — сказала Мария.

— Замолчи! — резко сказал Иаков. Он снова обращался к Кефе: — Ты желаешь добра, Кефа, но ты не понимаешь. Он не мог явиться двум не представляющим совершенно никакой ценности людям, прежде чем явился всем остальным, так как это было бы абсолютно неправильно. Отсутствие определенности в связи с этим так называемым Явлением доказывает то, что оно было ненастоящим. Когда он явился мне, в этом не было никакого сомнения, то же самое можно сказать о твоем откровении. Ход вещей предопределен, Кефа, в надлежащем порядке. С твоими бедными друзьями сыграло шутку разыгравшееся воображение, окрашенное горем и подстегиваемое рассказом Марии, который, к счастью, был таким непоследовательным, о пустой могиле. Если бы они ничего подобного не слышали, вряд ли они подумали бы, что видели его.

— То же самое можно сказать обо всех нас, — строго сказал Кефа. Он почувствовал внезапную

тошноту.

Иаков посмотрел на него удивленно.

— Не доходи до абсурда, — сказал он.

— Я просто указал на слабость твоего аргумента, — сказал Кефа.

— Спасибо. Я буду тебе признателен, мы все будем тебе признательны, если ты впредь будешь держать подобные глупые заявления при себе. Мы имеем дело не с искушенными людьми, Кефа, а с людьми, которые все воспринимают буквально, их легко запутать. Мы не должны усложнять вещи, это не так уж трудно, поскольку истина проста. Она проста, потому что необходима и упорядочена. Единственное, что мы должны делать, — это придерживаться ее.

Он повернулся к Марии:

— А ты больше не будешь придумывать истории, которые ее запутывают.

— Я в жизни ни разу не солгала, — сказала Мария, — после того как он излечил меня от сумасшествия. И даже когда я была сумасшедшей, я говорила правду, как мне кажется.

— Конечно, — сказал Кефа.

Он почувствовал, что ему срочно необходимо выйти из комнаты, и положил руку на плечо Марии:

— Дорогая, никто не обвиняет тебя во лжи. Ты всегда… В любом случае правда… — Что-то поднималось у него в груди, мешая говорить. — Он так любил тебя, — сказал он и, повернувшись, наткнулся на гневный взгляд Иакова, прежде чем успел выйти.

Он остановился в тени и стал молиться, его ногти глубоко вонзились в ладони, настолько сильны были его муки. Он молил о прощении и о помощи. Он молил, чтобы настал день, когда бремя его наказания спадет и ложь, которую он однажды сказал, будет заменена ложью, которую он вынужден терпеть. Он молил о том, чтобы настал день, когда он тоже увидит своего воскресшего учителя.

Он уже давно слышал шум, но только теперь тот привлек его внимание, когда раздался скрежет и громкий щелчок отодвигаемого тяжелого болта. Крики. Сначала далеко, за пределами лабиринта каменных коридоров; потом все ближе, они сопровождались топотом ног.

Стражники за столом перестали кидать кости. Они сидели напряженные, пытаясь понять смысл звуков. Один из них провел большим пальцем по перевязи и схватился за рукоятку кинжала.

Кефа задрожал.

Топот приближался, звук отражался от каменных стен. Топот остановился где-то в начале коридора, раздался лязг металла и распахнутой настежь двери. Снова раздались крики.

Стражники застыли за столом, с изумлением глядя друг на друга.

Теперь топот приближался к камере Кефы. Вот он затих за дверью. Пауза, потом повернулся засов, и дверь открылась. Свет фонарей ослепил его. На пороге стояли трое солдат, они кричали и жестикулировали. Стражники вскочили. Последовал быстрый обмен репликами. Кефа напрягся, пытаясь понять, что происходит, но они говорили на военном жаргоне, и единственное, что ему удалось разобрать, были слова «царь» и «отмена репрессалий».

Двое солдат, охранявших его, набросили плащи и собирались выйти. Дружелюбный охранник кивнул в сторону Кефы и что-то сказал. Другой солдат презрительно сплюнул. Все пятеро вышли из камеры, молодой сириец вышел последним. Переступая порог, он незаметно протянул руку к ключу, висящему на гвозде у двери, снял его и бросил на соломенную подстилку Кефы. Он вышел не оглядываясь.

Звук шагов стих в конце коридора. Яркий пря-

моугольник света на месте открытой двери потух, оставив фантом, сбивавший с толку глаза.

Ключ упал так, что Кефа не мог до него дотянуться. Его глаза, долго смотрящие на дверь, ничего не видели в темноте. Он осторожно нащупывал ключ ногой, боясь, что тот затеряется в соломе.

Палец наткнулся на металл. Кефа попытался пододвинуть ключ поближе, но тот лежал так неудобно, что он не мог согнуть ступню под нужным углом. Он попытался подтолкнуть ключ пяткой, но тот проваливался дальше в солому. Пытаясь найти более удобное положение и борясь с оковами, он обнаружил, что может рыться в соломе пальцами ног, но теперь он потерял место, куда провалился ключ.

Его спина покрылась холодным потом. Он закрыл глаза и прислонился головой к стене, успокаивая дыхание. Открыл глаза и продолжил поиск, осторожно шаря пальцем ноги.

Потом он почувствовал, как к ноге прикоснулось что-то холодное и тяжелое. Он медленно сдвигал ступню, пока не ухватил это «что-то» пальцами ног. Он поднял ногу и, крякнув от усилия, переложил ключ из ноги в руку.

Замок на кандалах располагался на внутренней

стороне, а цепь, соединяющая их, была слишком коротка, чтобы вставить ключ в замок противоположной рукой. Он возился с ключом и едва не выронил его. Тогда он взял ключ в зубы и, поднеся левую руку ко рту, вставил ключ в замок. Попытался повернуть ключ, но чуть не сломал зубы. Он отдохнул. Обнаружил, что может держать ключ между средним и безымянным пальцами. Зафиксировав его таким образом, он повернул руку. Металл больно впился в его плоть, потом поддался с неожиданным щелчком.

Он освободил запястье от браслета и принялся вытягивать и сжимать пальцы. Открыл замок на кандалах на правой руке. Цепи ударились о стену с лязгом, от которого его сердце учащенно забилось. Вскоре шум утих.

Дверь была открыта.

Он сделал шаг вперед — и вдруг испугался. В камере было безопасно. Ему ничего не надо было делать. Не надо было принимать решений. Пока он был в камере, он не мог быть ни в каком другом месте.

Он сделал еще один шаг. Он ничего не видел.

Пока он оставался в камере, ему не задавали вопросов, на которые он не мог ответить. Пока он был в камере, он не мог наделать ошибок.

Пока он был в камере, он не мог никого подвести, кроме себя.

Он заставил себя двигаться вперед.

Пока он был в камере, его не спрашивали, кто он такой, потому что все знали, кто он. Здесь его называли его настоящим именем.

— Господи, — прошептал он.

Перед ним, вырубленный из темноты, был прямоугольник менее насыщенного мрака. Он пошел туда.

Он был в коридоре. Повернул направо, остановился, прислушиваясь к звукам. Он ничего не слышал, кроме стука собственного сердца. Он увидел слабый сероватый свет, достаточный, чтобы различить стены. Должно быть, раннее утро. Он пошел по коридору. Тут он понял, что забыл свои сандалии.

Коридор был полон поворотов и развилок, от него отходили более узкие проходы. Он не помнил, как он сюда попал, но, казалось, ноги знают, куда идти. Он проходил мимо камер, двери которых были распахнуты. Он прошел мимо большого помещения с крашеной дверью и увидел внутри в свете забытого фонаря разбросанные в беспорядке плащи, и перевернутые кубки на столе, и нацарапанный на стене похабный рисунок. Кара-

ульное помещение. Выходит, все солдаты ушли? Он снова прислушался. Не доносилось ни единого звука — лишь биение его сердца и слабое шипение свечи в фонаре. Это было похоже на сон.

Он шел дальше как во сне и достиг лестницы. Он стал подниматься, держась за стены, и оказался перед большой дверью. Под дверью была видна полоска серого света, а пальцы ног обдувал холодный свежий ветерок.

Его сердце билось еще учащеннее, а руки дрожали, когда он искал засовы. Они уже были отодвинуты. Прижав дверь всем своим весом, чтобы та не заскрипела, он отвел щеколду и подался назад. Дверь распахнулась. Он вышел наружу.

Воздух был подобен дикому меду: он пил его всей грудью, впитывал кровью, кожей. На светлом небе виднелись несколько облаков, окаймленных розовым цветом. Двор был пуст. Он подумал, что весь дворец пуст, а может, и весь город, весь мир тоже пусты. Царствие пришло, а его привратник опоздал. Он рассмеялся.

Он пересек двор, направляясь к чугунным воротам, и открыл их. Когда он был у ворот, из боковой двери вышел солдат и остановился, глядя на босоногого сумасшедшего, слушая, как тот

хохочет на рассвете. Кефа посмотрел на солдата, потом вышел из ворот и захлопнул их за собой. Он двинулся вперед по спящей улице, потом по другим улицам и переулкам, пока не пришел на небольшую мощеную площадь. Он был рядом с центром города. В домах просыпались люди, послышался звук копыт ослика.

К нужному дому было направо. Он стоял и смотрел в его сторону. Потом повернул налево.

V. Спасение

Полная луна висела над кладбищем, как живот потаскухи. В ее свете человек с горбом и деформированной правой ногой сдирал шкуру с козленка.

В нескольких шагах от него вокруг затухающего костра сидели еще трое. Один из них был совсем ребенком, но уродливая внешность мешала определить его возраст. У него практически отсутствовал лоб: голова начиналась почти над самыми бровями и была сплющена, словно он сильно ударился о камень. Рядом с ним сидел крупный, сильный мужчина. Его лохматые волосы не могли даже в лунном свете скрыть отсутствие ушей. Третий человек, сидевший чуть поодаль, был дистрофично худ, постоянно дрожал и ковырял синевато-серые струпья, покрывавшие его ноги.

По обе стороны костра были воткнуты в землю толстые прутья, наклоненные так, что перекрещивались наверху. Рядом лежала куча хвороста. Он предназначался для костра, но хотя пламя угасало с каждой минутой, никто не сдвинулся,

чтобы подбросить в огонь немного хвороста.

В стороне от костра, прислонившись спиной к могильному камню, сидел пятый человек — без какого-либо явного уродства, но в одежде изношенной и грязной, как у нищего. Он смотрел на группу, собравшуюся вокруг костра.

Горбун закончил свежевать козленка и отбросил шкуру. Он сделал длинный надрез, засунул во вспоротый живот руку и извлек внутренности, которые выбросил на землю. Пошарив у себя за поясом, он достал кусок бечевки, связал козленку ноги, просунул между ними палку и, хромая, понес висящего вниз головой козленка к костру.

— Почему вы дали ему погаснуть? — в удивлении замер он на полпути.

Трое у костра подняли головы, словно очнулись от глубоких раздумий, и посмотрели на костер так, будто видели его впервые. Горбун сбросил тушку козленка на колени безухому, поворошил угли, пока они снова не разгорелись, и швырнул на них пригоршню хвороста. Огонь на миг ослаб, потом вскинулся высокими языками пламени.

— Он не погас, — угрюмо сказал дистрофик.

— Да уж, только не благодаря вам.

Горбун отошел куда-то в сторону и вскоре прихромал обратно с несколькими плоскими

камешками, которые бросил в самый жар. Потом снова взял козленка, отнес его к ближайшей могиле, разложил поверх надгробия и начал резать на части.

— Арг… гар… гар, — с явным беспокойством сказал безухий.

— Он говорит, что не следует этого делать, там грязно, — перевел мальчик без лба.

— Скажи ему, чтобы он заткнул свой идиотский рот.

Нож мелькал в умелых руках, отсекая и нарезая куски.

— Что ты делаешь? — спросил мальчик.

— Целиком ведь он никогда не изжарится, так? Особенно после того, как вы чуть не загасили костер. Все вы паразиты. Приходится все делать самому.

Словно вспомнив о чем-то, он посмотрел в сторону, где в тени, прислонившись к могильному камню, одиноко сидел пятый. Троица у костра тоже посмотрела туда, потом отвела глаза. Горбун сплюнул, чтобы отвести проклятие.

— Гар… арг… арг, — сказал человек без ушей.

— Он сказал, что это мы поймали козленка, — объяснил мальчик без лба.

— А кто вам сказал, где его найти? Именем Бога,

если бы я мог пользоваться ногами как следует…

Хромая, горбун принес нарезанное мясо к костру. Пламя погасло, а камни были покрыты слоем раскаленной докрасна золы. Он сдул золу и плюнул на один из камней. Камень зашипел. Он положил по куску мяса на каждый камень, потом похромал обратно нарезать оставшееся мясо.

Человек без ушей, мальчик без лба и дистрофик смотрели на мясо голодными глазами. Когда на горячие угли стал стекать жир, огонь зашипел. Вкусно запахло. Все трое придвинулись поближе к огню.

Безухий задумчиво взял прутик, подцепил кусок мяса с камня и отправил его в рот. Он тотчас вынул его обратно и что есть мочи замахал им, чтобы остудить. Горбун, принесший следующую порцию мяса, отобрал у безухого добычу:

— Жадная свинья! Хочешь урвать больше, чем остальные?

— Хаарг… гар…

Горбун ударил безухого кулаком; безухий покачнулся от удара, но был слишком удивлен, чтобы защищаться. Мальчик схватил горбуна за рукав, но был отброшен в сторону. Он обратился к дистрофику, который оттолкнул его и продолжил ковырять свои струпья.

Мальчик неловко упал у кромки костра и закричал.

Безухий вытащил мальчика из костра и тяжело распрямился.

Человек, сидевший в одиночестве у могилы, нагнулся вперед, чтобы лучше было видно.

Горбун и безухий боролись у кромки костра. Оскалив зубы, кряхтя, они пытались затащить друг друга в огонь. В конце концов безухий отбросил горбуна и метнулся к могиле, на которой лежали остатки расчлененного козленка. Он повернулся с ножом в руке, когда горбун навалился на него.

Нож вошел в шею. Горбун захрипел и свалился на могилу, хватаясь за остов козленка. Он лежал в луже крови, сжимая в правой руке кость.

Безухий уронил нож, подбежал к мальчику и схватил его за руку. Они скрылись в темноте.

Человек, наблюдавший за всем этим со стороны, встал. Он привычным жестом провел рукой по поясу, словно что-то проверяя, и направился к костру. Нагнулся и взял с камня кусок мяса, румяный с одной стороны и сочный с другой. Дистрофик, который продолжал ковырять свои струпья все время, что продолжался поединок, удивленно посмотрел на него и отодвинулся.

Незнакомец протянул ему кусок мяса, и дистрофик после некоторого колебания принял дар.

Незнакомец съел два куска мяса и подбросил в огонь хвороста.

Он скитался уже год, общаясь с нищими, прокаженными, париями, ворами. Куда бы он ни пришел, каждый раз он искал самый низкий уровень, до какого только может пасть человек.

Поскольку предметом его интереса была деградация, он избегал деревушек и посещал большие города. Они в большей степени отвечали его цели: там под арками акведуков кормили вшей нищие калеки, там в сомнительных переулках стояли на порогах домов иссохшие шлюхи, там были портовые таверны, куда отправлялись после драк матросы, там по ночам вылезали крысы, чтобы слизать блевотину с булыжных мостовых.

Все это не доставляло ему удовольствия (хотя в конечном счете именно к удовольствию он и стремился), зато давало странное удовлетворение его уму. Постоянно сталкиваясь с тем, что его оскорбляло, он научился преодолевать протест своих чувств. Еще чуть-чуть — и он перестал бы воспринимать мерзость как мерзость, но его удерживало на этой грани сознание того, что ему повезло и он сам выбрал свое окружение. Одна-

жды он присоединился к группе прокаженных и попытался жить с ними, но они прогнали его, потому что он был здоров. Калеки ненавидели его, воры ему не доверяли, бедняки смотрели на него с возмущением и подозрением. Он переживал свою изоляцию, потому что ему нравилось общество, но он предпочитал ее показному гостеприимству.

С самого начала он странствовал в одиночку, оставив дом, имущество и раба, выйдя из дома темной ночью и незаметно покинув город, пока все спали. В том состоянии отчаяния, в котором он находился тогда, любопытные взгляды были невыносимы. Прошли месяцы, прежде чем он смог смотреть в глаза незнакомцам без страха быть узнанным и последующих расспросов, но однажды, увидев свое отражение в озере, он понял, что, во-первых, узнать его нельзя, а во-вторых, его это перестало волновать. Он так тщательно избавился от всего, что могло его выдать, что воспоминание о прежней жизни больше его не беспокоило; задним числом его бегство из Себасты выглядело не поражением, а скорее стратегическим отступлением с позиции, которую невозможно защитить.

Теперь он поставил себе цель найти позицию,

на которую было бы невозможно напасть. Такая позиция должна основываться на истинном понимании мира, и после года странствий по его самым отвратительным местам Симон нашел эту истину.

Она просто заключалась в том, что Бог зол.

Провинция переживала очередной всплеск религиозного рвения. Внешней причиной послужила еще одна смена администрации.

После периода хаоса, который предшествовал аннексии и длился некоторое время после нее, страной в течение почти сорока лет правил при поддержке империи Ирод Идумейский. Этот талантливый тиран, взошедший на трон прилежным хитроумием и удерживавший его непрестанным кровопролитием, умер душевнобольным, прожив жизнь, полную убийств, интриг и городского благоустройства. После смерти Ирода царство разделилось, и на протяжении тридцати пяти лет его религиозное сердце — оплот бунтарства — управлялось напрямую военными губернаторами, сочетавшими в своем правлении жестокость, благие намерения и глупость.

Территории старого тирана были вновь объединены, правда ненадолго, его погрязшим в

долгах внуком. Новый царь умер неожиданно и при странных обстоятельствах, в Кесарии, пробыв на троне совсем недолго. Представ перед подданными в серебряном одеянии и позволив льстецам провозгласить себя богом, он заболел, удалился в свои покои и спустя несколько дней скончался. Наказан за нечестивость, как одобрительно шептались люди. Император вздохнул и снова ввел в провинции прямое управление.

Царь, по крайней мере, номинально представлял национальную религию, чего нельзя было сказать о губернаторах. Народ хладнокровно наблюдал, как в их города снова открыто вернулись атрибуты имперской власти. Что касается губернаторов, они просто не понимали людей, с которыми должны были иметь дело. Они были к этому совершенно не подготовлены.

Отсюда инцидент с одеянием первосвященника.

Когда губернатор Фадий прибыл в Иудею после скоропостижной смерти ее царя, он обнаружил, что евреи, проживающие на северных территориях, ведут локальную войну со своими соседями. Он разрешил ситуацию с похвальной эффективностью и отправился в Иерусалим. Там, полагая, что демонстрация власти необхо-

дима, дабы пресечь возникновение подобных проблем в дальнейшем, он велел горожанам передать ему одеяние первосвященника. Веками это священное одеяние хранилось в Храме. Фадий распорядился, чтобы оно для безопасности хранилось в крепости, где располагались оккупационные войска.

Это был губительный просчет. Начались волнения. Ситуация была настолько угрожающей, что со своей армией прибыл сам сирийский наместник. Горожане обратились с петицией к императору, но прежде, чем разрешить делегатам отправиться в Рим, их сыновья были взяты в заложники.

Сомнительно, чтобы император лучше губернатора понял эмоции, всколыхнувшиеся вокруг ритуального одеяния. По счастливому совпадению, сын покойного царя проходил при императорском дворе дипломатическую стажировку в надежде получить отцовский трон. Он приложил усилия, и священникам было разрешено хранить свое одеяние у себя.

На взгляд официальной власти, это был необъяснимый кризис, одна из неожиданных вспышек народного волнения, которыми провинция печально славилась. Но для религиозного ума не

существовало разницы между вещами незначительными и крупными: жизнь по самой сути своей непрерывна, каждая ее частица отягощена глубоким смыслом.

Опасное воззрение.

Слепой нищий расположился в крошечной тени, которую отбрасывал на площадь навес лавки мясника. На крюке под навесом висела туша только что освежеванной овцы, на которую уже слетались мухи. Другие мухи жужжали у лица нищего, из глаз которого вытекала желтая жидкость с легкой примесью красного. Мухи нерешительно перелетали с глаз на тушу и обратно.

— Посмотрите туда, — сказал Симон, — и скажите мне: это творение великодушного бога или извращенного ума?

Он уже час говорил с ними без всякого толку. Теперь он обращался к их наблюдательности. Головы повернулись.

— А, это старик Мордехай, — сказал мужчина с багровыми от красок руками. — Он тут сидит целую вечность.

— Ждет Спасителя, — сказал другой. Все засмеялись.

— Не имеет значения, кто он, — раздраженно

сказал Симон. — Главное…

— Для него это имеет значение, — возразил красильщик. — Это его постоянное место. Он не на шутку рассердится, если кто-то другой его займет.

— Идиоты! — закричал Симон. — Да вы более слепы, чем он!

— Кого ты называешь идиотом?

— Любого, кто отказывается видеть то, что у него под носом. Оглянитесь вокруг. Отбросы. Немощность. Болезнь. Старость, бедность. Все это ненужно. Смерть, смерть кругом, все это ненужно. Слепой и мертвая овца. Посмотрите на них. Почему он слеп? Почему убили овцу?

— Чтобы нам было что есть, — радостно сказал чесальщик.

— Правильно, — так же громко ответил Симон. — Мы не можем жить, не убивая. Что же это за мир?

— Но он должен быть таким, — сказал кто-то со смехом.

— Почему?

— Ну, так было всегда. То есть… откуда еще нам взять еду?

— Я не знаю, — резко ответил Симон, — но кто-то знает. Тот, кто привел нас сюда, знает.

Тот, кому пришла в голову отвратительная идея, что мир основывается на мерзости, знает. Он это знает потому, что если он смог создать этот мир, он смог бы создать мир получше. А если он этого не сделал, он не заслуживает нашего уважения.

Они смотрели на него с недоверием.

— Вы лучше, чем ваш Создатель, — сказал Симон. — Чтите себя. Вы, *вы* — боги.

Все в недоумении замолчали. Потом на лицах стали появляться улыбки.

— Боги, говоришь? — сказал красильщик. — Посмотрим, что будет, когда я скажу жене.

— Но этого не может быть, — возразил высокий мужчина, стоящий позади. — Как мы можем быть лучше, чем бог, который нас создал?

— Какая у тебя профессия? — спросил его Симон.

— Я корабельный плотник.

— Ты будешь работать с плохой древесиной, если можешь достать самую лучшую? Будешь ли ты сознательно строить судно с течью?

— Конечно нет.

— Конечно нет. Кто будет делать вещь с изъяном, если можно сделать вещь отличного качества? Посмотрите на плоды своей работы, а потом посмотрите, — Симон указал на нищего,

сидящего под навесом, — на *это.*

— Одну минуту, — сказал серьезного вида молодой человек. — Если в нас нет добродетели и бог, который создал нас, порочен, как ты говоришь, откуда тогда берется добродетель?

— Добродетель — это иллюзия, — сказал Симон. — Идея, внедренная в наши умы, чтобы ввести нас в заблуждение…

— Кто заблуждается? — сказал красильщик. — Я не заблуждаюсь.

— Да, но если ты говоришь, что мы *лучше,* — не отставал молодой человек, — это означает…

С точки зрения логики это было абсолютно несвоевременно.

— Не утомляй меня лингвистикой, — прорычал Симон. — Раскрой глаза! — Он ткнул пальцем в сторону нищего. — Бог, которому вы поклоняетесь, — муха, чудовищная гигантская муха. Он питается гноетечением мира.

— Ну это уж слишком, — сказал красильщик.

— А вы, — сказал Симон, — его истинные создания. Он вам желанен.

Он спустился с рыбной бочки, которую использовал как трибуну, и гордо удалился.

В те времена было много учителей. Это была эпоха, когда политики попирали мораль, а разум

опережал религию. Привычные ценности становились ненадежными или опасными или просто исчезали; боги умирали или меняли имена. В разлагающемся сердце империи процветали настолько безумные суждения, что на краеугольные основы общества — классовые, половые и прочие отличия — стали покушаться сами императоры. Одним словом, ничто не имело смысла.

А поскольку смысла не было, его лихорадочно искали: в религиозных культах, которые сулили лучшую жизнь или хотя бы спасение после смерти; в метафизических рассуждениях, которые успокаивали потерявших надежду тем, что хотя жизнь невыносима, это неважно; в астрологии, которая говорила, что хотя жизнь ужасна, не стоит об этом беспокоиться, так как все предопределено. Эти рецепты распространялись по всем уголкам империи бродячими мудрецами, многие из которых, благодаря ученикам, снискали славу своей святостью и, что было неизбежно, способностью творить чудеса.

Относящийся с презрением к святости и лишившийся чудотворных сил человек, когда-то известный как Симон Волхв, пополнил ряды таких бродячих мудрецов. Он скитался и проповедовал по дорогам Иудеи и Самарии, земли, особо

избранной Богом. Он не взял с собой ни спутника, ни какого-либо имущества, кроме денег, зашитых в пояс на самый черный день. Он жил подаянием, иногда воровал еду и спал под открытым небом. Там, где он останавливался прочесть проповедь, каждый раз собиралась небольшая толпа, которая слушала его со смешанным чувством. Понимание и даже симпатия быстро сменялись неловкостью и смятением, а зачастую и гневом. Порою он был вынужден спасаться бегством под градом камней. Ведь то, что он говорил, было слишком безнравственным, чтобы слушать, слишком опасным, чтобы размышлять над этим, и слишком трудным, чтобы попробовать.

Симон проповедовал следующее.

Человек — жертва обмана божества, которое его ненавидит. Воспитанные в вере, что мироздание прекрасно, мы слепы и не способны распознать как собственную беспомощность, так и подлинную природу мироздания, частью которого являемся. Поскольку мир, который мог бы быть совершенен, представляет собой кровоточащую рану. Суть мира, его истинная и скрытая суть, — не жизнь, а смерть.

Смерть — это питательный раствор, труп, которым питается жизнь. На каждое рождение

приходится тысяча смертей. На каждую сотворенную вещь приходится тысяча уничтоженных. На каждую музыкальную ноту приходится огромное пустое пространство тишины. Каждая жизнь держится на убийстве, каждое проявление красоты черпает свой свет у безобразия. Наши тела, тленные, питающиеся за счет тления и воспроизводящие тление, истлевают раньше времени от болезней, увечий, расстройства рассудка. Те, кому повезло, сохраняют здоровье до старости и лишь оттягивают, лишенные всякого достоинства, приближение конца.

Человек — кривой венец ущербного творения.

Каких-либо объяснений того, почему это необходимо, никогда не давалось. Иов, осмелившийся спросить, вместо ответа получил бурю. Причина ясна и страшна. Мы — игрушки в руках дьявола, и мы созданы для боли.

Бог, создавший нас, чтобы мучить, удерживает свои создания в подчинении двумя хитростями. Во-первых, он заявляет, что его поступки выше понимания человека и что мы не можем его судить. Во-вторых, отвлекает и одурачивает нас сводом нравственных законов, обещая, что если мы будем их соблюдать, то получим спасение. Это обещание не только лживо — поскольку

нарушающие закон процветают, а невинные страдают, — но и сам Законодатель не соблюдает этих законов. По сути, они бессмысленны и установлены лишь с тем, чтобы человек был вынужден их нарушать. Пытаясь же их не нарушить, человек настолько запутывается, что теряет всякую свободу действий.

Потому что в этой сложной паутине, которой Творец нас опутывает, самая запутанная нить — это представление о добре и зле. Оно парализует волю и уводит мысль от поисков истины. Оно также вызывает постоянные муки, так как сбитый с толку разум дрожит от страха наказания, терзается от искусственно внушенного ощущения греха и унижается, пытаясь ублаготворить Судию. Все это — пища великого Создателя и Насмешника.

И хотя неподчинение бесполезно, все же не подчиняться Богу, который всемогущ и мстителен, можно. Ему можно не подчиняться, нарушая законы, соблюдения которых он требует, и выворачивая наизнанку ценности, которые он дал людям в качестве руководства. Нужно совершать тяжкие грехи, и не единожды, а многократно, пока не исчезнет осознание греха как греха. Нужно принимать и прославлять уродство и нищету; нужно поклоняться уродству как красоте; нужно

сделать непристойное священным.

И возможно, со временем это принесет плоды. Поскольку самое мощное оружие Создателя — время — будет обращено против него. Со временем ежедневное и ежечасное совершение грехов может истощить понятие греховности; со временем любовь к безобразному может изменить безобразие и шлюха может стать невинной от плотских излишеств. Так, со временем человек сумеет сломать стены своей темницы и спасти Мироздание от порабощения.

Так проповедовал Симон из Гитты, спаситель и пария, угрюмым слушателям.

Высокомерный, злой и упивающийся неудачей, Симон шагал по улицам Тира. Он шел быстрым шагом, потому что очень сердился, но цели у него не было. Одно место ничем не отличалось от другого.

Он не собирался заходить в бордель, но ноги сами завернули туда, когда он поравнялся с воротным столбом, украшенным фаллическим символом. Вполне сообразный, в общем-то, шаг.

Но, если подумать, трудно осуществимый.

Женщина, встретившая его на пороге, окинула долгим холодным взглядом его пыльную одежду и въевшуюся в кожу грязь.

— Вашего брата не обслуживаем, — заявила она. — Это приличное заведение.

— Привлекательность борделя, — заметил Симон, — в том, что там не обязательно слушать правду.

Он осознал, что у него нет денег.

— Убирайся, — сказала она, — или я позову хозяина.

Симон вышел.

Он прошел немного вперед, размышляя. Темнело.

Он устроился под аркой внутреннего дворика у шумной таверны. Когда спустя какое-то время из таверны вышел, качаясь, матрос, чтобы помочиться, он затащил его под арку, ударил об стену так, что тот сполз на колени, и избавил его от туники, кошелька и сандалий. По пути в общественные бани он увидел на земле свернутый плащ, хозяин которого увлекся беседой с друзьями, и заодно прихватил и плащ.

Через два часа он вернулся в бордель, и его не узнали.

Он выбрал проститутку, которая внешне ему не понравилась. Она была темнокожей и довольно пышнотелой, с приплюснутым носом, широкими ноздрями и выступающим подбородком. Волосы

ее были светлыми с золотистым оттенком, брови — густыми, а веки — тяжелыми (признак распутства). Но в глазах ее он увидел задумчивость.

Он пошел за ней наверх.

Комната была почти пустой, ничего лишнего: кровать, столик с зеркалом и косметикой, табурет; в углу — таз и кувшин с водой. Деловая комната. Он снял одежду.

Когда она разделась и легла на кровать, он увидел, что ноги у нее слишком мускулистые, а треугольник волос между ними — необычно широк.

Она улыбнулась ему.

— Если я тебе не нравлюсь, — сказала она, — почему ты меня выбрал?

Это были первые слова, которые она произнесла. Голос ее был удивительно низким для женщины. Симон почувствовал, что она полна загадок. Его член встал.

Он велел ей встать на четвереньки и взял ее сзади. Она была достаточно упругой, чтобы доставить удовольствие, и услужливо влажной. Приближаясь к кульминации, он поразился, насколько сильно его желание.

Он отдыхал, прислушиваясь к шуму города за окном.

Повернувшись к ней, он обнаружил, что она наблюдает за ним со смешливым, иначе не скажешь, блеском в глазах. Его это задело, и он, вымученно улыбнувшись в ответ, начал неторопливо исследовать руками ее тело. Он сам не знал, зачем это делает, и посмотрел ей в лицо: она по-прежнему улыбалась, и улыбка ее была по-прежнему задумчивой.

Он просунул руку глубоко, чтобы сделать ей побольнее. Она задержала дыхание, но не сопротивлялась.

— У тебя есть любовница? — спросил он. — У большинства шлюх есть.

— Ты предпочитаешь мальчиков, да? — отозвалась она.

Он ударил ее — не потому, что она сказала правду, а за дерзость. Она встала, подошла к столику и стала изучать в зеркале след от удара на лице.

— Мне все равно, — сказала она. — Я просто делаю свою работу. Но здесь за углом есть заведение, которое могло бы тебе больше понравиться.

— Для шлюхи ты много себе позволяешь, — сказал Симон.

— Доставлять удовольствие клиентам — моя работа. За этим они сюда и приходят. По крайней мере большинство из них. — Она отложила

зеркало и посмотрела на него: — Ты пришел за чем-то другим.

— Ты много болтаешь, — сказал Симон. Его удивление начало сменяться гневом.

— Зачем ты сюда пришел? — спросила она.

Это было нелепо. Симон рассмеялся. Гнев улетучился, а с ним, по крайней мере на время, и горечь, которая не оставляла его все последние двенадцать месяцев.

Он протянул руку и привлек шлюху обратно в постель.

— Расскажи о себе, — сказал он.

Не удивившись, она начала рассказывать. Ее мать была гречанкой, отец — испанцем. Она была зачата в канаве в Коринфе и родилась под кустом в окрестностях Смирны. Когда ей было десять, ее изнасиловал собственный дядя. После смерти матери она два года с ним сожительствовала, а потом сбежала в другой город, где зарабатывала на жизнь продавая амулеты, которые делала из ракушек. Потом незаметно для себя стала проституткой. Она жила с матросом, которого убили в драке, и успела забеременеть от него. Ребенок родился мертвым, что было к лучшему. Она продалась в рабство, поскольку это было лучше, чем голодать. Ее купил хозяин борделя из Тира. Ей

было восемнадцать лет.

Симон лежал молча. Он не сомневался, что она говорит правду, но даже если бы она врала, это ничего не меняло. Типичная история шлюхи, прекрасный пример случайной деградации; она принижала его, но и возвеличивала. Он чувствовал, как его фаллос делается все тверже и тверже.

Он заставил ее взять его в рот и на этот раз испытал сильное удовольствие.

Потом он смотрел на нее — она лежала на подушке, задумчиво теребя левой рукой упавший на глаза локон, — и понял, что она прекрасна.

Религиозные лидеры провинции, находившейся под гнетом различных захватчиков на протяжении двух столетий, проповедовали терпение. Но большинству их слушателей терпение не принесло ничего хорошего. Захватчики же, напротив, преуспевали, благословляемые своими неправильными богами.

Когда после зелотов и революционных проповедников появились провидцы, это было выражением народного гнева и отчаяния. Отчаяния, поскольку то, что эти люди обещали, было невозможным по определению. Они не были политическими агитаторами, так как не имели

плана. Они не были руководителями повстанцев, так как не имели намерения бороться. Им не нужны были ни план, ни война, потому что Бог должен был привести их врагов к ним прямо в руки. Будет дан знак, что началось божественное вмешательство. Искать знак следовало по преимуществу в пустыне.

К ним примыкали тысячи: бедняки, отчаявшиеся, мечтатели, нетерпеливая молодежь. Другими словами, толпа. Это был удобный термин. Любой государственный служащий знал, что делать с толпой.

Среди провидцев, появившихся в эти смутные времена, был пророк Февда. Его имя и его трагическое хвастовство — это единственное, что о нем известно. Прошлое его было неясно, а самым значительным в его жизни стала его смерть. Казалось, он был продуктом мифа, выражавшего чаяния людей.

Февда собрал кучку последователей и повел их с гор через заросли и болота к реке Иордан, традиционно считавшейся границей страны. Он обещал, что по его команде воды расступятся и они перейдут на другой берег посуху.

Для его слушателей рассечение вод имело особый смысл. В прошлом это уже свершалось

дважды: в первый раз человеком, который вывел их народ из-под гнета иноземцев, во второй раз — его преемником, когда он привел народ на завещанную им землю.

Трудно было преувеличить политическую значимость обещания Февды.

— Ничего страшного, — сказала она, — это все из-за проповедования. Оно отнимает силы. Я уверена, завтра все будет хорошо.

Когда она говорила ласково, ее голос был сладким и сочным, как иерихонский инжир. Он приятно возбуждал воображение Симона. К сожалению, в данном случае он не возбуждал больше ничего. Член Симона, несмотря на все усилия ее умелых рук, оставался мягок, как кусок теста. Если бы можно было как-то отделиться…

— Не понимаю, что со мной, — сказал он. — Обычно я не…

Он осекся, осознав, что любая шлюха слышала такие жалобы не раз.

— Не волнуйся, — сказала она и, нагнувшись, нежно взяла кончик его пениса в рот. Тот поднялся, запульсировал и снова опал.

Симон мрачно смотрел на голые стены. Его щеки пылали. Он понимал, что надо уходить, но ему не хотелось. Чем дольше длилось молчание, тем

больше он чувствовал необходимость прервать его, прежде чем поддастся чувству поражения, но найти нужные слова становилось все труднее.

Потом он вспомнил, что она сказала, и впервые осознал ее слова.

— Откуда ты знаешь, что я проповедую? — спросил он.

— Да слышала. — Она сделала неопределенный жест в сторону улицы. — Говорят, ты философ.

— Правда? — сказал Симон. — А что еще говорят?

— Что ты нечестивый.

— Это уже что-то. А тебе сказали, что именно я проповедую?

— Что-то о Боге и что мы должны нарушать все законы.

— Меня это радует, — сказал Симон. — Я и не думал, что они слушают.

— Насчет законов, — улыбнулась она, — слушали все.

— Мне казалось, моя проповедь не произвела большого впечатления.

— Люди и так нарушают законы, — сказала она. — Их и призывать к этому не надо.

— Да, но они нарушают законы из-за личной выгоды. Я же прошу их нарушать закон, потому

что это закон, — сказал Симон.

— А-а… — неопределенно сказала она, взяла его пенис в руку и стала машинально им поигрывать; тот не откликался. — Зачем? — спросила она.

Симон уже готов был ответить, но вовремя остановился:

— Ты не поймешь.

— Потому что я шлюха, — сказала она.

Он решил, что уйдет, тотчас.

— Не вижу смысла, — проговорила она, прежде чем он встал. — Если люди не подчиняются закону, они подчиняются чему-то другому, и оно становится законом.

Последовало молчание.

— Я же сказал, что ты не поймешь, — сказал Симон.

Она встала, подошла к туалетному столику, взяла гребень из слоновой кости и стала расчесывать волосы. Они были блестящими, падали до плеч и обрамляли ее лицо так, что его черты выступали резче. Смелое, подвижное лицо с умными серыми глазами. Иногда оно казалось грубым, почти уродливым, иногда становилось невыносимо прекрасным. Это зависело от выражения глаз. Рот менялся мало — он был крупным, мягким и добрым. Симон подумал, что рот шлюхи, если

присмотреться, обычно выдает низость; но к ней это никоим образом не относилось.

Она отложила гребень, взяла маленькую деревянную палочку и стала ловкими движениями наносить на веки зеленые тени.

— Ты нарушил все законы? — спросила она.

— Конечно нет, — сказал Симон. — На это потребуется вся жизнь.

— Наверное. Может быть, стоит сосредоточиться на одном из них.

Он сделал вид, что обдумывает предложение.

— На каком именно?

— Думаю, это должно быть убийство.

Ее логика не уступала мужской.

— Нет, — сказал Симон. — Во всех бедах мира виновата смерть.

Она задумалась, палочка в ее руке замерла.

— Но избавиться от смерти невозможно, — возразила она.

— Конечно, на это потребуются долгие годы, — согласился Симон.

Она посмотрела на него, чтобы убедиться в серьезности его слов, потом рассмеялась.

— Ох уж эти мужчины и их идеи, — сказала она. — А ни один из вас не способен испечь буханки хлеба.

— Хлеба! — удивился Симон. — Вряд ли. Это женская работа.

— Разумеется, — сказала она. — Это один из законов, не так ли?

Он в изумлении смотрел на нее. В его душе боролись раздражение, негодование и невольное восхищение. Его фаллос возбудился, что еще больше сбило его с толку.

Она улыбнулась ему. В ее серых глазах был такой же блеск, как у моря, когда смотришь на него издали. Она действительно была красива — и одновременно уродлива. Она держалась отчужденно — но он купил ее. Она была шлюхой — однако в глубине души оставалась непорочной.

Он чувствовал, как в нем закипает гнев.

— Как ты можешь этим заниматься? — спросил он. — День за днем, ночь за ночью продавать себя любому встречному мужчине?

— А что мне еще делать? — сказала она.

— Неужели ты не чувствуешь себя нечистой?

— Нет, — мотнула она головой. — Я ничего не чувствую. Это не имеет ко мне никакого отношения. Что бы люди ни делали с моим телом, я остаюсь сама собой.

— Чепуха, — резко сказал Симон. — Твое тело

— это ты: чем еще оно может быть? И что оно такое? Тарелка, которую скребут и лижут тысячи мужчин. Участок ничейной земли, куда каждый прохожий может слить свое неиспользованное семя.

Его фаллос затрепетал и стал расти.

— Не обольщайся! — со злобой повторил он. — Ты — кто угодно и что угодно. Ты — то, что из тебя делают мужчины. Ты ничтожество. Ты животное.

Она наблюдала за ним.

— Доказательством того, что ты животное, — сказал Симон, подкидывая на ладони свой огромный багровый инструмент, — служит то, что ты будешь делать, что я тебе велю. Разве не так?

Она безучастно кивнула.

— Ложись на живот, — приказал он.

К сожалению, в этот момент он не мог придумать ничего более унизительного, чем взять ее в задний проход, как он это делал с мальчиками, но грубо, не обращая внимания на крик боли, а потом, на пороге кульминации, выйти из нее и, перевернув ее на спину и оседлав сверху, излить бушующий поток ей в рот.

Она лежала с закрытыми глазами, потом утерла уголок рта рукой.

— Шлюха, — сказал Симон.

Она открыла глаза и посмотрела на него. Ее взгляд был спокойным и ясным. В нем было то, чего он не хотел видеть. То, что вторглось в его сознание непрошеным гостем. В ее глазах была жалость.

Река извивалась как змея. С трудом спускаясь по обожженным солнцем склонам, они увидели ее зеленоватый изгиб прямо под собой в небольшой долине, и она обещала освежающую прохладу. Теперь, подойдя ближе, они увидели, что густая зелень, покрывающая оба берега, оказалась буйными непроходимыми джунглями, болотистыми и коварными, курящимися паром на жаре, от которой у них градом лился пот.

Деметрий шел механически, не отрывая глаз от идущих впереди. Он почти не помнил, зачем он здесь.

Голова процессии свернула вправо, огибая неглубокое лесистое ущелье, и продолжила путь на юг через рощи терновника и тополей, через густые заросли бамбука, который рос везде, где была вода, и через все чаще встречающиеся участки потрескавшейся и обесцветившейся почвы, где не росло ничего. Время от времени им попадались кряжи или валуны из жирной

желтой глины. На бесплодных участках только валуны и давали тень. Деметрию казалось, что он попал в страну из ночного кошмара.

Через час — на такой жаре они двигались медленно, а некоторые женщины несли детей на руках — они достигли того места, где долина подходила непосредственно к реке. Деметрий, чьи силы возродились от ощущения близости цели, заставил себя двигаться вперед, к берегу, но, подойдя ближе, вместо прозрачных величественных вод, рисовавшихся его воображением, увидел бурлящий мутный поток, в котором среди клокочущей белой пены плавало множество вырванных с корнем деревьев.

Его начал охватывать необъяснимый ужас. Он отвернулся от реки и посмотрел назад, на город у подножия гор. Город пальм: они прошли в нескольких милях от него, с вожделением глядя на зелень садов и блестящих под солнцем ручейков. На расстоянии, зеленый и мерцающий в дымке, он казался безопасным и уютным. Он вновь повернулся к реке и увидел за ней такую же бесплодную землю, как та, через которую они только что прошли, а дальше — снова горы. Что же это за рай, воротами в который служит этот мутный, бурный поток?

Он смотрел на своих собратьев-паломников: они устали, были встревоженны, прижимали к груди детей и узелки с провизией, самые слабые едва держались на ногах от жары, но у всех у них в глазах был свет, надежда, сокровище. Он понял, что ошибся, что пришел не туда.

Их лидер взобрался на валун и обратился к ним. Паломники сгрудились вокруг и жадно ловили его слова.

— …Неужели Всевышний, слава Ему, который вывел праотцов наших с земли захватчика, и сразил хозяев Мидии, и сбил спесь с ассирийцев, неужели Он не услышит мольбу своего народа? Денно и нощно она доносится до Него, до Его трона святыми ангелами, и неужели Он не услышит ее?

— Услышь нас, о Господи, — выдохнула толпа.

— Каждая слеза, оброненная праведниками, — жемчужина для Господа. Неужели Господь не увидит страданий Его народа? Неужели не приведет их домой?

— Приведи нас домой, Господи, — поддержала толпа.

— Каждый из вас — ценное зернышко в амбаре Господа. Неужели Господь позволит зарасти Его полям сорной травой, которая лишает почву

силы, а урожай — света…

Толпа восторженно слушала и одобрительно кивала после каждой фразы оратора. Ощущалась атмосфера чуда, словно чудо уже совершалось. Возможно, так оно и есть, подумал Деметрий. Возможно, для этих людей обретение надежды — уже чудо. Но что если чудо не свершится? Повернутся ли эти люди против своего пророка, как толпа повернулась однажды против человека, которому он служил? Уже в тысячный раз Деметрий задавал себе вопрос, где может быть Симон. Трудно было поверить, что его нет в живых.

Он посмотрел на стоящих вокруг людей. Мужчина беззвучно молился. Деметрий снова почувствовал, какая бездна их разделяет. Они его терпели, как его терпели другие люди, но он не мог стать одним из них. Он пришел, чтобы увидеть чудо, — они пришли, чтобы увидеть своего Бога. Он слышал то же, что и они, но вкладывал в эти слова абсолютно другой смысл. Он перевел взгляд с одного паломника на другого, потом на изможденного жестикулирующего пророка, потом посмотрел вдаль. Вдалеке, в горах, там, где был город, он увидел какой-то блеск. Он моргнул, и блеск исчез. Он снова стал слушать слова.

— Когда гнусность, о которой написано, нашла

приют в святая святых, разве Всевышний не услышал и не изгнал богохульника из страны? Когда уже в наше время правитель Киттима, этот сумасшедший, называвший себя богом и сделавший свою лошадь сановником, когда он тоже возжелал видеть себя на святом престоле и быть почитаемым наравне со Всевышним, разве не покарала его десница Всемогущего?

От жары у Деметрия кружилась голова. Проповедь все длилась и длилась; увещевания, разоблачения, перечень имен и мест и давних битв, которые не имели для него никакого значения. Он заснул стоя и проснулся, когда почувствовал, что падает. Он выпил воды из фляжки и съел пару фиников, отчего только еще больше захотел пить.

Вдруг он понял, что проповедь закончилась. Оратор стоял воздев лицо и руки к небесам, а взгляды людей были прикованы к нему. Потом Деметрий услышал это: слабое постукивание. Звук был таким тихим, что сначала он подумал, будто ему показалось. Потом он понял, что это был шум реки, которого он сперва не замечал.

Пророк сошел с валуна и пошел к берегу, где долго молился. Люди шептались и переминались с ноги на ногу. Многие тоже молились. Дети бе-

гали вокруг и играли в песке, старшие шикали на них.

Шум реки усилился.

Пророк снова обернулся к ним, его изможденное лицо озарилось. Он вновь, громким голосом, воззвал к своему Богу. И медленно, под небом, в котором теперь полыхала и отражалась, как на меди, сошедшая с ума река, он простер руку над потоком.

Лошади налетели на них, подобно грому. На миг все застыло, и Деметрию показалось, что еще можно повернуть вспять, что это какая-то ошибка, ведь не могут же они вот так врезаться в беззащитную толпу… а потом послышались крики. Долгое время были только крики и блеск доспехов, такой яркий на солнце, что слепило глаза, и кружащиеся лошади, и лязг мечей. Деметрий упал на землю и не шевелился. Вокруг него топали лошади. На его одежде была кровь, но чужая.

Крики прекратились, их сменили еще более жуткие звуки. Со временем и они умолкли — как отрезало. Наконец все стихло. Откуда-то доносился плач. Неподалеку слышались конский топот и ржание.

Его больно пнули ногой в ребра. Он застонал, от-

крыл глаза, и его стало тошнить. Высоко над ним покачивалась голова пророка. Она обрывалась на уровне шеи. Под красным месивом виднелось древко копья, по нему стекали сгустки крови.

Нога снова ударила его под ребро, на этот раз удар был сильнее. Он с трудом удерживал слезы.

— Хорошенький мальчик, — сказал легионер, пинавший его. — Заблудился, да?

Деметрий поднял голову и встретил взгляд, полный откровенного презрения.

Он понял, что никакого Бога нет.

Симон провел пальцем по широкому, мясистому носу и слишком выступающему подбородку.

— Ты не можешь быть ничем другим, — сказал он, — кроме себя самой.

Это было равносильно признанию поражения. Это было его четвертое посещение, и каждый раз он не собирался возвращаться. И каждый раз он возвращался, чтобы исправить ошибки, которые допустил в предыдущий раз. На этот раз он будет направлять беседу, контролировать ход событий, заставит ее, и себя, делать то, что захочет он. И каждый раз бразды правления ускользали из его рук. Встреча ничего не доказывала и была в какой-то степени опасной.

Но другая шлюха, более послушная, ему была

не нужна. Он не мог определить, какое именно качество привлекало его в ней, возможно сама ее непредсказуемость, но, как только он признал его существование, чары только усилились. Он наконец позволил ей доставить ему удовольствие. И обнаружил, что она очень хорошо знала, как доставить удовольствие.

Ее тело каждый раз было другим, как страна, которая постоянно обновлялась. Каждый раз, когда он попадал в нее, он находил очертания незнакомыми, и ему приходилось открывать их снова. Иногда, входя в нее, он попадал в бескрайнюю страну, и чем сильнее стремился к удовольствию через ее долины и холмы, тем дальше от него оказывался, пока неожиданно не подступал совсем близко, и тогда требовалась вся его воля, чтобы удержаться, пока удовольствие становилось все больше и больше и захватывало его целиком, и он больше не мог сдерживаться и подчинялся ему, а потом лежал опустошенный, счастливый и тонущий. Иногда он попадал в сад с тайными беседками и бродил по его аллеям и потайным закоулкам, пока не начинал ощущать, как сжимаются тропинки и начинается медленная пульсация, которая, ускоряясь, влекла его вперед, все глубже и глубже, пока он не

достигал в бешеной гонке неподвижного сердца сада. Потом он медленно исследовал руками ее мягкие укромные уголки и набухший бугорок ее удовольствия, не отводя от нее удивленных глаз.

Он понимал, что присутствует при таинстве.

Иаков Благочестивый внимательно изучал лежащее перед ним письмо, и то, что его левая рука пыталась изловить под мышкой вошь, ничуть ему не мешало.

Паразиты Иакова не беспокоили, и он занимался их истреблением, только когда их становилось слишком много. Такая терпимость не была продиктована жалостливостью, но составляла часть его епитимьи. Его ногти были длинными и грязными, несмотря на то что он часто мыл руки. Борода не подстригалась с юношеских лет, а спутанные волосы доходили почти до пояса. Все это было из-за обета. Из-за обета он не пил вина, не ел мяса и не мылся. Вши не были частью обета, но бороться с ними было бы непоследовательно.

Письмо было длинное, и он читал его внимательно. Он читал его уже во второй раз. Он не хотел, чтобы какая-то деталь или нюанс ускользнули от его внимания. Закончив читать, он взглянул на человека, сидевшего на полу напротив.

— Савл показал свое истинное лицо, — сказал он. — Он дезертировал.

Иоанн Бар-Забдай не выразил удивления. После смерти брата он вообще не выражал никаких эмоций и ко всему относился с мягким и неизменным терпением.

— Что там написано? — спросил он.

— Он странствовал. Он непременно хотел побывать в Писидии. По пути туда он спровоцировал два бунта, был побит камнями, настроил против себя еврейское население трех городов и был признан олицетворением бога Меркурия. — Иаков постукивал по письму грязным ногтем. — Но самое главное, он проповедует язычникам. Точнее, он *предпочитает* проповедовать язычникам, а не единоверцам, хочешь верь, хочешь нет.

— Почему? — спросил Иоанн Бар-Забдай.

— Вероятно, потому, что язычники не забрасывают его камнями.

Иоанн поджал губы:

— Известно, что Савл не трус.

— Известно, что Савл умный человек, — сказал Иаков, — но я этого как-то не замечал.

Он был явно обеспокоен содержанием письма и снова принялся его перечитывать.

— Вопиющая безответственность, — пробор-

мотал он. — Без совета, без разрешения… Берет и сеет смуту.

— Но этого следовало ожидать, — сказал Иоанн. — После того, что сказал тебе Кефа…

Произнесенное имя изменило атмосферу в комнате. О Кефе говорили в последнее время, только если этого нельзя было избежать.

— Я не думал, что это произойдет так скоро, — резко сказал Иаков. — По правде говоря, я надеялся, что он забудет об этом. Как будто больше нечем заняться. — Он снова недовольно посмотрел на письмо. — Это навлечет на нас дурную славу. Одному Господу известно, сколько наших лояльных приверженцев он настроил против нас. А конфликты между нашими людьми и властями! Что этот сумасшедший пытается сделать?

— Обратить в нашу веру весь мир, — с улыбкой предположил Иоанн.

— Абсурдно, — сердито сказал Иаков. — И ненужно.

— Кто знает? Хотел бы я, чтобы у меня было столько энергии. Но не понимаю, — сказал Иоанн, — как это возможно.

— Это невозможно. Естественно, это невозможно. Как только он окажется за пределами круга

людей, которые получили наставление, они не будут знать, о чем он говорит.

— Я полагаю, — задумчиво сказал Иоанн, — он не… искажает послание? В конце концов, с ним ведь Варнава.

— Варнава, — сказал Иаков, — будет делать то, что велит ему Савл. — Он беспокойно нахмурился. — Может быть, следует послать кого-нибудь разобраться.

— Где сейчас Савл? — спросил Иоанн.

— В Антиохии.

— Ну тогда это не должно быть трудно.

Они сидели молча в раздумье. Иаков поймал и выпустил двух вшей. Он сдвинул брови. Было видно, как в нем накапливается раздражение. Наконец оно выплеснулось наружу.

— Дело действительно серьезное, — сказал он. — Если бы здесь был Кефа…

— О нем ничего не слышно? — осторожно спросил Иоанн.

— Его видели два месяца назад в Ашдоде.

— В Ашдоде? Что он там делал?

— Ловил рыбу.

Деметрия посадили в камеру с четырьмя другими. Весь первый день он смотрел в стену и видел на ней кровь и кружащихся лошадей. На второй

день он осознал, где находится.

Камера была темной и зловонной. Воздух поступал через крошечное решетчатое окно, расположенное на уровне головы и выходящее во внутренний двор. Темница находилась в подземелье, и единственное, что можно было видеть из окна, — это обутые в сапоги ноги солдат. Дождь и грязь лились в окно, и время от времени какой-нибудь солдат мочился в отверстие: то ли в знак презрения, то ли потому, что оно было удобно расположено.

Через несколько дней Деметрий почти перестал замечать вонь. Она стала неотделимой частью всего остального: полутьмы, бормотания других людей в камере, крови и грязи на его одежде.

Двое из его сокамерников были грабителями. Их поймал в горах патруль пехотинцев. Новый правитель объявил о своем намерении избавить страну от бандитов, так что кого-нибудь распинали чуть ли не каждый день. Этим людям, возможно, оставалось жить неделю. Они казались такими злодеями, что поначалу Деметрий чувствовал лишь облегчение оттого, что их скоро заберут. Один из них походил на борца — не человек, а гора мускулов; он был одержим демоном, который не давал ему говорить иначе,

нежели посредством хрюканья и бульканья, а на месте ушей у него были два отверстия, окруженные неровными хрящевыми буграми. Другой грабитель был совсем маленький и почти без лба. Деметрий долго украдкой изучал их, пока до него не дошло, что коротышка — это мальчик, возможно не старше его самого.

Деметрий с удовольствием поговорил бы с мальчиком, но никак не мог решиться. Физическое уродство пугало его. Он думал, что его собственное тело было сильным, здоровым и красивым лишь по чистой случайности и что можно заразиться уродством, вступив с ним в близкий контакт.

Из двух других заключенных один был старым религиозным фанатиком. Весь день он лежал в углу на соломенной подстилке, глядя своими слезящимися старческими глазами на что-то, чего не видели другие. Часто он бормотал себе под нос какие-то обрывки, похожие на стихи, молитвы и куски Священного Писания. Иногда его голос взлетал до крика, и тогда он ораторствовал, приподнявшись на локте здоровой руки и рассыпая обвинения, пока не выбивался из сил или пока не подходил охранник и не бил его ногой, чтобы он замолчал. Его пытали. Правая рука у него была

сломана и безжизненно висела, а большой палец оканчивался вместо ногтя гноящимся обрубком. Власти явно были уверены, что он зелот.

Последний заключенный был слабоумным, который думал, что живет в Вавилоне.

Разговоры в такой ситуации были практически невозможны. После робкой попытки заговорить с зелотом, встреченной ледяным молчанием, и сбивчивого разговора со слабоумным Деметрий оставил эти потуги и погрузился в раздумье. Он пришел к следующему выводу: тот факт, что пути пятерых человек сошлись в темнице, не несет, несмотря на всю свою важность, совершенно никакого смысла. От такого наблюдения был один шаг до идеи о том, что мир, несмотря на всю свою важность, также является совершенно бессмысленным. Идея ему понравилась. Она соответствовала всему его жизненному опыту.

Он присутствовал при таинстве. Он купил вещь и не мог обладать ею. Он даже не мог ее назвать. Когда он пытался ее найти, она оборачивалась чем-то другим. Ее поиски поглотили его настолько, что все остальное перестало существовать. Как только он поймет, что это, он освободится от нее.

Он имел ее всеми мыслимыми способами.

Лежащей ничком и сбоку, спереди и сзади, поддерживаемой подушками или согнувшейся, на четвереньках или стоя, когда ее ноги опирались о стену, когда он поддерживал ее руками и вход ее был широко открытым и мягким, как бархат, и манящим, и он входил в нее. Он потерял счет завоеваний и открытий. Он исчерпал все ресурсы своей культуры и воображения, он перепробовал все аллегории животного мира и совокуплялся с ней как заяц, бык, обезьяна, гиена, краб, горностай. Сопротивляясь природе, он заставлял ее быть сверху. Он протыкал ее фаллосом, языком, рукой, надевал наконечник из слоновой кости. День за днем он входил в нее, обуреваемый желанием найти ее, обладать ею. Каждый раз по окончании уничтожающего спазма он находил только себя.

Он изменил тактику и попытался выманить секрет. Он ласкал ее и дразнил, пробуждая в ней огонь, его пальцы блуждали от влажных раскрытых губ к зарослям волос и шелковистым долинам, вновь возвращаясь, чтобы поглаживать, сжимать и мять маленькую твердеющую ягодку. Однажды он влил в нее вино и слизывал и высасывал солоноватую сладость, но она рассмеялась, и он понял, что это была лишь забава.

В конце концов его всегда захватывало собственное желание. И, приходя в себя после бешеной гонки за облегчением, он снова понимал, что зря потратил силы.

— Ты околдовала меня, — упрекал он ее. В шутке была доля правды.

Она лежала лицом вниз среди подушек, и свет лампы блестел на гладкой, чуть маслянистой коже ее спины. Он думал, не является ли ее странность плодом его фантазии. Может быть, в саду нет никаких тайн, как нет на свете непорочной шлюхи.

Она перевернулась, явив его глазам хорошо знакомые, но остающиеся загадочными изгибы ее податливого тела: холмы, равнины и тенистые долины.

— Я только выполняла свою работу, — улыбнулась она.

Выйдя из борделя, Симон бесцельно бродил по улицам, затем, поддавшись внезапному порыву, свернул к набережной. Был теплый вечер, с моря дул бриз, и в воздухе стоял крепкий запах моллюсков, идущий из красильни. Он стоял, наблюдая за судами, покачивающимися на воде, и знал, что должен покинуть город.

Он отправился в путь на рассвете следующего

дня, пока не успел еще изменить решение.

Он путешествовал, как обычно, без багажа и пешком. Дорога, которую он выбрал, вела с равнины на восток, в горы. Вскоре после полудня на него напали разбойники.

Он не сопротивлялся, лишь отвернул голову от приставленного кинжала.

— Деньги, — потребовал человек с кинжалом. Их было четверо. Не поворачивая головы, Симон прикинул расстояние. Прежде бы он…

— Я небогатый человек, — сказал он.

Человек с кинжалом засунул левую руку за пояс Симона и стал тщательно ощупывать материал. Короткое движение лезвия — и пояс распался надвое. На землю упала золотая монета. Человек с кинжалом взвесил в руке пояс, усмехнулся и снова приставил кинжал к горлу Симона.

— Теперь — да, — кивнул он.

— Можете их взять, — сказал Симон. — Вернее, раз уже взяли, можете оставить их себе. Но на них лежит проклятие.

После короткого замешательства трое разбойников расхохотались. Четвертый, неуклюжий увалень с краденым мечом легионера на поясе, нервно спросил:

— Что еще за проклятие?

— Отравление, порча и вечные муки, — пояснил Симон. — Премилая троица.

Человек с кинжалом нажал приставленное к горлу лезвие так, что чуть пониже уха выступила кровь.

— Не пытайся нас одурачить, — сказал он.

— Мне это не нравится, — проговорил увалень.

— Разденьте его, — приказал человек с кинжалом.

Симона раздели. На нем осталась только набедренная повязка. Одежда была внимательно изучена на предмет потайных мест, а когда стало очевидно, что в ней ничего больше не спрятано, отброшена в сторону. Наблюдавший за этим человек с кинжалом перевернул одежду носком ноги и посмотрел на Симона. Что-то его тревожило.

— Почему ты один? — резко спросил он.

— Мне так нравится, — сказал Симон.

— Чепуха. Никто не ходит в этих местах в одиночку без веской причины. Кто ты?

Симон молчал.

— Крысиная Морда, обыщи все вокруг и посмотри, нет ли здесь еще кого-нибудь?

Самый молодой грабитель бросился выполнять приказ и, вернувшись, сказал, что никого не увидел.

Главарь убрал кинжал от шеи Симона и в задумчивости провел пальцем по лезвию. Оно было очень острым.

— Ты бродишь один со всей этой кучей денег, — сказал он. — Без слуги, без багажа, без осла. Без всего. Почему? В чем тут дело?

— Деньги не представляют для меня ценности, — сказал Симон.

Двое разбойников так и покатились со смеху, в восторге пихая друг друга локтями. Человек с кинжалом велел им заткнуться. Увалень сделал недовольное лицо.

— Не нравится мне это, — сказал он.

— Еще раз спрашиваю, — сказал человек с кинжалом. — Кто ты?

— Я проповедник, — сказал Симон.

Острие ножа снова впилось в его горло пониже уха.

— Я не дурак. Я уже видел тебя где-то прежде. Не помню где, но то, что ты не проповедовал, это точно.

Трое других разбойников насторожились.

— В любом случае, — спросил Крысиная Морда, — зачем проповеднику все эти деньги?

— Я ведь говорил, — сказал Симон. — На этих деньгах лежит проклятие. Ими нельзя пользо-

ваться.

Он заметил, что их глаза расширились и стали затуманиваться, как у детей, которые поняли, что игра, в которую они играли, может оказаться опасной.

Человек с кинжалом засмеялся, но как-то неуверенно:

— Зачем ты тогда их носишь при себе? Почему не избавишься от них?

— Я не могу от них избавиться, — сказал Симон. — Они *мои,* потому что проклятие — мое. Деньги — знак проклятия. Я не могу избавиться от проклятия.

— О чем он говорит? — раздраженно спросил разбойник с лицом, действительно напоминающим крысиную морду.

— Проклятие передается с деньгами? — переспросил человек с кинжалом.

— Разумеется, — сказал Симон. — Только два человека могут его снять. Тот, кто наложил это проклятие, и я.

Нож пополз вверх и остановился на его ухе.

— Тогда сними его.

— Это не так просто, — сказал Симон. — Я могу это сделать, только если найду правильное применение этим деньгам. Если существует пра-

вильное применение.

Четвертый разбойник, толстый коротышка с детским лицом, следил за разговором с нарастающим замешательством. Наконец его лицо прояснилось от внезапно пришедшей ему мысли.

— Когда мы его будем убивать? — сказал он.

— Почему, — не отставал человек с кинжалом, — они прокляты?

Он начинал нравиться Симону, который увидел в нем скрытую способность к теологии.

— Насколько я понимаю, — сказал он, — потому, что я попытался их использовать, чтобы купить Святой Дух.

Какое-то время все молчали. Человек с кинжалом неожиданно сплюнул на землю:

— Я знаю, кто ты. Ты — Симон Волхв.

— Нет.

— Да, да. Я тебя узнал. У меня хорошая память на лица. Я видел тебя в Себасте, ты показывал фокусы на рыночной площади. Люди говорили об этом неделями. Они говорили, — он сделал паузу, — ты можешь летать.

— Я больше не занимаюсь магией.

— В тебе сидит дьявол, — сказал человек с кинжалом.

Снова наступила тишина, но другого характера. Увалень застонал.

— Отдайте ему его проклятые деньги, пусть уходит, — взмолился он.

Человек с кинжалом сделал шаг назад. Он был напряжен и зол.

— Ты издевался над нами, да? — сказал он.

— Вы не поняли, — сказал Симон. — Я теперь проповедник. Я посвятил себя правде, а не иллюзиям.

— Неужели? Что же ты проповедуешь?

— Собственно говоря, — сказал Симон, — я учу людей нарушать закон, но говорить вам об этом нет смысла, поскольку вы его и так нарушаете. — Он смотрел в их непонимающие лица. — Может быть, вы хотели бы стать моими учениками?

Пояс с деньгами упал к его ногам. Он его поднял.

— Убирайся, — прорычал человек с кинжалом. Увалень бросил ему его одежду. Симон поймал ее.

— Теперь проваливай.

Разбойник с детским лицом наблюдал за происходящим с выражением полного недоумения. Он едва сдерживался.

— Вы его отпускаете? Вы ему отдаете деньги?

— Он колдун.

— А деньги!

Разбойник с детским лицом двинулся на Симона. Человек с кинжалом преградил ему путь:

— Он опасен, дурак.

— Мне он не кажется опасным.

— Мне тоже, — сказал Крысиная Морда. — Мне кажется, нож войдет в него, как в сыр.

— Идиоты! — заорал увалень. — Вы что, не понимаете, кто он? Да он мог превратить всех нас в…

Он схватился за пояс и обернулся, но было поздно. Крысиная Морда выхватил у него меч и бросился на Симона, как дикий кот. Руки Симона были заняты одеждой и поясом с деньгами, и единственное, что он мог сделать, — это инстинктивно вскинуть руки, чтобы защитить свою грудь. По крайней мере так он думал. Но нападавший увидел что-то совсем другое. После первого удивительно неточного броска Крысиная Морда дико замахал мечом, который рубил только воздух. Сделав несколько нелепых выпадов, он отпрянул, мертвенно-бледный, и выронил меч. Четверо разбойников, словно в трансе, принялись медленно отступать, вытаращив глаза. Потом, издав странный звук, больше похожий на

кудахтанье, чем на крик, одновременно повернулись и бросились наутек.

Симон смотрел на них, пока они не скрылись из виду. В задумчивости он стал одеваться. Одевшись, он посидел в тени валуна и отдохнул. Потом поднялся и зашагал обратно туда, откуда пришел.

Хозяин борделя был жирной тушей с маленькими подозрительными глазками. Он встретил вопрос Симона с немедленной враждебностью:

— С чего мне ее продавать? Она хорошо работает. У нее куча клиентов.

— Однако, думаю, они не часто возвращаются.

— Что ты хочешь сказать?

— Она несдержанна на язык, верно? У нее независимый ум. Только не говори мне, что твои клиенты приходят сюда за этим.

— Может быть, да, может быть, нет.

— Однажды она прочла мне лекцию о том, что я не умею готовить.

— Чего-чего?

— К тому же, — сказал Симон, — у нее самое уродливое лицо из всех шлюх, каких я только видел.

— Я называю его своеобразным, — сказал хозяин борделя. — Мы не пользуемся такими словами

в этом заведении.

Симон достал из складок туники небольшой увесистый холщовый мешочек, который звякнул, когда он положил его на стол. Хозяин борделя опустил жадный взгляд и снова вскинул голову:

— Зачем она тогда тебе нужна, раз в ней нет ничего хорошего? Знаешь, я забочусь о своих девочках. Не хочу, чтобы они попали в плохие руки.

— Я предлагаю выкупить ее, — сказал Симон. — Что она будет делать, став свободной, это ее дело.

Хозяин борделя внимательно на него посмотрел и вновь погрузился в созерцание холщового мешочка. Развязал его, высыпал на стол кучку монет и пересчитал их. Сложил их в три аккуратных столбика и провел вдоль каждого ногтем большого пальца.

— Ладно, — сказал он. — Но, учитывая нынешнюю ситуацию с деньгами и то, что она из хорошей греческой семьи, да к тому же рассталась с девственностью совсем недавно…

— Не считай меня за дурака, да и девственность, по моему скромному разумению, не бывает первого или второго сорта, — проговорил Симон. — Пойми. Я предлагаю тебе деньги, чтобы

выкупить эту женщину. И я не дам ни одной драхмы больше и, по личным причинам, ни одной драхмы меньше. Я не собираюсь торговаться.

Симон и хозяин борделя смотрели друг на друга поверх трех маленьких столбиков золотых монет. Хозяин борделя вздохнул.

— Я еще об этом пожалею, — сказал он.

Он доковылял до подножия лестницы, выставил с трудом подбородок из складок жира и выкрикнул:

— Елена!

— Елена? — прошептал Симон. — Царица, наложница и троянская шлюха. Неужели ее так зовут? А мне и в голову не пришло спросить.

Кефа чинил свои сети.

Естественно, они не принадлежали ему, но после двух сезонов он знал их как свою ладонь: каждый узелок, каждую прореху, каждую заплату, выгоревшую на солнце больше, чем соседние, каждый крепкий кусок ткани. Его проворные руки любовно касались их.

Скоро наступит время вечерней трапезы. Он жил и столовался у Малахии, которому принадлежала лодка. Малахия болел, но теперь поправлялся. Благодаря Кефе его лодка продолжала работать, пока он сам не мог рыбачить:

иначе ему пришлось бы ее продать. Это была отличная лодка, но не так хорошо слушалась руля, как когда-то собственная лодка Кефы. С хорошей лодкой всегда тяжело расставаться.

Мимо прошел продавец гранатов с корзинами, подвешенными на длинном шесте, и поздоровался. Кефа ответил на приветствие. Люди здесь были дружелюбными и не задавали вопросов. В приморском городе всегда было много приезжих. Если человек сам не рассказывал о себе, к нему не приставали с расспросами.

Солнце садилось в окрашенные малиновым цветом тучи, и море казалось посеребренным. Завтра будет хороший день. Но через несколько недель погода испортится. Это побережье считалось опасным. Шквальный ветер может налететь в любой момент. Мореплаванию Кефа учился на Озере, которое славилось своими неожиданными шквалами; но на Озере защиту можно было найти на берегу. Здесь же на много миль подряд берег составляли голые скалы и отвесные утесы, и укрыться от бушующего моря было негде.

Он не вернется на Озеро. Он думал об этом и решил, что это было бы неправильно. Тогда ему казалось, что в маленький приморский город его привел случай, но, как только он здесь очутил-

ся, он понял, что это верное место. На какое-то время.

Близилась зима. Рыбы будет мало, да и в любом случае Малахия шел на поправку. Скоро ему будет пора уходить. Он узнает, когда настанет этот день.

Он удовлетворенно улыбнулся. В его жизни была простота, которая его радовала. У него было все необходимое. У него было время: да, у него было время.

Он закончил штопать порванное место и отложил иглу. Он не будет строить планы. Что-то близилось, но было еще далеко. Когда это придет, он будет знать, что оно предназначено для него.

— Давай, — сказал Симон.

Она умело двигалась под ним, время от времени заставляя его двигаться быстрее, но никогда не доводя его до неуправляемой спешки, всегда давая ему отдохнуть, расслабляя мышцы. Было очень важно не потерять контроль. Эта потребность каждый раз доводила его до полного уничтожения, после которого необходимо было все начинать с начала.

— Еще немного, — сказал он, и потом ему пришлось сдерживать себя, когда она его сжала. Это превратилось в ритуал — выполнять движения

страсти, не давая ей подчинить себя.

Уже близко. Он уже чувствовал близость цели и, как только ощутил это, оказался в ее власти и дрогнул в ответ. Он должен подчиниться… идти вперед…

Опять слишком быстро. Он специально сбился с ритма и стал думать о постороннем, пока не почувствовал, что удовольствие удалилось и потеряло свою остроту. Тогда он неистово бросился ему навстречу и тотчас потерялся в трепещущих тоннелях. О, это божественное и опасное желание, увлекающее его за собой. Следовать за ним опасно, не следовать, когда оно засасывает, толкает и гонит тебя, невозможно. Оно было неуправляемым и одновременно управляло им, заставляя подчиняться своей движущей силе и засасывающему водовороту. Дальше и дальше, глубже и глубже, в темный омут… нет, слишком опасно — и он со стоном отпрянул. Потом момент шаткого равновесия, желания подчиниться и не подчиняться, сохранить контроль усилием воли, которая уже была нерешительной и слабой…

Он отчаянно пытался овладеть собой, но с каждым мгновением его желание становилось все тверже и острее, превращаясь в скалу, наполненную огнем, который должен был вырваться

наружу и излиться…

Он закричал от боли: это было подобно смерти. Но он заставил себя отступить, не поддаться безумию. Сопротивление отняло все силы. Захлестнутый изнеможением, он знал, что проиграл. Его тело было отравлено. Его разум — опустошен.

Проходило время.

Это началось медленно. Сперва он увидел вспышку света. Кровь потекла по венам: его тело было живым, а не мраморным. Покалывание в руках и ногах, начавшееся где-то в нижней части позвоночника. За покалыванием, как только он почувствовал его, последовал странный холод, похожий на прохладу разреженного горного воздуха. И казалось, само вещество его стремится туда, где ощущалась разреженность, будто его тело пропускают через сито, отсеивая тяжелые элементы. Холод охватывал все его члены, пока он не перестал их чувствовать. Затем центр холода в его позвоночнике стал расширяться. Он чувствовал, как затихает пульсация в пояснице и животе, прекращается покалывание в корнях волос. Холод охватил позвоночник. Когда он добрался до шеи, Симон подумал, что перестанет дышать. И его дыхание замедлилось, но было ровным.

Он стал бесплотен. Оставался лишь мозг в своей костяной клетке. Он чувствовал, как вес черепа пригибает его к земле.

Он попытался шевельнуть челюстью, но сухожилия исчезли. Холод охватил его череп.

Ничего не осталось, кроме света.

Ничего не осталось, кроме света.

Но как только это стало ясно, появилась темнота. Если бы не было темноты, было бы неясно, что есть свет.

Итак, были свет и темнота.

Свет создал темноту, чтобы было ясно, что есть свет.

Но тогда были уже три вещи, а не две. Свет, темнота и Мысль. Потому что темнота появилась благодаря Мысли, порожденной светом.

Таким образом, Мысль была первым творцом. Все созданное впоследствии было создано Мыслью.

Мысль порождалась светом и тяготела к темноте, которую создала. Она стремилась к свету, так как происходила от него, но также стремилась к темноте, так как сама ее создала. Из непрерывной борьбы этих стремлений родилось время, и время создало мироздание, а Мысль наполнила мироздание формами.

Мысль видела все эти творения и любила их, так как они были созданы ею, и чуралась их, поскольку они не происходили от света.

Так как она любила их, она хотела рассмотреть их. Она двинулась к самому краю света, чтобы рассмотреть вещи, ею созданные.

Она достигла самого края и потянулась к ним.

Они увидели ее над собой и преисполнились стремлением к ее красоте. Они потянулись к ней.

Она упала в темноту.

Она пыталась вернуться к свету, но густая темнота не давала ей взлететь, а формы толпились вокруг нее, мешая освободиться. Они заключили ее в тело, подобное их собственным, в вязкую ячейку, подверженную времени, изменению и распаду. Так как они не были способны понять ее красоту, а лишь форму, в которой она была заключена, они оскорбляли эту форму и заставляли ее страдать. Она переходила из одной формы в другую, терпя гонения и унижения, пока почти полностью не забыла свою истинную природу. В конце концов она подверглась самому ужасному вырождению, какое только возможно.

В теле блудницы Дух Божий ждет ее искупителя.

Деметрий заметил, что мужчина, который не говорил, а лишь хрюкал и булькал, и мальчик, у которого не было лба, привязаны друг к другу. Они заботились друг о друге, насколько это было возможно. Когда приносили еду — чуть теплую серую массу из бобов и ячменя, — мальчик съедал свою порцию, а мужчина отдавал ему часть своей. Мальчик понимал звуки, издаваемые мужчиной, и разговаривал с ним. Однажды, когда тюремщик пнул его товарища, мальчик яростно бросился того защищать. Тюремщик был так удивлен, что не нанес ответного удара.

Деметрий подумал, не приходятся ли они друг другу отцом и сыном, но с содроганием отмел эту мысль.

Сидя или лежа в зловонном подземелье в компании калеки, урода и безумца, Деметрий проводил время в раздумьях о своей жизни. Ему казалось, что над ним сыграли непонятную злую шутку. Он никогда не был хозяином своей судьбы даже в той степени, в какой ими были эти два урода, делившие с ним камеру. А все из-за того, что он родился рабом.

Это предопределило все события его жизни. Однако была еще одна движущая сила. Время от времени перед ним брезжило подобие свобо-

ды, но, как только он приближался к ней, она ускользала. Сам того не осознавая, он стремился к свободе, которая не положила бы конец его рабству — для беглого невольника не было прощения, — но сделала бы рабство несущественным. Он осмелился мечтать о том, чтобы владеть чем-то, чего был лишен его хозяин. Но его попытки понять, что представляет собой эта непостижимая вещь, и найти ей применение всегда заканчивались неудачей. Судьба смеялась над ним. Он раб и должен знать свое место.

Он осознал, что никому не дано убежать от себя. Любая попытка сделать это приводила к еще большей зависимости. Если бы он не забыл, кто он такой, и не присоединился бы к паломникам, отправившимся посмотреть на чудо, до которого ему не было дела…

— Тебе не следовало ходить туда, — сказал мальчик, у которого не было лба.

Деметрий вздрогнул от неожиданности. Мальчик смотрел на него ясными живыми глазами.

— Не следовало ходить куда? — спросил Деметрий с опаской.

— Туда, где они тебя схватили.

— Откуда ты знаешь, что я думал об этом?

Мальчик нахмурился и стал похож на демона.

— Иногда я могу читать мысли людей, если они испытывают сильные чувства.

Деметрий сел, прислонившись спиной к стене, и задумался. Подумав немного, он решил, что понял, в чем дело. Указав на взрослого грабителя, он спросил:

— Таким образом, ты понимаешь, что он говорит?

— Да. И потому что он мой друг. — Мальчик нерешительно улыбнулся. — Они прогнали меня из моей деревни за то, что я могу читать чужие мысли. Они думали, в меня вселился демон.

Конечно, подумал Деметрий, как же иначе. Впервые в жизни он понял, что единственное, что имеет значение, — это доброта. Он стал размышлять об этом и задумался, почему добрые люди оказываются в тюрьме, а злые управляют провинциями.

— Разумно предположить, — изрек зелот, глядя в потолок, — что никому из нас не следовало быть там, где нас арестовали, иначе нас бы не арестовали.

Он впервые проявил какой-то интерес к обитателям камеры. Деметрий с благодарностью повернулся к нему.

— Вы полагаете, — сказал он с надеждой нала-

дить диалог, — что главное в жизни — оказаться в нужном месте?

— Десница божья настигнет тебя в любом месте, — напыщенно сказал зелот. Затем, вероятно почувствовав разочарование Деметрия, добавил: — Главное в жизни — знать, где ты находишься.

— Или кто ты, — тихо сказал Деметрий.

— Я знаю, где я нахожусь, — неожиданно сказал слабоумный.

Взрослый грабитель засмеялся, — по крайней мере, Деметрий принял это за смех. У него тряслись плечи, и он фыркал, словно подавился. Мальчик обнял его и тоже стал смеяться.

Деметрий смотрел на них и чувствовал боль в глубине души. Он подумал, что они не родились разбойниками. Они не знали, для чего они родились, как и он не знал своего предназначения. Люди рождались, скитались какое-то время и умирали.

Он подумал, как глупо они будут выглядеть распятыми на кресте.

Симон Волхв бродил по дорогам Иудеи и Самарии и дошел до Финикийского побережья. Он странствовал не один, с ним была женщина по имени Елена. Он говорил, что она Дух Святой. Другие говорили, что она проститутка.

Он проповедовал везде, где бывал. Везде, где он проповедовал, собирались толпы людей, которые слушали его с изумлением и негодованием. Однако почти везде находились люди, которые принимали его слова всерьез. Они задавали ему вопросы и приглашали его и его спутницу к себе домой, а после его ухода пытались применить на практике то, чему он их учил.

Симон проповедовал следующее.

Человек — это искра огня, запутавшаяся в паутине тьмы. Как это произошло — тайна, неведомая даже самому Творцу мироздания, ослепленному своей бесконечной властью и полагающему, что другого Бога нет. Мы можем предположить, что изначально существовало два мира: света и тьмы, или духа и материи; а потом произошла катастрофа, в результате которой семена света стали пленниками тьмы.

Поэтому в человеке есть две стороны — темная и светлая. Тьма, понимая, как прекрасен ее пленник, не отпускает его на свободу. Мир находится в полной власти сил тьмы, главная из которых — безумный архидемон, почитаемый евреями. Ненавидя и боясь своих пленников, этот тиран изобрел лабиринт лжи, чтобы держать нас в неведении об истинном положении дел. Самая

большая ложь — это то, что он является нашим Создателем и что мы обязаны ему повиноваться. Но мы не принадлежим ему, будучи лишь его заложниками, а мир нам чужд. Мы не обязаны ему ничем, кроме обманчивой и тленной плоти, в которую он нас облек и которая является путами и бичом для духа.

То, что мечется внутри нас, то, что тоскует и безутешно страдает в чуждом для него мире, — это живая искра далекого огня. Мы мечтаем возвратиться к этому огню, так же как он мечтает о нас, поскольку без нас он неполон. Вернуться к нему трудно: в материальном мире повсюду расставлены ловушки и западни обмана и ложных надежд. Но выход есть, и он для тех немногих, кто имеет смелость.

Освободить дух можно лишь с помощью той стихии, которая родственна духу и враждебна тьме: это стихия огня. Паутину невозможно распутать, ее нужно сжечь. Поскольку дух нематериален и не может сам бороться с плотью, он вынужден взять в союзники тот элемент плоти, который был бы родствен ему самому. Мир материи может быть побежден с помощью телесного огня вожделения.

Совокупление, изобретенное силами тьмы,

чтобы сбить человека с толку, можно применить для борьбы с ними, если использовать половой акт не для потворства своим слабостям, а как оружие. Его необходимо освободить от всех наложенных на него силами тьмы ограничений, иначе оно будет лишь очередным кирпичиком в тюрьме духа. Поэтому совокупляться надо любыми запретными способами, с любыми запретными партнерами и при любых запретных обстоятельствах. Только так половой акт может стать чистым и отвечать поставленной ему задаче. Задача же — ни больше ни меньше чем искупление Мироздания: восстановление связи Духа, блудницы и святой, с ее источником в Боге.

VI. Спасенные

Ставни были закрыты, и окно задрапировано, исключая малейшую возможность что-либо подсмотреть. Единственным источником света служила раскаленная жаровня в дальнем углу. Комната была просторной и обычно весьма роскошной, но сейчас всю мебель вынесли и вдоль стен расставили кушетки. Жаровня источала сладкий душноватый аромат, тяжелый воздух кружил голову.

В комнате было тридцать человек. В центре стоял Учитель, рядом с ним — молодая женщина. Оба были одеты в белое. Вокруг них стояло четырнадцать мужчин и четырнадцать женщин, все обнаженные.

Учитель говорил:

— Да будет наш обряд священным, да снизойдет на него милость.

Стоящие в круге мужчины и женщины повторили в унисон:

— Да снизойдет на него милость.

Наступила тишина. Стоящие в круге взялись за руки. Учитель повернулся к жаровне и простер к

ней руки, потом, не опуская рук, стал медленно поворачиваться, останавливаясь по очереди напротив каждого участника круга. Поворачиваясь, он снова заговорил:

— Сеятель вышел сеять. Он уронил семя, и оно попало на разную землю. Оно проросло, и из его семени выросло новое семя. Теперь имя этого семени — свет, имя земли — тьма. Имеющие разум да поймут.

Когда круг был завершен, двадцать восемь мужчин и женщин постояли некоторое время молча, взявшись за руки, а потом разделились на пары — мужчина и стоявшая от него слева женщина. Парами они пошли к кушеткам, стоящим вдоль стен. Каждый мужчина поцеловал свою партнершу в губы, положил на кушетку и без дальнейших прелюдий стал совершать половой акт.

Учитель взял за руку стоящую подле него молодую женщину и повел ее к кушетке, стоявшей рядом с жаровней. Он медленно снял с нее облачение, потом разделся сам. Встал перед ней на колени и с благоговением раздвинул рукой ее бедра. Когда он вынул руку, на ней была кровь.

Молодая женщина легла на кушетку, и он вошел в нее одним сильным движением.

Воздух в комнате становился все тяжелее. Не-

ровный свет от раскаленных углей в жаровне отблескивал на разгоряченной коже.

Одна за другой пары достигали кульминации первой стадии обряда и отдыхали, лежа рядом на кушетках. Спустя некоторое время пары вновь образовали круг, а Учитель и его партнерша вновь заняли свои места в центре.

— Это совершенная любовь, — сказал Учитель.

— Это совершенная любовь, — вторили ученики.

— Имя семени — свет, — сказал Учитель, — имя плоти — тьма. Имя духа — свет.

— Имя Закона — тьма, — отвечали ученики.

— Как закон несет смерть, так нарушение закона несет жизнь. Мужские тела соединяются с женскими, пока существует мироздание, но духу неведомо разделение на мужское и женское, потому что дух — это жизнь.

— Имя духа — жизнь, — вторили ученики.

Снова наступила пауза, люди в круге стояли молча, взявшись за руки. Потом по знаку Учителя каждый мужчина повернулся к одному из двух стоящих поблизости мужчин, а каждая женщина — к одной из стоящих поблизости женщин. Затем парами, мужчина с мужчиной, женщина с женщиной, они направились к кушеткам и

предались сексуальным ласкам, но не приступая к выполнению акта.

Учитель, стоя по-прежнему в центре, взял в руки свой член и довел его по полной эрекции.

Наконец по команде Учителя пары поднялись с кушеток и образовали две линии, встав друг к другу лицом. Мужчины, взяв в руки свои пенисы, довели себя до эякуляции и собрали сперму в ладони. Медленно и торжественно они подняли руки вверх.

— Это святой дар совершенного Сына, — сказал Учитель.

— Это плоть Духа, — отвечали ученики.

— Отче, мы преподносим его Тебе.

Мужчины сделали шаг вперед и предложили свои сложенные лодочкой ладони стоявшим перед ними женщинам. Женщины слизали с их ладоней часть спермы и проглотили ее. Затем мужчины проглотили оставшееся.

— Тлен поражает только плоть, — сказал Учитель.

— Дух не ведает тлена, — отозвались ученики.

Учитель вновь встал на колени перед молодой женщиной и ввел в ее влагалище палец правой руки. Он вынул палец, покрытый темной кровью. Слизнул кровь кончиком языка.

— Это святой дар Матери, — сказал он.

— Это тело Духа, — отозвались ученики.

— Отче, мы преподносим его Тебе.

Учитель по очереди обошел всех учеников, и каждый лизнул кровь кончиком языка. Когда все причастились, он вернулся на свое место.

— Мы причастились огня мужчины и огня женщины, — сказал Учитель. — Весь огонь — это один огонь. Имеющие разум да поймут.

— Помоги нам понять, Господи, — молились ученики.

Перед заключительной стадией ритуала наступила продолжительная пауза. Учитель подошел к кушетке, на которой лежало его белое облачение, и надел его. Он повернулся лицом к жаровне, а ученики встали за ним полукругом.

— Благодарю тебя, Господи, — начал он, и ученики присоединились к молитве. — Благодарю тебя, Господи, избавившего меня от тления и скотства в моей жизни, показавшего мне себя и открывшего мне мою природу; избавившего меня от тления и посчитавшего меня достойным нетления; показавшего мне путь к самому себе и научившего меня понимать, кем я был и куда пришел, с тем чтобы я смог снова стать, кем я был: тем, кого я не знал, но ты нашел меня как

заблудшую овцу; тем, кого я не могу забыть, однажды узнав.

Учитель сделал шаг назад и, воздев руки, прокричал:

— Приди, Всевышний и Всемилосердный. Приди, Мать Жизни, ты, которая есть тайна. Приди, Святой Дух, ты, который раскрывает тайны. Спаси нас своим пылающим огнем. Своими страданиями во плоти спаси нас. Спаси нас, как мы спасли тебя нашим обрядом.

Какое-то время царила тишина. Ученики стояли, склонив головы. Потом Учитель взял свечу и зажег ее от жаровни. На стене заплясали тени.

— Огонь Един и Свет Един, — сказал он.

— Пусть все будет единым, — отозвались ученики.

Каждый из присутствующих зажег свечу от жаровни, и с каждой новой свечой теней на стене становилось меньше.

Учитель повернулся лицом к ученикам. Его голос стал зычным.

— Я есть ты, а ты есть я, речет Дух. Повсюду я рассеян, и где бы ты ни собирался, ты собираешься во Мне, а собирая Меня, ты собираешь Себя.

Он помолчал.

— Дай тем, у кого есть разум, понять эту тайну.

В свете тридцати свечей дым, поднимающийся из жаровни, стал лиловым.

Прокуратор Фадий, избавивший страну от разбойников, а заодно и от некоторых провидцев, был смещен. По мнению императора, новый губернатор как нельзя лучше подходил для этой должности, так как, хоть и будучи иммигрантом, происходил из того же народа, которым был послан править. Однако для населения провинции такое назначение было более чем оскорбительно. Тиберий Александр был изменником. Поступив на государственную службу, он предал религию своих праотцов.

Лишь одно деяние этого губернатора осталось в истории. Чтобы понять его, необходимо вернуться к событиям сорокалетней давности, когда царство, созданное при Ироде Тиране, разделилось и на одной из его территорий было введено прямое правление. Одним из первых распоряжений тогдашней центральной администрации было проведение переписи.

Оказалось, жителям провинции противна сама мысль о том, что их пересчитают. В их священных книгах говорилось о большом несчастье, обрушившемся на них из-за того, что такая перепись была проведена. Тот факт, что бедствие

приключилось тридцать поколений назад, не имело для них никакого значения: в этой странной стране прошлое было таким же реальным, как и настоящее, а также более понятным. Их тревога сменилась негодованием, после того как бродячий учитель Закона объяснил им, что за переписью непременно последует увеличение налогов.

Никому не нравится платить налоги. Однако для народа этой провинции, оккупированной иностранной державой, для народа, который по разным причинам не мог провести грань между своей страной и своим Богом, налоги, выплачиваемые захватчику, были чем-то большим, чем просто финансовое бремя. Учитель Закона начал проповедовать неповиновение, и его слова упали на благодатную почву.

Однако бунт закончился, не начавшись. Верховный священнослужитель отговорил потенциальных бунтовщиков от их замысла. Что стало с учителем, не известно, хотя, по некоторым данным, он был убит.

Несмотря на то что инцидент ничем не закончился, он не был забыт. Это была первая незначительная вспышка гнева, направленная не на марионеточных царей-обманщиков, а на

истинных господ, стоящих за ними. Шестьдесят лет спустя тлеющие угли этого огня разгорятся в большой пожар.

Тиберий Александр видел тлеющие угли и был уверен, что сможет их загасить. Сыновья бродячего учителя были все еще живы. Он распял их на кресте.

Был прилив, и течения вокруг рифов могли быть опасными. Кефа наблюдал за тем, как идет под парусом одинокая рыбацкая лодка. Небо было в тучах, и ветер с запада и северо-запада, который не стихал весь день, усиливался. Сам бы он не вышел в море в такую погоду, по крайней мере не у такого побережья. Но он не знал фарватера; возможно, рифы были не так опасны, как казались.

Он и сам не знал, что привело его в Иоппию, просто крестьянин из Ашдода, везущий туда свой товар, предложил подвезти его на своей тележке. Кефа почти всегда принимал неожиданные предложения помощи: любое из них могло оказаться знаком. Однако, бродя по улицам города, он ничего не почувствовал. Более того, он ощущал тревогу. В этом городе были люди, которых он знал и с которыми он не хотел встречаться.

Это было сильным преувеличением. Он испытывал сердечное тепло по отношению к ним, к

нескольким семьям и к отдельным людям, которым он проповедовал и с которыми беседовал, к тихому внимательному мужчине, в чьем доме он останавливался и чье имя стерлось из памяти, хотя он помнил его профессию — кожевенник. Если бы он не ощущал разницы между тем, каким он был теперь, и тем, каким они его представляли, он бы с удовольствием с ними пообщался. Они ожидали от него определенных слов, а он не мог им их сказать.

Лодка шла к берегу против ветра, рискованно приближаясь к клочьям белой пены. Она низко сидела в воде: на борту был богатый улов. Кефа подумал, что это сознательный риск. Если бы сети вытащили чуть позже, хотя бы на час, риск был бы неоправдан. Но тогда кто бы мог сказать, оправдан риск или нет? Риск оценивают задним числом.

Лодка была в проходе между ближайшими рифами. Кефа не мог еще рассмотреть лица рыбака, но мысленно его представил: застывшее от напряжения, взгляд постоянно переходит от бушующих волн к рифам и неровной береговой линии, с хладнокровием оценивая расстояние, оценивая течение. Такими он видел своих друзей, таким он был сам в моменты большой опасности,

когда сделано все возможное и остается лишь ждать. Его захлестнуло братское чувство к этому незнакомому рыбаку, и он ощутил, будто сам направляет лодку в безопасное место силой своей любви.

Неожиданная волна ударила в корпус лодки, подняла ее, накренила и с бешеной силой понесла на скалы. Кефа стал страстно молиться. Если она не разобьется, то, когда волна схлынет, наверняка опрокинется. Он закрыл глаза.

Когда он снова открыл глаза, лодка миновала проход и была в безопасности. Он смотрел на нее, пока она не приблизилась к берегу, потом отвернулся и пошел обратно в город.

Он задержался на полном толчеи базаре, пытаясь решить, что ему делать дальше. Нужно было найти ночлег. Для этого у него были деньги, но он считал отвратительным платить за крышу над головой, когда в прошлом он всегда останавливался у друзей. В прошлом всегда и везде находился дом, где жили друзья. Он сам отказался от этой удобной, семейной системы. И хотя он мог в любой момент переменить свое решение, подойти к дому и назвать себя, он не мог этого сделать, так как тогда бы он называл имя чужого человека.

Возможно, у него не было друзей.

В этот момент он увидел кожевенника, в доме которого когда-то останавливался. Мужчина, пытавшийся сбить цену на комплект ножей, поднял голову и встретился взглядом с Кефой. Он сразу узнал Кефу, но потом, к его удивлению, испугался. В полном смятении мужчина положил ножи на место и поспешно скрылся в толпе.

Кефа долго смотрел ему вслед.

Зелот снова ораторствовал.

— Затем я увидел глубокую долину, вход в нее был широкий. И я увидел карающих ангелов, которые жили там и готовили инструменты Врага рода человеческого. И он сказал: «Они готовятся для земных царей и правителей, которые будут с их помощью уничтожены».

Его голос поднялся до крика. Удивительно, насколько он был все еще силен.

— Если вы будете продолжать в таком же духе, — сказал Деметрий, — вас опять станут пытать.

Зелота пытали дважды после казни грабителей и освобождения слабоумного, когда в камере осталось только двое заключенных. В первый раз солдаты высекли его плетьми, концы которых были утяжелены кусками металла. Во второй

раз они держали его ноги над жаровней. Им были нужны имена его друзей-заговорщиков, и всякий раз, когда ему велели назвать имена, он перечислял ангелов. В последний раз он дошел до Галгалиэля, прежде чем лишился чувств.

Зелот с трудом оперся на локоть. Большую часть времени он был вынужден проводить лежа на боку.

— Сын мой, меня будут пытать в любом случае. Им не нужен предлог.

— Но это ужасно! — сказал Деметрий. Мысль о том, что из этого измученного тела будут продолжать отдирать, выжигать или вырывать куски, заставила его передернуться от жалости и отвращения.

Зелот внимательно посмотрел на него.

— Типично греческое замечание, — сказал он.

Деметрий покраснел.

— Ничего, — сказал зелот, — никто и не ожидал, что ты поймешь.

Это правда, подумал Деметрий. Он никогда не понимал и вряд ли поймет. Существовали вещи, которые невозможно понять, размышляя о них. Все зависело от происхождения. Он не чувствовал в своей крови того, что чувствовал зелот, — печали родной земли.

— Вы не хотите, чтобы вас понимали, — с раздражением сказал он.

— Ты прав, — сказал зелот. — Мы хотим, чтобы нас оставили в покое. У нас свое предназначение. И раз у нас есть Бог, зачем нам нужны другие люди?

— А как насчет мира и покоя? — поинтересовался Деметрий.

— Только не теперь. Слишком высока плата.

Деметрий вздохнул. Героизм также относился к вещам, которые нельзя было понять, если их не ощущаешь.

— Поэтому вы предпочитаете умереть?

— Если бы ты не годился мне во внуки, я бы воспринял твой вопрос как оскорбление.

— Но это бессмысленно! — с возмущением сказал Деметрий. — Чего вы добьетесь? Как можно бороться с империей? Вас раздавят, как… как…

— Виноград в давильном прессе, — закончил фразу зелот и улыбнулся.

Деметрий узнал эту улыбку: он видел ее на самых разных лицах, но она была неизменной. В ней было что-то сугубо личное, она свидетельствовала об обладании сокровищем, недоступным для непосвященных, и означала, что продолжать спор бессмысленно.

Он промолчал. Молчание затянулось, преобразилось в спокойствие. Он увидел, что зелот уснул.

Город Птолемей уютно расположился в северном конце вытянутой мелководной бухты, прорезавшей неприступное побережье. Чтобы сделать естественную гавань глубоководной, были построены два мола, идущие на юг и восток от берега. Птолемей был римским портом и играл роль торгового центра для плодородной равнины, простирающейся за ним. Давно забытый египетский царь дал городу название, а оставшийся в памяти царь Иудеи подарил ему отличный спортивный зал. Симон Волхв принес в город свою новую религию, используя для новых целей свои знания древней магии.

Прогуливаясь однажды утром по набережной спустя несколько дней после своего приезда, он обратил внимание на странную круглую башню, стоящую на одном из молов ближе к берегу. Башня была около тридцати футов высотой и десяти футов в диаметре и построена из больших блоков песчаника, с квадратными амбразурами, расположенными по спирали. Заинтересовавшись, Симон подошел ближе. Над входом была надпись на латыни, посвященная богине фортуны, и па-

троним «Феликс». Внутри башни обнаружилась винтовая каменная лестница, упирающаяся в открытое небо.

Симон отошел подальше и стал внимательно изучать строение. Оно явно не предназначалось для оборонительных целей: амбразуры были слишком широкими и представляли собой скорее окна, чем бойницы. Но для чего еще могла служить башня, было не ясно.

Он навел справки в городе и узнал, что она была построена зажиточным горожанином в честь фортуны, которая была к нему незаслуженно благосклонна. Он завещал башню жителям его родного города, сопроводив дар пророчеством, согласно которому человек, нашедший для нее подходящее применение, будет считаться самым умным человеком в городе и, как следствие этого, плохо кончит. Озадаченные сограждане провели в башне несколько не очень удачных вечеринок и оставили ее в покое, не испытывая большого желания плохо кончить. Каменная кладка начала деформироваться, так как у башни не было крыши, и со временем все сооружение должно было неминуемо рухнуть как доказательство веры Феликса в бессмысленность жизни.

Симона развеселила эта история. Он вернулся

к башне и снова осмотрел ее. Бессмысленное сооружение, ничего не содержащая оболочка, посвященная слепому случаю, без крыши, но со множеством окон… Оно задело его воображение. Он долго глядел на башню и увидел в ней смысл.

Он сообщил, что если горожане соберутся у башни на следующий вечер через час после наступления темноты, они получат ответ на загадку Феликса и станут свидетелями таинства, которое затмит все загадки.

На следующий вечер лавочники закрыли свои лавки пораньше, театр и таверны опустели. Возбужденная толпа заполнила набережную. Группа молодых остроумцев устроилась на верху башни с кувшином вина. Симон предложил им остаться, если они желали стать частью магического эксперимента, и они быстро спустились вниз.

С большим трудом удалось уговорить зрителей образовать вокруг башни круп многие были уверены, что главное зрелище будет совершаться у входа, и отказывались куда бы то ни было сдвигаться. Когда в конце концов зрители расположились вокруг башни так, чтобы каждому было видно как минимум два окна, Симон жестом вызвал из толпы Елену. На ней была темная накидка, лицо скрыто под вуалью. Она прошла

с Симоном внутрь башни и поднялась наверх по лестнице. Симон держал большой факел, который позаимствовал у одного из зрителей.

Когда они дошли до конца лестницы и вышли на небольшую платформу на самом верху башни, Симон снял вуаль с Елены, и ее длинные волосы рассыпались по спине. Он снял с нее накидку, и толпа ахнула при виде платья из прозрачной серебристой материи, казавшейся в свете факела почти белой.

— Вскоре вы станете свидетелями чуда, — сказал Симон, обращаясь к толпе внизу. — Вы увидите нечто невероятное. Смотрите внимательно на окна и не сходите со своих мест.

Симон и Елена исчезли. То, что произошло после этого, горячо обсуждалось в городе еще несколько лет. Каждый стоящий вокруг башни одновременно увидел в каждом окне одно и то же. Из двенадцати окон круглой башни одновременно выглядывала женщина с длинными волосами, сверкающими в лунном свете, и держала в руке факел, освещающий старую каменную кладку и пораженные лица собравшихся зрителей.

Толпа затихла, потом раздались возбужденные голоса.

— Что происходит? Я вижу ее в трех окнах!

— Она и там тоже.

— В башне зеркало.

— Зеркало? Да их там десяток.

— При чем тут зеркало, придурок, если мы видим ее лицо.

Снова появился Симон, один, наверху башни, и видение исчезло. Он поднял руку, тщетно призывая толпу к тишине.

— То, что вы видели, — кричал он, — не было фокусом с зеркалами. Здесь нет никаких зеркал. Войдите и проверьте. То, что вы видели, одновременно и иллюзия, и правда. Если вас интересует объяснение загадки, как свет от одного источника может рассеиваться во многих местах сразу, приходите завтра утром на набережную. Я объясню вам смысл того, что вы видели, и расскажу вам о вас самих.

Путь из Иоппии в Кесарию пешком занимал полтора дня. Поскольку ослик, на котором Кефа ехал верхом, должен был передвигаться со скоростью человека, который шел рядом с верблюдом, путь и занял полтора дня и был не менее утомительным, чем если бы Кефа шел пешком. Ослик был костлявым, и тело Кефы, привыкшее к морской качке, никак не могло приспособиться к ритму движения, состоявшему главным образом

из неравномерной череды толчков в копчик. Верблюд плохо переносил присутствие ослика и время от времени начинал лягаться. В такие моменты ослик, проявляя чудеса неожиданной резвости, отпрыгивал в сторону, описывал полукруг и пытался укусить верблюда за заднюю ногу. Погонщик верблюда с невероятной ловкостью хлестал кнутом верблюда по боку, осла — по морде, и путешествие продолжалось.

Когда все повторилось в пятый раз, Кефа начал подумывать, не совершил ли он ошибку, согласившись на это путешествие. Он полагал, что оказывает услугу погонщику верблюда: тот утверждал, что одному человеку с такими строптивыми животными не одолеть тридцати миль пути до Кесарии. Вдобавок жаркое обсуждение этой темы, случайно подслушанное на базаре, донеслось до него так отчетливо и настолько не согласовывалось с его собственными мыслями, что он воспринял его как нечто предназначенное для него специально. Что поделаешь, есть знаки и есть ошибки. Что касается помощи погонщику верблюда, то единственное, что Кефе удалось сделать, — это поспособствовать дальнейшему ухудшению характера осла.

Когда они добрались до города, Кефа настолько

устал, что мог испытывать лишь бесконечную благодарность за то, что толчки, прыжки и укусы вот-вот окончатся. Они отвели верблюда, груженного коврами, к амбару, и погонщик, коротко поблагодарив Кефу, взял на попечение осла. Кефа побрел по улице, разминая уставшие ноги и машинально двигаясь туда, где, по его представлению, находилось море. Он прошел с полмили, повернул и застыл в изумлении.

Он, конечно, слышал о знаменитой бухте Кесарии. Кто о ней не слышал? Он думал, что рассказы о ней были преувеличением. Но — никакого преувеличения. С места, где он замер, ему открывались широкий мол, по дуге уходящий в море за мачтами стоящих на якоре кораблей, несколько массивных оборонительных башен и — по обе стороны устья бухты — группа исполинских каменных статуй.

Его взгляд, повторяя контур набережной, скользил вдоль домов, заслоняющих вид на северную часть бухты, и наткнулся на огромное здание, стоявшее на возвышенности чуть правее от него. Пораженный его размером и ослепленный солнечным светом, отраженным от полированного камня и бронзовых панелей, он внимательно рассматривал здание, пока не понял, что это

такое. Храм императора, возомнившего себя богом, великая профанация. Говорили, что внутри были две самые большие статуи в мире: самого императора и женщины, олицетворяющей Рим. Расположенный так, чтобы его было видно с расстояния нескольких миль от берега, храм являл морю и суше и всем народам воплощение языческого фанатизма и гражданского повиновения; и он был возведен человеком, называвшим себя иудеем.

Кефа медленно побрел в обратную сторону. Он не желал видеть ни бухты, ни храма, ни других городских чудес. Это было неподходящее для него место. Его охватила невыносимая усталость и опустошающая уверенность, что он все делал неправильно — и так долго, что исправить что-либо не было никакой возможности.

Он миновал амбар и пошел дальше, не имея ни малейшего представления, куда идет. Наконец в отдалении он увидел знакомые очертания синагоги и ускорил шаг. В языческом городе это было подобие дома. Там древние ритуалы, которые несут покой, и Бог, которому не нужны статуи.

Но когда он дошел до места, то увидел, что перед входом идет яростная перебранка. До Кефы донеслись слова «порочность», «грязь» и «лицемер»,

но, не успев выяснить, в чем причина спора, он увидел в толпе знакомое лицо. Это был Марк, который когда-то регулярно посещал их собрания в Иерусалиме, а потом, как он вспомнил, переехал с семьей в Кесарию.

У Кефы не было времени решить, хочет он видеть Марка или нет. Марк бросился к нему:

— Кефа, Кефа! Слава Господу, ты вернулся!

— Послушай, — сказал Кефа — я должен кое-что…

— Слава Господу, слава Господу. Я *молился*… Кефа, в этом городе творится нечто ужасное.

— Этот человек находится во власти сатаны, — сказал Иаков Благочестивый. — Я всегда это подозревал. Его цель — ниспровержение религии.

— Возможно, — предположил Иоанн Бар-Забдай, — его идея религии отличается от твоей.

Иаков бросил на него гневный взгляд.

— От нашей, — исправился Иоанн Бар-Забдай.

— Принципы религии, — сказал Иаков Благочестивый, — очень просты, а всякий имеющий свои идеи относительно них — отступник.

— Ты жестокий человек, Иаков.

— Как крестьянин, который вырывает сорняки, растущие среди злаков.

— Насколько я помню, — в задумчивости сказал Иоанн, — Иешуа говорил об этом. Он говорил, чтобы и те и другие, сорняки и злаки, росли вместе, пока не придет время собирать урожай.

— Иешуа, — сказал Иаков, — не вырастил и грядки бобов за всю свою жизнь.

Наступила тишина, прерываемая только щелканьем ногтей Иакова, который ловил вшей. В последнее время вшам приходилось трудно: Иаков привык истреблять их в минуты озабоченности, а в последние недели он все чаще бывал озабочен.

Он с раздражением посмотрел на Иоанна:

— Хорошо, что ты предлагаешь? Позволить ему продолжать в том же духе?

— Уже поздно. Люди, которых ты послал в Антиохию, уже разговаривали с новообращенными Савла.

— Люди, которых *мы* послали в Антиохию. Неужели, Иоанн, ты отказываешься взять на себя хотя бы какую-то долю ответственности? Может быть, ты тоже хотел бы отстраниться, как Кефа.

Иоанн переменил положение, дотянулся до чаши с орехами, стоящей на полу посредине, и задумчиво задвигал челюстью.

— Извини, — наконец сказал он. — Я не соби-

рался взваливать всю ответственность на тебя. Но, боюсь, я не отношусь к этому вопросу так же серьезно, как ты.

— Обрезание — заповедь, данная Аврааму, и с тех пор соблюдалась всеми евреями мужского пола и всеми новообращенными мужского пола. И ты не считаешь это *серьезным?*

— Конечно, это серьезно, — сказал Иоанн, не поднимая головы. — Но я не могу поверить, что это важнее, чем душа человека.

— Тебя и не просят верить в подобную глупость. Единственное, во что тебя просят верить, — это в то, что обрезание необходимо для спасения.

Иоанн жевал очередную порцию орехов. Он ничего не сказал.

— В это ты *точно* веришь?

— Я не знаю, — сказал Иоанн.

— Ты не знаешь?

— Иешуа всегда предостерегал нас от того, чтобы придавать слишком большое значение внешнему соблюдению Закона.

— Иешуа… — Лицо Иакова исказилось, и он не закончил начатую фразу.

Иоанн попытался догадаться, что хотел сказать Иаков, и понял, что никогда этого не узнает. Иногда ему казалось, что Иаков все еще нена-

видит своего брата. Он отбросил эту мысль, ужаснувшись, что она вообще могла прийти ему в голову.

— Иешуа, — спокойно продолжил Иаков, — был совершенно прав, полагая, что дух Закона важнее, чем буква. Он вряд ли имел в виду, что Закон следует нарушать. — Он пристально посмотрел на Иоанна: — Не так ли?

— Конечно.

— А Савл нарушает Закон, не настаивая на обрезании, когда обращает язычников в нашу веру.

— Конечно, это так, — сказал Иоанн, — но, если бы он настаивал на обрезании, они бы, возможно, не обратились в нашу веру.

— Тогда, если они настолько несерьезны, с ними вообще не стоит иметь дела.

Иаков вынес окончательный вердикт. Иоанн понял, что вопрос закрыт. Он смотрел на Иакова, который в задумчивости теребил свою запутанную бороду, и заметил, что глубокая морщина между бровями брата Иешуа стала еще глубже. Он понял, насколько Иаков одинок.

В порыве молчаливого сочувствия Иоанн пододвинул чашу с орехами ближе к Иакову.

— Спасибо, — сказал Иаков. — Но орехи застревают в дырах в моих зубах. Я постоянно мучусь

от зубной боли.

— Меня это не касается, — сказал Кефа.

В течение последних суток он повторял эти слова снова и снова, обращаясь в основном к Марку.

В данный момент он говорил сам с собой, поскольку Марк отказался идти с ним дальше, указав на дом центуриона.

— Я уверен, вы меня поймете, — сказал Марк извиняющимся тоном. — Мне здесь жить.

— А мне вообще не надо было сюда приходить, — сердито сказал Кефа, обращаясь к отсутствующему Марку.

В конце концов, его это действительно не касалось. Офицер был язычником. Да, он благожелательно относился к вере, давал деньги синагоге и получил наставление — но он не был принят в их веру. Он оставался язычником, и если вновь обратился к языческим обрядам, в этом не было ничего особенного.

Однако, по словам Марка, происходящее в доме центуриона выходило за рамки обычных языческих обрядов.

— Ужасающие вещи, — говорил Марк, потупившись. — Я не могу вам сказать. Оргии. Они едят… — Его передернуло, и он не закончил фразы.

Подходя к дому, Кефа раздумывал, что же они

такое едят. То, что они обычно ели, было уже более чем отвратительно. Свинину, моллюсков… Ему придется войти в это нечистое место, и его уже мутило от воображаемых картин и запахов. А для чего? Впечатлительный юноша, который решил, что раскрыл заговорщиков, ставивших своей целью развратить мир. Да пусть он развращается. Невинным ничто не угрожало.

Кефа стоял у самых ворот, когда в его памяти всплыло лицо человека, чье имя он забыл. Действительно ли невинным ничто не угрожало? Почему тогда кожевенник из Иоппии так испугался, увидев его?

Он постучал. В доме не было никаких признаков жизни. Он поднял щеколду и вошел во внутренний дворик.

Дом был большим, с элегантным внутренним двориком, украшенным скамьями, кустами и фонтанами. У центуриона были собственные средства помимо армейского жалованья. Хотя было уже темно, свет в доме не горел. Однако, стоя там неподвижно, чувствуя, как волосы у него на голове встают дыбом, Кефа услышал голоса. Голоса доносились из закрытого ставнями окна слева он него. Он двинулся к окну, стараясь бесшумно ступать по каменной дорожке и вни-

мательно изучая ставни. Он заметил, что сквозь щели не проходит ни лучика света, а значит, окна занавешены чем-то изнутри, чтобы нельзя было увидеть, что происходит в доме.

Он прислушался. Голоса прекратились, но было слышно какое-то движение.

Он осознал, насколько его положение нелепо, а потом — насколько оно опасно. Если его схватят, то сразу же бросят в тюрьму без всяких вопросов. Или его могут забить до смерти слуги.

Но где слуги? Казалось, дом пуст — кроме комнаты с закрытыми ставнями, где, возможно, происходила оргия, о которой говорил Марк. Принимали ли слуги участие в оргиях? Вряд ли. Скорее всего то, что происходило в комнате, было настолько отвратительным, что слуг отослали на весь вечер. Тогда дом должен был быть заперт.

Кефа снял сандалии и подошел к парадному входу. Он попытался открыть дверь. Она была заперта.

— Это не моя работа, — сердито прошипел Кефа сквозь зубы.

Он обошел вокруг дома и нашел маленькое окно в укромном уголке, скрытом зеленью. Ставни были затворены, но щель между ними была достаточной, чтобы вставить туда лезвие ножа.

Кефа вынул из-за пояса свой нож для разделки рыбы. Щеколда отошла легко и практически бесшумно. Он отворил ставни и с трудом взобрался на подоконник.

— Я слишком стар для этого, — пробормотал он.

Он ползком пробрался внутрь и, перевалившись через подоконник, оказался на кухне. На столе горой валялись куриные объедки, раковины моллюсков и обглоданные кости с остатками белого мяса. Подавив приступ тошноты, он прошел в коридор. Остановился, соображая, куда идти, и вновь услышал голоса, повторяющие что-то вроде молитвы. Он пошел на звук по коридору, миновал несколько комнат и приблизился к двери, из-за которой слышались голоса.

Он постоял там немного, не пытаясь вслушиваться, поскольку то, что он слышал, мало о чем ему говорило. Позже он понял, что, должно быть, молился, но единственное, о чем он думал, когда открывал дверь, — это о том, что оставил сандалии снаружи.

Он отворил дверь и вошел в комнату.

Темно. В воздухе тяжелый искусственный запах. В дальнем конце комнаты жаровня. У стен диваны, а на диванах…

— Господи Боже, — закричал Кефа, — Ты разрушил Содом: как Ты позволяешь это?

Движение на диванах резко прекратилось. На него с испугом и изумлением смотрело тридцать пар глаз.

— Выйди, сатана, — громыхал Кефа, — и назови себя. Воистину царствие Ада воцарилось на земле. Пусть небеса падут и сотрут эту картину с моих глаз. Господи Боже, если Ты видишь, снизошли Твой гнев…

— Что ты здесь делаешь? — сердито спросил мужчина в дальнем конце комнаты.

— Сровняй этот притон гнусности с землей, сожги его дотла пламенем Твоего гнева. Не оставь камня на камне, пусть не обойдет Твой священный гнев никого из этих детей, погрязших в грехе.

Кефа остановился, чтобы перевести дух. Все замерли в полной тишине. Ничего не происходило.

— Твой бог, — сказал мужчина в дальнем конце комнаты, — видимо, единственный, кто тебя не слышал. Ты нарушил религиозный обряд и, полагаю, вторгся в чужое жилище. Убирайся вон, пока мы тебя не убили.

— Убейте меня, — сказал Кефа.

Наступила пауза.

— Убейте его, — сказал мужчина в дальнем конце комнаты.

Полдюжины молодых людей, таких юных, с грустью отметил Кефа, что могли быть его сыновьями, вскочили с диванов и бросились к нему. Они неловко его схватили. Их неловкость, подумал Кефа, была каким-то образом связана с тем фактом, что они были нагими, а он нет. Схватив его, они не знали, что делать дальше.

— Свяжите его, — сказал один из них.

Начался поиск чего-нибудь, чем можно было бы его связать. Наконец нашелся шелковый кушак, и им связали его руки, заведенные за спину. Это был самый дорогой предмет одежды, который ему когда-либо приходилось носить.

Связав ему руки, мужчины посмотрели друг на друга в нерешительности. Так как он не сопротивлялся, не было смысла связывать ему ноги. В любом случае, чтобы связать ему ноги, был нужен еще один кушак, а также нужно было усадить его на пол, что было глупо, поскольку он не сопротивлялся, а они все равно собирались его убить.

— Что нам теперь делать? — тихо спросил один.

— Убей его, — прошептал другой.

— Чем? — шепотом спросил третий.

Они смущенно оглядывались, будто ожидали, что из стены вырастет меч.

— У меня за поясом вы найдете нож, — сказал Кефа. — Будьте осторожны, он очень острый. Я им потрошу рыбу.

Руки, держащие его за плечи, немного расслабились, словно обмякли от удивления. Никто не решился вынуть его нож из-за пояса.

— Кто ты? — спросил человек в дальнем конце комнаты.

— Меня знают как Кефу, — сказал Кефа, — и я хранитель Ключа от Царствия Небесного.

Это было подобно тому, как если бы он бросил камень в колодец и, пока от него распространялись круги и звук постепенно доходил до слуха стоящих наверху, сам камень продолжал свое невидимое, тревожное движение вниз.

— Он безумен, — наконец сказал кто-то.

— Подведите его сюда, — сказал мужчина в дальнем конце комнаты.

Кефу подвели к нему. Умные, сердитые глаза мужчины скрывали замешательство.

— Ты — центурион Корнелий? — спросил Кефа.

— Здесь я задаю вопросы. Зачем ты незаконно

проник в этот дом?

— Извиняюсь, — произнес Кефа. — В тот момент мне это казалось правильным. Я пробрался через окно кухни, оно было плохо закрыто. Вам следует что-нибудь с ним сделать. Ты — Корнелий?

Казалось, центурион внутренне борется с гигантским психологическим препятствием. Наконец он сдался.

— Да, — сказал он, — я Корнелий.

— Хорошо. Я пришел повидаться с тобой.

— Я тебя не знаю. И я, как правило, не разговариваю с сумасшедшими.

— Я не сумасшедший, — сказал Кефа. — Просто, как говорят, немного вспыльчивый.

— Ты в своем уме? И у тебя есть ключ от царствия небесного.

— Да.

— Непохоже, чтобы у тебя был ключ даже от своего дома.

— Это правда, — сказал Кефа. — У меня ничего нет, кроме одежды и ножа.

— Ты знаешь, что я действительно мог бы тебя убить.

— Конечно, мог бы, — сказал Кефа. — От этого никому бы не стало легче, возможно кроме меня. В городе говорят, что ты был хорошим человеком,

религиозным человеком. Что произошло?

— Не существует такого понятия как хороший, есть только правда, — раздраженно сказал центурион. — И я по-прежнему религиозен.

— Ты *это* называешь религией?

— Если ты приведешь хотя бы одну причину, почему я должен отвечать на твои вопросы, я на них отвечу.

— Я приведу причину, — сказал Кефа, — но сперва ты должен позволить мне немного поговорить. И было бы еще лучше, если бы мне развязали руки.

Центурион колебался. Потом пожал плечами. Вперед вышел человек и развязал Кефе руки.

— Спасибо, — сказал Кефа. — Здесь темновато. Не возражаете, если я?..

Он зажег несколько свечей от жаровни и вставил их в подсвечники. Тридцать пар удивленных глаз наблюдали за ним. Тридцать пар рук инстинктивно потянулись, чтобы прикрыть срамные места от неожиданно яркого света.

— Есть вещи, которые следует делать в темноте, и вещи, которые следует делать при свете, — сказал Кефа, — и я вижу, что вы это понимаете. А есть вещи, которые вообще не следует делать, что вы тоже понимаете, но кто-то сбил вас с толку.

Бог послал меня сюда. Я не знаю, какому богу вы поклоняетесь, но Бог, которому поклоняюсь я, живет при свете, и первой вещью, которую Он сотворил, был свет. Я расскажу вам о Нем.

Он никогда не чувствовал такой уверенности. Он проповедовал целый час, люди не сводили с него глаз, и он видел, как их выражение постепенно менялось — подозрительность сменялась осторожным интересом, а у одного или двух он даже заметил проблеск рвения, от чего у него всегда замирало сердце, потому что это означало, что еще одна душа начала свою нелегкую дорогу по Пути. Его глаза наполнились слезами, и они полились, словно дождь, и в глазах у всех, кто на него смотрел, были слезы.

Он воздел руки и начал страстно молиться за тех, кто стоял вокруг него, и когда он стоял так, с воздетыми руками и лицом, обращенным к Небесам, он чувствовал, как благодать, любовь и безграничная сила льются в него, обновляя и преобразовывая, прибывая все больше и больше, пока не наполнили его до краев и не стали переливаться через край, и тогда сила начала выплескиваться наружу и заполнила собой всю без остатка комнату и на своей гигантской волне подняла души всех присутствующих к Богу.

Сперва он не осознавал, что происходит вокруг. Он пришел в себя, только когда раздались исступленные вопли. Тогда он увидел, что в комнате царит суматоха. Люди, которые его внимательно слушали, рыдали, выли, смеялись, бились в конвульсиях, лепетали, вопили и выкрикивали что-то на непонятных языках — это было самое необузданное проявление Духа, которые Кефа когда-либо видел. Онемев, он с изумлением смотрел вокруг себя.

Дух снизошел.

А ведь эти люди не были даже…

Была только одна вещь, которую он мог сделать. Он сходил на кухню, нашел кувшин с водой и окрестил их.

— Как ты думаешь, как долго мы здесь находимся? — спросил зелот.

— Я не знаю, — сказал Деметрий.

Он давно потерял счет дням. Время от времени он заставлял себя начинать счет снова. Он разламывал соломинки из подстилки на короткие кусочки и откладывал одну соломинку каждое утро, но потом он забывал это сделать, или тюремщик отпихивал маленькую кучку соломинок ногой и смешивал ее с подстилкой, в любом случае количество не подсчитанных дней намного

превосходило количество подсчитанных, и он вовсе отказался от затеи.

— Шесть месяцев? — предположил он. — Год? Десять лет?

Шутка была сомнительной, но зелот улыбнулся.

— По счету Всевышнего, тысяча лет равна дню, — сказал он.

— Мне это не очень помогает.

— Неужели? Но ты молод.

Деметрий привык к тому, что все, что бы он ни сказал, отметалось либо потому, что он грек, либо потому, что он молод. Он решил не обижаться на это, поскольку обижаться было бессмысленно. В любом случае они с зелотом беседовали нечасто. Зелот большую часть времени спал, молился, смотрел в пространство или разглагольствовал и терпеть не мог, когда ему мешали этим заниматься. Деметрий открыл в себе неожиданный талант спать и смотреть в пространство. Он не молился. Он дал себе зарок никогда больше не молиться.

Зелот ошеломил его своей следующей фразой:

— У меня такое чувство, что я здесь долго не задержусь. Если ты собираешься рассказать мне о себе, лучше сделать это сейчас.

Деметрий заморгал:

— Почему?..

— Неважно, — сказал зелот. — Расскажи мне.

Деметрий пошевелил ногой солому и обнаружил, что у него полностью отсутствуют какие-либо мысли.

— Ну, — помог ему зелот, — где ты родился?

— Я не знаю, — сказал Деметрий. — Моя мать была рабыней. Она умерла, когда мне было два года. Я рос вместе с детьми других рабов. Это было в Киликии, но я думаю, моя мать была родом из Фракии. Я не знаю, где я родился. Я даже не знаю, как звали мою мать.

Зелот смотрел на него так, будто видел его впервые.

— Я полагаю, — сказал он, — было бы глупо спрашивать, как звали твоего отца?

— Очень глупо, — подтвердил Деметрий.

— Сколько тебе лет?

— Когда меня арестовали, мне исполнилось шестнадцать.

— Шестнадцать? И шестнадцать лет ты не знал, кто ты и откуда ты родом? Для меня это… — зелот подбирал слово, — невообразимо.

— Я понимаю, — сказал Деметрий. — Должно быть, утешительно знать, откуда ты родом.

— А как ты уехал из Киликии?

— Хозяин дома умер, и все пошло с молотка. Нас всех купил перекупщик. Он отвез нас в Берит и продал на рынке. Меня купил, — Деметрий с трудом улыбнулся, — маг.

— Маг! Как его звали?

— Симон из Гитты.

— Никогда не слышал о таком, — решительно сказал зелот.

— Он был знаменитым. Он мог летать.

— Никто не может летать.

— Симон мог. Он многое мог. Я помогал ему иногда. — В голосе Деметрия зазвучали нотки гордости. Он стал описывать годы, проведенные с Симоном, потрясающие и ужасные вещи, которые он видел, необычные места, знатных патронов… В его исполнении получился отличный рассказ. Он добавил кое-что от себя и опустил некоторые вещи, которые были неприятны или сомнительны или которые он просто не понимал.

— Я не верю ни одному твоему слову, — наконец сказал зелот. — Но рассказываешь ты хорошо. Ты, должно быть, был к нему привязан, к своему сумасшедшему хозяину. Почему ты убежал?

— Я не убегал.

— Он тебя продал? Глупец.

— Нет, — сказал Деметрий. — Это *он* убежал.

— Что?

— Он исчез однажды ночью. Взял немного денег и исчез.

Зелот зевнул:

— С чего? Его преследовали власти?

— Не больше, чем обычно, — сказал Деметрий. — Нет, была другая причина. Случилось нечто странное. Я так и не понял. После этого я вернулся к ним, чтобы выяснить, но они только сказали, что он был дурным человеком и что мне будет без него лучше. — Он задумался. — Он не был дурным человеком. Просто они были разными.

— Кто? — спросил зелот сонным голосом.

Деметрий теребил соломинку, наматывая ее вокруг пальца. Прошло два года, а может быть, и больше, а он так и не решил, как относиться к тому, что произошло.

— Вы слышали когда-нибудь, — спросил он, — о секте, которая называется Люди Пути?

Последовала долгая задумчивая пауза, а потом раздался храп зелота.

— Сидон намного приятнее Тира, — отметил Симон, когда они наблюдали за тем, как на соседней площади собираются люди. — Ты была совершенно права, когда не хотела туда возвращаться.

— Это ты не хотел возвращаться в Тир, — возразила Елена.

— Чепуха, — сказал Симон. — Я прекрасно помню, как ты сказала…

— Ну хорошо, — устало сказала Елена. — Возможно, я забыла, что я так сказала.

Симон кивнул головой — он был доволен. Его проповеди пользовались популярностью. Он не был уверен, что люди его понимают, но в этом не было ничего удивительного; требовалось время, чтобы осознать столь радикальную концепцию. Пока они бросились воплощать ее на практике. В полудюжине городов он оставил энергичные, хорошо подготовленные группы новообращенных. Группы были немногочисленными, но они будут расти, привлекая избранных членов местного сообщества. Процесс отбора был важен: в ритуале не было места глупым или легкомысленным. Группы будут расти, распространяя свое влияние на влиятельных и богатых, на деловых людей и проповедников, на философов и политиков, на людей, занимающих руководящие посты в армии, и таким образом его идеи проберутся на самый верх, к людям, которые…

— Нет, нет. — Симон оборвал свои головокружительные мечты. Мир невозможно перевернуть

в мгновение ока.

Тем не менее он начал верить, что работа, которая в его представлении должна была занять несколько поколений, могла быть исполнена в течение его жизни.

Площадь постепенно наполнялась народом. Он пообещал исполнить чудо. Они слушали его проповедь, но пришли увидеть чудо. Такова человеческая природа. Его слава бежала впереди него, и, как только он появлялся в каком-нибудь прибрежном городе, его засыпали просьбами показать знамение или чудо. То, что начиналось как бегство в неизвестность, превратилось в триумфальное шествие.

Он не позволял вскружить себе голову, как это случилось однажды. Но пошел на некоторые уступки своей славе. Теперь во время публичных появлений он одевался в белое платье, украшенное богатой золотой вышивкой. Платье Елены было таким же, но расшитым серебром. На голове у обоих были тонкие диадемы: у него золотая, у Елены серебряная. «Символы двух родственных светил — солнца и луны», — объяснял он удивленным ученикам.

Толпа шевелилась и гудела, красочная в ярком полуденном солнце.

— Давай спускаться, — сказал он.

— Это кризис, — объявил Иаков Благочестивый.

— Должно быть, ты его ожидал, — сказал Иоанн Бар-Забдай.

— Поменьше бы ты говорил об этом, — раздраженно сказал Иаков.

Он подергивал бороду, чтобы успокоиться, а когда это не помогло, поймал и прикончил вошь. Более спокойным голосом он сказал:

— Естественно, я ожидал кризиса. И не только ожидал, но и был рад.

— А-а… — сказал Иоанн Бар-Забдай.

— Это скрытое благо. Кризис даст нам потрясающий шанс. Он закалит нас. Сделает атмосферу чище.

— Будет очень трудно, — сказал Иоанн Бар-Забдай.

— Да, — сказал Иаков. Он прикончил еще одну вошь.

— Когда он приезжает? — спросил Иоанн.

— Не знаю. Когда имеешь дело с Савлом, трудно сказать что-либо определенное. Если он будет останавливаться, чтобы повидаться со всеми своими друзьями, он и через год не приедет. С другой стороны, он может прибыть завтра.

— Это было бы скрытое благо, — прошептал Иоанн. Он не встречался с Савлом, только слышал истории про него. Две трети из того, что ему рассказывали, он отбросил как сплетни, порожденные завистью, страхом или злобой. Но и трети сказанного было достаточно, чтобы представить человека чуть ли не демоном. Иоанн с нетерпением ждал встречи с тем, кто на расстоянии трехсот миль был способен заставить нервничать Иакова; но он считал, что говорить об этом необязательно.

— Хорошо, — сказал Иаков с неубедительной беззаботностью, — мы готовы его встретить.

— Да, — сказал Иоанн.

— Он станет говорить, будто мы вмешались в дела его общины, что, конечно, неправда. Единственное, что сделали наши люди, — это указали на то, что его новообращенные не могут быть членами братства, пока не сделают обрезание. Никто не может этого оспаривать. Я ему скажу…

— Зачем занимать такую оборонительную позицию? — спросил Иоанн. — Нет сомнения, что ты как действующий глава иерусалимской общины должен попросить его отчитаться за *его* действия.

— И я попрошу. Несомненно. Я это сделаю.

Возникла немного неловкая пауза. По вине Иакова. Его взгляд метался по комнате, словно что-то искал.

— Действующий глава? — повторил он.

— Не хотел тебя обидеть, — сказал Иоанн.

— Ты тонкий человек, — сказал Иаков. — А так вроде бы и не скажешь. Из тебя вышел бы хороший правовед.

— Спасибо.

— Я полагаю, ты прав. Возможно, я лишь номинальный глава, и нам нужен Кефа.

— Кто знает, где он может быть, — заметил Иоанн. — А вдруг он уже умер?..

— Он жив. Я узнаю, когда Кефы не будет в живых. Нам просто необходимо его отыскать, — сказал Иаков.

Кефа стоял на равнине, спиной к морю, и смотрел на родные холмы. Это были зеленые холмы в отличие от голых каменистых гор юга: холмы, поросшие дубами и платанами, холмы, усыпанные цветами, холмы, где и в самый палящий летний зной отыщется ручей, который утолит жажду. Он знал их до мельчайших деталей, как знают собственное тело. Он легко мог найти место, где мальчиком разорил птичье гнездо, а затем, полный раскаяния, вернул яйца на место

и нашел их несколько месяцев спустя сгнившими, а гнездо пустым. Он не видел этих холмов пятнадцать лет.

Ему было невероятно грустно оттого, что они не взволновали его так, как он того ждал. Он почти боялся возвращаться сюда, и, если бы в эти места его не привели поиски, он бы не вернулся. Но прошлое не нахлынуло на него, а оставило равнодушным. У него не было желания взобраться на далекий горный кряж и посмотреть вниз на Озеро. У него не было желания увидеть свою деревню. После пятнадцати лет отсутствия даже и думать было нечего, чтобы встретиться с женой.

Елизавета. Острая на язык и добросердечная, она всегда переживала из-за денег. Он был ей плохим мужем. Времени не хватало. Вот и теперь не было времени. Возможно, когда-нибудь время появится и тогда он вернется.

Он повернулся и пошел своей дорогой. До города оставалось несколько миль. Пока он шел — странно, но, как только он определился, куда ему надо идти, никто не предлагал подвезти его, и он шел уже несколько дней, — его глаза были прикованы к заливу и маленькой бухте, расположенной на его северной оконечности. Издали она казалась совсем крошечной на фоне бескрайнего

неба, но при штормовом ветре с запада в ней не поздоровится.

Именно в гавань он и направился, как только достиг города Набережная — лучшее место, где можно узнать новости. Он в изнеможении сел на швартовую тумбу неподалеку от волнореза и через какое-то время поймал себя на том, что смотрит на странную каменную башню слева от него. Что-то в ней привело его в недоумение. Он попытался сообразить, для чего она предназначена.

Он решил без промедления приступить к своему делу, как только найдется подходящий человек, который мог бы ответить на его вопросы. Но, к своему удивлению, он вместо этого стал спрашивать о башне.

— Вот ведь что интересно, — сказал плотник, охотно отложив в сторону молоток. — Еще недавно я бы сказал, что это бесполезная вещь, зря столько хорошего камня потратили. Но месяц назад в этой башне произошло нечто особенное — я это видел собственными глазами, поэтому не думайте, что я рассказываю небылицы…

— Это, в общем-то, не имеет значения, — сказал Кефа. — Не хочу отнимать у вас время…

— Время? Господь с вами, сейчас мертвый се-

зон. Месяц назад в этой башне — учтите, дело было ночью, но я все прекрасно видел, и не я один, — была женщина, которая держала в руке факел, у нее были длинные золотистые волосы, распущенные, очень красивые, и она высовывалась вон из того окна…

— Какого из них? — спросил Кефа.

— В этом-то и *дело,* понимаете? Она высовывалась из *всех* окон!

— И что в этом особенного?

— Она высовывалась из двенадцати окон, — терпеливо объяснял плотник, — одновременно!

— Спасибо, что из-за меня прервали работу, — сказал Кефа, — но мне пора…

— А мужчина, который был с ней, он сказал, что, если мы все придем на то же место на следующее утро, он расскажет нам, в чем дело. Что-то про свет и как он оказывается в разных местах. Я не пошел…

— Как его звали? — резко спросил Кефа.

— Как я уже сказал, я не пошел утром, поэтому я так ничего и не узнал об этом, но, как я понял, он был каким-то магом. Я вам так скажу, все это было сделано при помощи зеркал.

— Как мне его найти? — настойчиво спросил Кефа.

— Бог с вами, их уже здесь нет. Они всего-то пробыли несколько дней. Я слышал, они отправились дальше по побережью. Вы их найдете в Тире или в Сидоне. Он ваш друг, что ли?

— Когда за тобой придут, — сказал зелот, — не говори, что твой хозяин сбежал.

Странно, что именно эта фраза была сказана первой после целого дня молчания. Деметрий безуспешно попытался угадать, о чем думал зелот, прежде чем произнести эту фразу.

— Почему? — спросил он.

— Тебе не поверят. Они подумают, что ты дерзишь. *Киттим* не переносят дерзости. В глубине души они чувствуют свою неполноценность. — Он улыбнулся. — Они и есть неполноценные.

— За мной придут? — прошептал Деметрий. Он так долго здесь находился, что стал верить, что будет здесь всегда. С чего им о нем помнить? Он не был кем-то важным.

— Они никогда ничего не забывают, — сказал зелот.

У Деметрия засосало под ложечкой.

— За мной скоро придут, — сказал зелот. Он приподнялся на локте. Спина у него заживала, но подошвы ног все еще гноились. К ведру, стоящему в углу, ему приходилось ползти на коленях,

опираясь на здоровую руку. От помощи Деметрия он отказывался.

— Откуда вы знаете? — сказал Деметрий.

— Мне приснился сон.

Деметрий напрасно ждал — зелот ничего больше не сказал.

— Это неважно, — сказал зелот. — У меня пятеро сыновей.

Это простое замечание, сделанное с подчеркнутой гордостью, и все, что из него следовало, вызвали у Деметрия огромную жалость к себе. Его глаза наполнились слезами. Он заморгал, надеясь, что зелот не заметит.

— Должно быть, нелегко не иметь семьи, — заметил зелот.

Деметрий закусил губу.

— Ну что ты, — строго сказал зелот. — Ты ведь мужчина.

— У меня никогда не было родины, — сказал, всхлипывая, Деметрий.

— Вот и хорошо. У тебя везде родина.

— Только не здесь.

Зелот обвел взглядом грязную камеру.

— Не в вашей стране, — пояснил Деметрий.

— Ну, это другое дело. *Здесь* трудно стать своим. Конечно, если не… Но с чего тебе принимать

нашу веру? Иногда, случается, люди так делают, но я никогда не понимал для чего. Это ведь разные вещи.

— Я думал об этом однажды, — сказал Деметрий.

— Да? Ты мне не говорил.

— Я пытался, — сказал Деметрий, — но вы уснули.

— Извини. Возраст, мой мальчик.

— Это было в Себасте, — сказал Деметрий.

— В Себасте? Эти метисы, идолопоклонники…

— Нет, что вы. Это были хорошие, простые люди. Там был человек по имени Филипп, он лечил калек. Конечно, всех их он вылечить не мог, но многих вылечил. И он рассказывал… Мне нравилось его слушать. Симон тоже приходил, но это было раньше… Они были очень добры, — рассказывал Деметрий. — Во всяком случае по большей части. Они говорили, что самое важное — это любовь. Они называли это Путь.

Рассказ был не более запутан, чем сами события.

— Я слышал о них, — сказал зелот. — Их руководителя казнили, и с тех пор они из кожи вон лезут, чтобы дать этому объяснение.

— Да, с этим действительно какая-то путани-

ца, — сказал Деметрий.

— Потому ты и не остался с ними? Или тебе не разрешил хозяин?

— Да. Нет. Я хочу сказать, что он сам хотел с ними остаться. Но потом он исчез, а я вернулся к ним на какое-то время, — сказал Деметрий, снова запутавшись.

— Ты вернулся?

— На несколько месяцев. Я жил с ними. Потом ушел.

— Почему?

— Потому что… — Что он мог сказать? Настоящую причину назвать было невозможно. — Это было не для меня, — сказал он. — Я не подходил.

— Ты имеешь в виду, — сказал зелот, — что ты не хотел делать обрезание.

Деметрий покраснел. Зелот рассмеялся. И чем больше росло смущение Деметрия, тем громче хохотал зелот. Деметрий сидел с пылающими щеками, сжав от гнева кулаки.

— Мой дорогой мальчик, — наконец сказал зелот, — прости меня, но это ничтожная операция.

— Я знаю, — мрачно сказал Деметрий.

Он теребил ногой солому. Он почувствовал в наступившей тишине, что зелот изучает его. Он внезапно почувствовал вонь камеры и свой

собственный запах. Это был запах тщетности.

— Я трус, — сказал он.

Наступила пауза, а затем зелот сказал:

— Конечно, ты не трус.

Деметрий слушал с недоверием.

— Ты просто не нашел свою смелость, вот и все, — сказал зелот.

— Не нашел? Как мне ее найти? — с горечью спросил Деметрий. — Где я ее могу найти?

— Я не знаю. Может быть, здесь.

Деметрий осмотрелся. Ничто, на чем останавливался его взгляд, не вызывало в нем ни малейшей искры неповиновения.

— Откуда берется ваша смелость? — шепотом спросил он.

— От Бога. — Зелот задумался. — Иногда от отчаяния. Когда ничего не остается, приходит… гнев. Подобно ветру в пустыне. Он очень силен. С ним нельзя бороться. Это ветер, это дух.

Деметрий молчал. Он смотрел на свои ноги. И когда он смотрел на них, они превратились в обожженные, гниющие ноги зелота. Он закрыл лицо руками.

— Но все это может быть впустую! — выкрикнул он.

— «Впустую»! Сын мой, подними глаза! — Лицо

зелота осветилось непонятной радостью. Он снова начал декламировать, его голос становился все громче и громче. — Где был ты, когда я закладывал основание земли? Скажи, если можешь. Кто придумал ее размеры и измерил ее? На чем покоятся ее опоры? Знаешь ли ты, кто заложил ее краеугольный камень, когда утренние звезды пели хором и дети Божьи кричали от радости? Призывал ли ты зорю, указывал ли утру его место? Учил ли ты день цепляться за края земли и поднимать горизонт, словно глину, когда гаснет свет созвездия Пса? Спускался ли ты к источникам моря и погружался ли в его пучину? Видел ли ты врата смерти и привратников Дома Тьмы? Понимал ли ты, как огромен мир?

Его глаза прожигали Деметрия.

— Мы так малы, сын мой. Так малы. И пытаемся измерить своей крохотной мерой замыслы Бога. Нам не дано ничего знать. Мы можем только терпеть. И долготерпение — часть замысла. Ты не можешь поверить в это. Тогда ты должен поверить, что терпение, долгое и постоянное, станет целью. Целью, взявшейся ниоткуда. Вот для тебя героизм: по-моему, довольно греческий.

Он улыбнулся. Он продолжал улыбаться, когда открылась дверь и вошли двое солдат. Они

подхватили его, в их руках он казался совсем маленьким и беззащитным, и потащили его к выходу. Когда его вытащили наружу, он повернул голову и посмотрел назад.

— Да будет с тобой Бог, — сказал Деметрий.

— Триполис, — тихо сказал Симон. — Звучит красиво. Означает «три города», естественно.

— Я знаю греческий, — сказала Елена.

Симон украдкой покосился на нее, стоявшую рядом с ним на трибуне. Время от времени он замечал в воплощении Святого Духа абсолютно земную раздражительность.

— Прости мне мое высокомерие, — сказал он. — Я привык иметь дело с людьми, которые знают меньше, чем я. Тебе надоело путешествовать?

— Да, — сказала Елена.

— Как только мы закончим дела здесь, отправимся в Антиохию и останемся там на какое-то время. Я и сам начал уставать от всего этого.

Это было правдой: постоянные переезды с места на место больше его не радовали. Путешествие по прибрежным городам стало работой, а могло бы быть приключением. Что-то исчезло, возможно чувство опасности. Или он просто старел.

Однако его сила не уменьшалась. Он никогда не был так уверен в себе. Этим он был обязан

ей. Неужели? Возможно, сила вернулась бы со временем и так.

Он смотрел на толпу, собравшуюся внизу. Толпа везде была одинакова. Однажды толпа обернулась против него. На этот раз такого не случится.

Он сделал шаг вперед, и толпа замерла. Он сократил вступление до минимума. Когда он очарует их своей магией, они позволят ему говорить часами.

— Мужчины и женщины Триполиса! — выкрикнул он. — Приглашаю вас на пир.

Послышалась тихая музыка. Люди повернули головы, пытаясь понять, откуда она звучит, но ничего не нашли. Над площадью вскинулся и затих удивленный гул.

Над огороженным пространством, куда он велел им смотреть, возникли шесть струек дыма. Дым кружился, свертывался в спираль, темнел, уплотнялся и принял очертания шести танцующих эфиопов, темнокожих, в тюрбанах; они играли на флейтах. Симон взмахнул рукой, и позади танцоров появились рабы, несущие на длинных шестах шесть свежезажаренных быков, от которых шел дымок. Пространство заполнилось столами, на которых тотчас появились закуски, фаршированные деликатесами яйца,

пирамиды оливок и огромный гусь из сладкого теста, который по взмаху его руки встал на перепончатые лапы, расправил крылья и убежал. Потом возникли серебряные блюда, ломившиеся от фруктов — виноград, фиги, сливы и громадные гранаты — и обложенные сверкающими кусками льда.

— Вина! — скомандовал Симон, и амфора на столе сама наклонилась и наполнила кубки рубиновым вином.

Горожане ахнули и замерли.

Удерживая мираж концентрацией воли, он принялся за развлечение. Клоуны, жонглеры, акробаты, танцующие дети. Он создал стаю фламинго и заставил их вышагивать и кружиться под музыку флейт. Потом фламинго разлетелись, и прибежал медведь, который набросился на еду; появился, страшно жестикулируя, дрессировщик медведя и стал гнать зверя прочь. Эта кутерьма привела публику в немыслимый восторг. В погоню включились клоуны, жонглеры и акробаты: они кувыркались через столы, бросались друг в друга едой, дрались из-за вина. Медведь запрыгнул на стол, поставил на голову блюдо с гранатами и стал отплясывать. Толпа была в восторге.

— Достаточно! — сказал Симон. Он сделал несколько пассов, и все исчезло.

— Ах, — выдохнула толпа, словно дети.

— Чего вы ожидали? — поинтересовался Симон. — Ничто не длится вечно, и ничто не есть то, чем кажется. Я обманывал ваши чувства иллюзией, но вся ваша жизнь — обман. Любой из вас может завтра умереть, и в чем будет смысл вашей жизни? Что вы знаете? Ничего, что бы могло вам помочь. Куда вы идете? Откуда пришли? Что вы делаете в этом призрачном мире, где все не так, как вы хотите, и откуда вы в любой момент можете исчезнуть? Неужели вы никогда не задумывались об этом? Конечно, задумывались. И в этом ваше спасение.

Он продолжать говорить, пока солнце не начало отбрасывать на площадь длинные тени. Среди его слушателей были двое мужчин, только что прибывшие в город с севера. Один из них нервничал. Его спутник, низкорослый, со свирепым взглядом, слушал очень внимательно и время от времени насмешливо улыбался.

Он бывал в этом месте раньше, но оно ему не понравилось. Люди здесь были высокомерными, они потешались над его одеждой и вечно куда-то спешили! Даже если удавалось найти

человека, который не бежал по своим делам, он скорее всего говорил только на греческом. Кефа знал несколько слов по-гречески, но их хватало в лучшем случае на то, чтобы построить вопрос, ответа на который он все равно не мог понять.

Наконец на одной из боковых улиц он нашел странствующего точильщика ножей, который говорил на арамейском и у которого не было клиентов.

— Я ищу человека по имени Симон из Гитты, — сказал Кефа.

— Я такого не знаю.

— Он маг. Иногда он называет себя Симоном Волхвом.

— Я не знаю никаких магов, — сказал точильщик ножей, окинув Кефу подозрительным взглядом.

— Он путешествует с женщиной по имени Елена. Они проповедуют и показывают фокусы и иллюзии. Мне сказали, что он может быть в Сидоне.

— Это Сидон, — сказал точильщик ножей.

— Я знаю, — сказал Кефа. Они посмотрели друг на друга.

— Хотите заточить нож? — спросил точильщик.

— Нет, спасибо, — сказал Кефа, — он достаточно острый. Так вы ничего о нем не знаете?

— Нет. Я посмотрю на ваш нож.

— Он достаточно острый, — сказал Кефа.

— Я еще не видел ножа, который был бы достаточно острым. Дайте-ка мне его.

Кефа протянул ему нож. Точильщик проверил нож и порезал свой большой палец. Он отдал нож. Кефа улыбнулся, кивнул и пошел прочь. Когда он дошел до угла, точильщик позвал его:

— Эй! Эти люди, о которых ты спрашивал. Они шикарно одеваются и говорят… ну, о сексе?

— Ш-ш, — сказал Кефа.

— Они здесь были месяц назад. Наделали шуму и отправились дальше, в Триполис.

Тиберия Александра сменил прокуратор Куман. Карьера нового губернатора началась при неблагоприятных обстоятельствах.

Во время многолюдного весеннего праздника, когда паломники со всей империи традиционно собирались в Иерусалиме, Куман, опираясь на опыт, разместил войска во внешнем дворе Храма, чтобы упредить демонстрации. Праздник длился семь дней. Стояла жара. Солдаты скучали. На четвертый день один солдат, поддавшись чувству негодования, задрал свою тунику и, наклонив-

шись, выставил голую задницу на обозрение толпы — универсальный жест простолюдинов, выражающий неуважение.

Начались волнения. Негодующие паломники требовали, чтобы солдат был немедленно наказан. Куман, вместо того чтобы удовлетворить их требование, велел им успокоиться и продолжить празднества. В ответ он получил град камней.

Так как бунт был неотвратим, губернатор позвал подкрепление из форта, расположенного на северной стороне Храма. От этого форта шли ступени к колоннаде, окружавшей внешний двор, — единственное место на территории Храма, куда допускались язычники. (Непосредственная близость гарнизона оккупационных войск к главной местной святыне сама по себе давно вызывала у иудеев недовольство.) Храм, соседствующий с ним форт и царский дворец были самыми выдающимися архитектурными памятниками времен Ирода и занимали большую территорию; но в тот момент там собрались несколько тысяч мужчин, женщин и детей и возбужденная когорта войск.

Свежие войска поднимались по ступеням, ведущим во внешний двор. Люди потеряли голову, началась давка. В панике они натыкались друг

на друга в узком пространстве колоннады и не могли выбраться наружу. Те, кому удалось выбраться, попадали в окружающий Храм лабиринт узких, запутанных улочек. Солдатам не понадобилось даже обнажать оружие. Сотни людей были задавлены или задохнулись в толчее.

Вскоре после этого на горной дороге за городом напали на государственного чиновника и ограбили его. В качестве ответной меры Куман послал солдат в ближайшие деревни. Один из солдат зашел слишком далеко. Найдя свиток, содержащий часть Закона, он порвал его и бросил в огонь.

Разъяренная толпа предстала перед Куманом в его уютной резиденции в Кесарии. На этот раз он хорошо запомнил урок. Виновному солдату отрубили голову.

Куман так и не понял народа, которым он был послан править. Он не понимал ни их страстного стремления к справедливости, ни его причину — их ощущение колоссальной несправедливости истории. Отсутствие у него воображения предопределило его крах.

Ближе к концу его правления паломник, направлявшийся в Святой город на праздник, был убит, будучи проездом в Самарии. Куман ничего не предпринял. Ходили слухи, что он получил

взятку от самаритян. Друзья убитого взяли дело в свои руки и под предводительством нескольких зелотов предприняли карательный налет на самаритянские деревни. Куман разгромил налетчиков с помощью кавалерии.

Самаритяне обратились к легату Сирии, непосредственному начальнику Кумана, и потребовали возмещения за опустошение их земли. Одновременно прибыла иудейская депутация с жалобой на убийство паломника и на тот факт, что преступление осталось безнаказанным. Легат постановил распять на кресте взятых Куманом в плен зелотов и направил руководителей обеих сторон, а также и самого губернатора в Рим. Император приговорил к смертной казни самаритян, которые начали конфликт, и с позором уволил Кумана с занимаемой должности.

Неспособность Кумана урегулировать этот братоубийственный конфликт имела несколько последствий. Во-первых, место Кумана занял прокуратор, который еще в меньшей степени подходил на эту должность, чем все его предшественники. Во-вторых, религия и война в тот момент стали одним понятием. Торжество, испытанное в тот пьянящий миг, не забылось. Некоторые из зелотов, бежавших от кавалерии

Кумана, не вернулись домой. Они остались в горах, на этой суровой, неприступной земле со множеством утесов и обрывов, которая на протяжении многих веков считалась оплотом их нации. Постепенно они снова сделали ее своей. Это была земля разбойников, и также это была святая земля. Кроме того, она идеально подходила для партизанской войны.

Молодой человек внимательно наблюдал за Кефой, пока тот ел. Кефа, которому было неприятно такое пристальное внимание, успокаивал себя тем, что, видимо, в этих местах такое поведение обычно. Совершенно никакой сдержанности.

Он прожевал последнюю оливу, выплюнул косточку, собрал остатки пищи с тарелки куском хлеба, отправил хлеб в рот и, удовлетворенный, откинулся назад, потянувшись за вином. Это была его первая настоящая еда за пять дней.

Молодой человек поднялся со скамьи, на которой сидел, подошел с непринужденной грацией и уселся за стол напротив Кефы. У него были лучистые карие глаза, волосы — завиты, напомажены и надушены, пальцы — тонкие и хорошо ухоженные.

Кефа отодвинулся подальше.

— Вы не из этих мест? — спросил молодой чело-

век, тщательно подбирая слова на арамейском.

— Да, — сказал Кефа.

— Добро пожаловать в Триполис.

— Спасибо.

— Вам нравится наш город?

— Я здесь всего два часа, — раздраженно сказал Кефа.

— Тогда вы ничего не видели. Я вам покажу город.

— Вы очень добры, но я здесь по делу, — сказал Кефа.

— Прошу вас. У вас есть время. Вы — мой гость.

— У меня нет времени, — сказал Кефа. — Мое дело не терпит отлагательства.

— Какое дело не может подождать несколько часов?

— Я ищу одного человека, — сказал Кефа.

— Ну тогда я могу вам помочь. Я знаю всех в Триполисе.

Кефа подумал, что это скорее всего правда. Он хотел бы поскорее избавиться от надушенного грека, но было глупо упускать случай.

— Я ищу человека по имени Симон из Гитты, или Симон Волхв.

Что-то блеснуло в лучистых карих глазах, и они затуманились. Возможно, это было разоча-

рование.

— А где Гитта? — спросил молодой человек.

— В Самарии.

— А… Это далеко.

— Не важно, где Гитта, — сказал Симон. — Мне важно знать, где Симон. Мне сказали, он в Триполисе.

— Это Триполис.

— Я знаю, — сказал Кефа сквозь зубы. Молодой человек долго изучал стол, потом поднял свои карие глаза на Кефу и широко улыбнулся.

— Я его не знаю, — сказал он и встал. — А теперь я покажу вам город.

Время от времени, после своей первой встречи с Иешуа на Озере, Кефа испытывал моменты потрясающего умственного просветления. Они наступали неожиданно, врываясь в путаницу его мыслей подобно волнам света, чистые, как свежий ветер в знойный день. В такие моменты он понимал все, что обычно озадачивало его. В такие моменты он точно знал, что должен делать, и был способен сделать это. В такие моменты он даже мог читать чужие мысли.

Кефа взглянул на молодого человека и понял, что он лжет.

— Сядь, — сказал он.

Он попросил еще вина. Когда вино принесли, он разлил его в два кубка.

— Ты потом покажешь мне город, — сказал он. — Я с удовольствием составлю тебе компанию. Но сначала ты выпьешь со мной.

Они подняли тост друг за друга. Молодой человек вымученно улыбался.

— Извини, если я был невежлив, — сказал Кефа.

— Вы вовсе не были невежливы.

— Я долго был в пути и устал. Если мне не удастся найти моего друга, я напрасно потрачу время, а моему другу может грозить опасность.

— Опасность?

— У него есть враги. Есть люди, которые хотят его убить. Один из них, — Кефа едва сдерживался, чтобы не засмеяться, — сейчас его ищет.

— Неужели? — Глаза грека заблестели от волнения. — Должно быть, вы близкий друг, если взяли на себя такой труд.

— О да, — соврал Кефа с легкостью, которая была отвратительна. — Мы с Симоном дружим с детства. Мы почти как братья.

— Удивительно, но вы даже похожи друг на друга.

Наступила пауза, подобная той, когда тяжелый

предмет падает на землю. Кефа взял себя в руки:

— Так ты его знаешь?

Грек застенчиво улыбнулся:

— Простите, вы не похожи на его друга, точнее, вы не *одеваетесь* как его друг. Понимаете, он не хочет, чтобы знали, где он останавливается.

— Ты можешь мне сказать, где он остановился?

— Я не знаю. Но я могу отвести вас к человеку, который знает. Симон и Елена остановились у родственника моего друга, в нескольких милях от побережья.

Кефа едва удержался, чтобы не сорваться с места. Он налил еще вина.

— Мне повезло, что я тебя встретил, — сказал он. — Почему ты подошел ко мне и заговорил?

— Мой кузен содержит бордель. Когда удается, я привожу новых клиентов.

Кефа не сводил глаз с кувшина с вином. Молодой грек вдруг сказал:

— Как вы докажете, что вы его друг?

— Огонь Един и свет Един, — мягко сказал Кефа. Молодой человек склонил голову:

— Да будет все Едино.

— Аминь, — сказал Кефа. Они улыбнулись друг другу.

— Идем скорее к твоему другу, — сказал Кефа.

— Его нет дома сегодня. Он навещает свою мать. Завтра утром я отведу вас к нему.

— Но… — сказал Кефа.

— Никаких проблем. Послушайте. Сегодня днем я покажу вам город. Если не хотите, не обязательно ходить в бордель моего кузена. Завтра утром вы встретитесь с моим другом, и он отвезет вас в дом своего родственника, и вы увидите Симона.

— Нет необходимости, правда…

— Ну что вы. Мой друг будет рад отвезти вас. Самому трудно найти дорогу. Поэтому вы можете провести день в свое удовольствие, а вечером… — Он сделал многозначительную паузу. — Лучшего дня для приезда нельзя было и выбрать. Сегодня вечером мы совершаем Обряд. Вы будете нашим гостем.

Желудок Кефы сжался, и к горлу подступила тошнота. Он отчаянно боролся с приступом. Молодой человек смотрел на него.

— Эта рыба, — пробормотал Кефа, — наверное, она была несвежей.

— Как ужасно! — Грек бросился в харчевню и стал поносить хозяина за постыдно низкое качество его стряпни. Он вернулся с торжествующим видом, и Кефа позволил увезти себя на экскурсию

по городу.

Экскурсия длилась три часа и включала распитие еще нескольких кувшинов вина с многочисленными знакомыми его гида. Кефа, сославшись на усталость, удалился на непродолжительный отдых и пришел в заранее условленное место встречи — общественный сад в центре города, — когда начало темнеть. В голове у него стучало.

Появился грек в сопровождении еще одного мужчины и двух молодых женщин. У женщин в руках были цветочные гирлянды, которые они обвили вокруг шеи Кефы. Он слабо сопротивлялся.

— Да, да, — настаивал молодой грек. — Вы наш почетный гость. Это традиция.

Они взялись за руки и, с Кефой посредине, пошли по дороге. Навстречу двигались двое.

Когда они поравнялись, один из прохожих остановился словно вкопанный и воскликнул в изумлении:

— Боже милосердный, вот он где!

Ноги Кефы стали словно деревянными и отказывались идти.

— Кефа! — воскликнул Марк. — Что ты здесь *делаешь* ?

Четверо спутников Кефы отпустили его руки и с удивлением смотрели то на Кефу, то на двух

незнакомцев, то снова на Кефу.

— Это мои друзья, — сказал Кефа, ни к кому не обращаясь.

Человек, который его узнал, смотрел на него ледяным взглядом. Кефа хорошо его помнил: дальний родственник Иакова Благочестивого. Счетчик мелких монет, который никогда не улыбался.

— Двадцать человек, у которых дел по горло, ищут тебя по всей стране, — сказал родственник Иакова. — У меня для тебя сообщение от Иакова. Срочное дело. Ты тотчас должен вернуться в Иерусалим.

— Послушай… — сказал Кефа.

— Тотчас.

Мужчина в тоге с пурпурной каймой был низкорослым и плотным, с грубоватым лицом. Конечно, не всегда можно судить по лицу. Деметрий встречал людей с очень непривлекательными лицами, и на поверку они оказывались сущими добряками. Он пытался сосредоточиться на положительной стороне ситуации и не поддаваться холоду, который окутывал все его существо.

— Выйди вперед! — рявкнул человек в тоге. Его глаза впились в Деметрия, словно клещи. Деметрий понял, что лицо выражало его суть.

Охранники вытолкнули его вперед, на четырехугольную мозаику, изображающую нимф и морских богов, один из которых, сидящий верхом на дельфине, подносил к губам винный бурдюк. Вино лилось по его бороде и расплескивалось на спине дельфина — похожее на кровь, как подумал Деметрий. Он заморгал, чтобы яснее видеть. Некоторые вещи он видел необычно отчетливо, а другие были окутаны какой-то дымкой.

Голос губернатора был окутан дымкой. Он дважды задал один и тот же вопрос: Деметрий слышал его, но не понимал, чего от него хотят.

— Отвечай мне! — кричал губернатор. — Каковы твои политические взгляды?

Деметрий сосредоточился. Он говорил осторожно, словно боясь, что может лишиться голоса:

— У меня нет никаких политических взглядов.

Наступила пауза, словно от него ожидали чего-то другого. Ну да. Но он не знал, как правильно обратиться. После отчаянных поисков нужного слова он пробормотал: «Мой господин».

Охранники прыснули. Губернатор пренебрежительно откинулся назад в своем огромном резном кресле:

— У тебя нет политических взглядов? Ты не сочувствуешь повстанцам? Не интересуешься

подрывными религиозными течениями?

— Нет, — сказал Деметрий. — Нет, мой господин, совершенно нет.

— Если у тебя нет политических взглядов, — сказал губернатор, — как ты оказался в компании людей, общепризнанной целью которых было ниспровержение государственной власти?

Деметрий тупо смотрел на него.

— Согласно записям, находящимся передо мной, — сказал губернатор, — ты был схвачен отрядом кавалерии, посланным на подавление религиозного бунта на берегах реки Иордан. Что ты там делал?

У Деметрия закружилась голова. Он увидел толпы людей, сверкающие мечи, себя, но моложе, намного моложе. Сколько ему теперь было лет?

— Я не знаю, — пролепетал он.

— Что ты делал в несанкционированной религиозной процессии? — заорал губернатор.

Деметрий покачал головой. Вопрос был неправильный. А если вопрос был неправильный, как он мог дать правильный ответ?

— Вы не понимаете, — сказал он.

Губернатор наклонился вперед и пристально смотрел на него, словно не верил своим ушам.

— Я был там не потому… Это было ошибкой, —

сказал Деметрий.

— Это действительно так.

Охранники опять ухмыльнулись. Губернатор посмотрел на них свирепым взглядом, и они притихли.

— Там был проповедник, который обещал, что воды расступятся и он переведет людей на другой берег, — объяснил Деметрий. — Я пошел, чтобы это увидеть.

— Ты когда-нибудь видел, чтобы течение реки остановилось по чьему-нибудь приказу.

— Нет, мой господин.

— Веришь ли ты, что такое возможно?

Деметрий пытался заставить свой мозг работать, но тот вел себя как ржавый замок.

— Нет, мой господин.

— Как долго вы шли к реке?

Это был легкий вопрос.

— Почти два дня, мой господин.

— На жаре? Без воды? Вы спали на открытом воздухе?

— Да.

— Ты шел два дня по жаре, по горной местности, только чтобы увидеть так называемое чудо, в которое ты не верил?

Молчание. Холодный пот прошиб Деметрия с

головы до ног. Он кивнул.

— Что ты там делал? — завопил губернатор.

Господи, молился Деметрий, помоги мне.

— Ты иудей?

— Нет, мой господин.

— Ты собирался когда-либо принять иудейскую веру?

— Нет, мой господин.

— Когда ты принимал участие в процессии, ты знал, что это была иудейская религиозная процессия?

— Да, мой господин.

Губернатор подозвал кивком секретаря, стоящего в стороне, взял из его рук документ и пробежал глазами.

— В заявлении, которое ты сделал старшему офицеру, когда тебя схватили, ты сказал, что твоим последим местом жительства был город Себаста, где ты жил в еврейской общине, называющей себя «Люди Пути».

— Я никогда не был полным членом этой общины, мой господин.

— Нет, ты просто жил вместе с ними, ел вместе с ними и слушал их. Известно ли тебе, что основатель секты, с которой ты связался, был казнен как политический преступник? И что его после-

дователи ожидают всемирного бедствия, которое приведет к крушению Империи?

— Мне всегда был непонятен этот момент, — сказал Деметрий.

Губернатор посмотрел на него с таким презрением, что у Деметрия застыла кровь.

— Мальчик, который идет два дня, чтобы увидеть что-то, что он считает невозможным. Мальчик, который общается с революционерами и не знает, что они революционеры. Мальчик, который слушает разговоры о крушении Империи и не понимает, что это значит. Мальчик, который ест с иудеями и не собирается принимать их веру. Кто ты — дурак или маленький гадкий лгун, симпатизирующий иудеям?

Что-то перевернулось в душе Деметрия. От этого чувства у него начался зуд по всему телу и участилось дыхание. Это был гнев. У него было такое ощущение, будто какая-то сила оторвала его от пола.

— В этом документе, — сказал губернатор, снова заглянув в свиток, — ты указал, что ты раб. Это правильно?

Деметрий понял, что ему суждено умереть.

— Да, мой господин.

— Где твой хозяин?

— Я не знаю, мой господин.

— Ты сбежал?

— Нет, мой господин.

— Тогда как ты оказался в этой группе бунтовщиков из Себасты?

«Действительно, как? — подумал Деметрий. — Как вообще я сделал то, что сделал?» Все было лишено какого бы то ни было смысла.

— Мой хозяин исчез, — сказал он.

— Исчез? Ты полагаешь, я в это поверю? С чего ему было исчезать?

Не было ни причины, ни цели. Деметрий смотрел в мозаичный пол. Бог, пивший из винного бурдюка, был похож на Симона.

— Я думаю, он исчез, потому что был магом, — тихо сказал Деметрий. Причины не было. Но можно было создать причину из ничего.

Судебное разбирательство происходило где-то далеко. Где-то далеко было лицо губернатора, перекошенное приступом бешеного гнева. Деметрий посмотрел на это лицо и увидел человека, который тоже когда-нибудь умрет. Он заглянул в сверкавшие гневом глаза и увидел на их дне страх.

Он почувствовал, как его губы растянулись в улыбке.

— …Обман, дерзость и неуважение к власти, — произнесло лицо.

А потом с неожиданной ясностью:

— Признан виновным по обоим пунктам обвинения. Приговаривается к казни обычным методом, приговор будет исполнен послезавтра расчетом девятой когорты. Ввести следующего заключенного.

Деметрия вывели.

На столе валялись остатки пиршества. Симон отложил косточку фазана, которую обгладывал, и опустил пальцы в серебряную чашу с водой.

— Прекрасно, — сказал он и от души отрыгнул.

В общем-то, так наедаться перед совершением Обряда не рекомендовалось, но было невозможно убедить людей соблюдать умеренность в проявлении гостеприимства. Он подумал, не принять ли ему соответствующее правило.

На соседнем ложе был мальчик лет шестнадцати-семнадцати, который не сводил с него глаз, но не решался заговорить. Симон не поощрял серьезных разговоров во время еды: нельзя одновременно наслаждаться и разговором, и едой. А мальчик, как он был уверен, собирался задать серьезные вопросы. Мальчик ожидал посвящения. Он был похож на Деметрия.

— О чем ты думаешь? — спросил Симон.

Мальчик покраснел от смущения и благодарности.

— Меня кое-что тревожит, — признался он. Он нагнулся вперед, чтобы остальные не услышали его. — Мне не говорят, каковы правила.

— Что? — сказал Симон.

— Я думал, мне объяснят правила поведения. Это первое, о чем говорят, знакомя новичка с религией.

— Понятно, — сказал Симон.

— Когда мне скажут? Когда меня посвятят? Понимаете, я не хочу сделать что-нибудь неправильно. Было бы ужасно начать с…

— Ты не так понял, — мягко сказал Симон. — Правил нет.

Мальчик был обескуражен.

— Нет правил?

— Никаких.

— Но…

— Наша задача, — объяснил Симон, — попытаться разрушить тюрьму. Для этого нет правил: приходится пользоваться всем, что попадется под руку.

— Но существуют ведь определенные рекомендации, определенные запреты…

— Твоя проблема, — сказал Симон с улыбкой, — заключается в том, что ты ждешь, чтобы тебе сказали, что делать. Это как раз то, с чем мы боремся: с увеличением количества законов, с покорностью по отношению к власти.

Принесли еще вина. Пробуя его, Симон почувствовал легкую, едва уловимую горечь и удивленно поднял брови. Он не санкционировал использовать средства, усиливавшие половое влечение.

Мальчик задумался, склонив кудрявую голову; обнажилась тонкая шея.

— Я допускаю, что правил нет, — сказал он, — но должно быть *что-то,* какой-то основополагающий принцип…

Черт бы побрал этого мальчика, который так сильно напоминал ему Деметрия.

— Кстати, такой принцип существует, — сказал Симон, — но я обычно не говорю об этом, особенно с непосвященными людьми, поскольку это чрезвычайно опасно. — Он подмигнул. — Ты слишком молод.

— Но это же несправедливо.

— Это секрет. Люди должны сами его открыть.

— Почему это опасно?

— Если неправильно его использовать, это

приведет к вымиранию.

— Я рискну.

— Вот уж нет, — сказал Симон. Он встал. — Пора, — сказал он, обращаясь к собравшимся.

Они проследовали за хозяином в соседнюю комнату, где было темно, лишь в дальнем углу горела небольшая жаровня. Огонь тускло освещал у стены что-то вроде алтаря, дым фимиама обволакивал головы двух резных фигурок.

Симон остановился в изумлении, когда увидел алтарь и фигурки. Он взял одну фигурку и, покрутив ее в руках, нахмурился.

Настойчивый мальчик оказался тут как тут.

— Пожалуйста, скажите мне, — просил он, — что это за принцип, который так опасен?

Симон поставил фигурку на место и задумчиво посмотрел на мальчика.

— Если знаешь, что делаешь, можешь делать что хочешь, — сказал он.

Симон снял свою золотую диадему и небрежно бросил ее на пол. Снял расшитую золотом мантию и отпихнул ее ногой в угол.

— Чем мы, в конце концов, занимаемся? — повернулся он к Елене.

— Если ты не знаешь, я и подавно, — сказала Елена. Она легла на постель и сняла свою диаде-

му. — У меня болит голова от этой штуки.

— Ты знаешь, — вскричал Симон, — что в комнате, где мы совершали Обряд, был устроен небольшой алтарь, украшенный нашими образами?

— Да? Как предусмотрительно.

— Глупая женщина! — гневно сказал Симон. — Ты что, не понимаешь? Они поклоняются нам как божествам.

— Ничего удивительного, — сказала Елена. — А чего ты ожидал? Люди должны чему-то поклоняться. Пока ты им дал только какой-то далекий огонь. Они не могут поклоняться ему.

— Предполагалось, что они ничему не будут поклоняться. В этом вся *суть.* Во всех нас содержится Дух, мы *все* боги.

— Люди не хотят быть богами, — сказала Елена. — Это слишком большая ответственность.

Симон сел и обхватил голову руками. Потом поднял голову и посмотрел на вышитую золотом мантию, валяющуюся в углу.

— Золото и серебро, — сказал он. — Фалернское вино и фаршированный фазан. Знай, что делаешь, и делай что хочешь. Проблема в том, что если ты поначалу знаешь, что делаешь, то через полгода забываешь. Мы должны были попытать-

ся освободиться от материального мира.

— Ты достиг в этом успеха, — сказала Елена. — Разве ты этого не хотел? Это плоды успеха.

— Думаешь, они понимают хоть слово из того, что я говорю? — спросил Симон.

— Сомневаюсь, — сказала Елена. — Как можно требовать этого от них, когда ты сам не делаешь того, о чем проповедуешь?

Симон смотрел на нее с удивлением. Она была серьезна.

— В чем ошибка? — спросил он.

Только теперь он понял, как безнадежно неправильно все это было. Он знал, что это началось уже давно, интуитивно реагируя скукой, и раздражительностью, и навязчивыми идеями, — например, будто за ним кто-то следит.

— Придется все начать сначала, — сказал он.

Это он тоже понял, только когда сказал. Он также понял, что ему делать дальше.

— Я ухожу, — сказал он. — Один.

Она едва слышно вздохнула. Он видел, что она этого ждала.

— Назад, к природе? — съязвила она.

— Нет, — сказал Симон. — Легко ладить с миром, если не живешь в нем. Но для меня это не годится. Нужно отправиться в самое сердце мира,

а не бежать от него.

— И как ты собираешься это сделать, философ?

— Я поеду в Рим, — сказал он.

Когда настал последний день, Деметрий не знал, что был день. Он удивился, когда за ним пришли солдаты, и подумал, что это ошибка.

Его отвели по другую сторону стены. Его и еще троих. Он чувствовал шелковистую гладкость булыжников под ногами и видел, как пот скапливается в морщинах на солдатских лбах, прежде чем скатиться вниз.

Они дошли до места быстрее, чем он думал. Там были выстроены в ряд несколько деревянных шестов. Его руки к чему-то привязали.

Он уговаривал себя, что, возможно, все кончится быстро и ему не будет больно. Что ему дадут какое-нибудь средство, чтобы не чувствовать боли.

Ничего одурманивающего ему не дали: снадобий на всех не хватало, а он был рабом. Он испытывал неописуемую боль. Пока солнце не начало клониться к закату, прошло несколько часов.

— Я ничего не имею против Кефы, и я не понимаю, с какой стати я должен требовать объясне-

ний у него, а не у тебя, поскольку, без сомнения, ты здесь главный.

Кефа внимательно смотрел в окно, где не было ничего интересного, кроме белья, сушившегося на веревке на крыше дома напротив.

— Прошу тебя поверить, — сказал Иаков Благочестивый, — что я никого не посылал вмешиваться в твою работу.

— Они прибыли из Иерусалима, и они сказали, что уполномочены тобой. Как ты это объяснишь?

Длинными черными ногтями Иаков огладил свою спутанную бороду — расчесать ее было бы невозможно. В душной комнате, в теплом вечернем воздухе, ощущался запах его нижнего белья. По его лбу ползла вошь. Он не обращал на нее внимания.

— Может быть, — сказал Иаков, — это мы вправе требовать от тебя объяснений, почему ты решил облегчить себе жизнь.

— Облегчить! — Комната задрожала от резкого смеха Савла. — Я тебе скажу, Иаков. Меня швыряли в тюрьму, осыпали побоями, пытались оклеветать…

— И нас тоже, — пробормотал Кефа.

— К тому же последние шесть месяцев я болел.

Но все это время продолжал работать, несмотря на совершенно неимоверные трудности. На мою жизнь даже покушались. За два года я преодолел почти три тысячи миль, пешком и на дырявых лоханях, которые непригодны даже в гавани плавать, не то что в море; и все это время меня непрестанно лихорадило. — Он кивнул на своего спутника: — Спросите Варнаву.

Варнава явно не привык, чтобы у него что-нибудь спрашивали. Но не успел он открыть рот, как Савл с жаром продолжил:

— А если я где-нибудь останавливаюсь, то не рассчитываю на гостеприимство друзей, как некоторые из присутствующих, а *зарабатываю* на ночлег.

— Только раз или два я… — начал Кефа.

— Я думаю, мы все должны помнить, — сказал Варнава, — что служим одному делу…

— Да боже ты мой! — резко оборвал его Савл.

Иоанн Бар-Забдай, сидевший в конце стола, тихо произнес:

— Савл требовал объяснений. Пока что никто их ему не дал.

Наступила пауза. Иаков наклонил голову в знак того, что упрек принят.

— Мне жаль, что твоя работа была прерва-

на, — сказал он Савлу. — Я не давал никаких санкций вмешиваться в жизнь твоей общины в Антиохии. Если в этом есть моя вина, прими мои извинения.

Савл немного успокоился. Кефа гадал, правду ли говорит Иаков. Не то чтобы Иаков был склонен ко лжи, но он был правоведом, и его определение правды могло несколько отличаться от общепринятого.

— Согласен ли ты с тем, — спросил Иаков, — что у нас не было намерения вмешиваться?

— Если ты говоришь, что это так, я должен согласиться.

— Мы так говорим. Но тем не менее вопрос, из-за которого возникла проблема, необходимо обсудить. Почему ты не настаиваешь на том, чтобы твои новообращенные греки делали обрезание?

— Почему? — Савл резко дернул головой, словно на него вылили ушат холодной воды. — Вы что, не знаете, как греки относятся к обрезанию?

— Как греки относятся к нему, Савл? — тихо спросил Иаков.

— Как к варварскому увечью.

— И ты так же к этому относишься? — улыбнулся Иаков.

Савл покраснел.

— Я горжусь тем, что я иудей.

— Рад это слышать.

— Но если, — сказал Савл, тыча пальцем в Иакова, — я попрошу грека совершить что-то, что он считает…

— Неважно, что он считает, — резко перебил его Иаков.

— Нет, важно! — Савл ударил кулаком по столу. — Это помешает ему вступить в наши ряды. Он упустит возможность…

— Путь не может быть легким, — сказал Кефа.

— Но из-за такого пустяка, такого глупого и неважного…

— Так вот как ты к этому относишься, — сказал Иаков.

Снова повисла пауза.

— Да, — сказал Савл. — Именно так.

— Я полагаю, мы должны помнить… — начал Варнава.

— Помнить? — Савл вскочил на ноги. — Мы только и делаем, что помним. А нам нужно забыть. Мы таскаем за собой прошлое, как цепь с ядром.

— Прошлое? — с грустью спросил Иоанн.

— Прошлое. Закон.

— А, — сказал Иаков, — вот мы и пришли к этому. Закон. — Его глаза опасно блеснули. Он казался спокойным, но его бледное лицо порозовело от возбуждения.

— Да, Закон, — сказал Савл. — Обрезание крайней плоти. Порядок убоя животных в пищу. Омовение рук. Точное указание расстояния, которое можно пройти в субботний день. И другая чепуха, к которой Иешуа относился с таким презрением, а ты относишься с таким почтением.

Кефа затаил дыхание.

— Мой брат всегда соблюдал Закон, — холодно сказал Иаков.

— Он не соблюдал его, он отвергал его, и он не был твоим братом! — закричал Савл.

Все умолкли от неожиданности.

— Как ты смеешь распускать эту гнусную клевету! — в ярости прошипел Иаков, схватившись за край стола.

Савл закрыл лицо руками, словно собирался зарыдать.

— Ты глупец, — прошептал он сквозь сомкнутые ладони.

Было неясно, к кому он обращается.

Выждав немного, Варнава взял Савла за локоть и усадил его. Савл открыл лицо.

— Извините, — сказал он.

Иаков холодно кивнул.

Наступила неловкая пауза. Иоанн подошел к двери и попросил принести еще вина. Принесли вино и кувшин с водой для Иакова.

Напряжение немного спало. Савл, взявший себя в руки, вернулся к предмету спора:

— Я не требую, чтобы новообращенные совершали обрезание по двум причинам. Во-первых, некоторые сочтут это настолько оскорбительным, что никогда не придут к нам снова. Во-вторых, если они даже и сделают обрезание, то вряд ли поймут, в чем его смысл.

«Нам необходим этот человек, — подумал Кефа. — Неужели Иаков этого не понимает?»

— Царствие, — сказал Савл, — недостижимо одним лишь соблюдением Закона. Вы не можете не согласиться с этим.

Трое согласно кивнули. Иаков нахмурился.

— Поскольку, — продолжал Савл, — в Законе нет спасения, мы не можем делать вид, что оно в нем есть. Человеку легче что-либо *делать*, чем кем-то *быть*, и если люди будут думать, что можно попасть в Царствие, если совершить обрезание или есть правильную пищу, они только это и будут делать.

— Внешнее действие выражает духовное состояние, — раздраженно сказал Иаков. — Ничего дурного в этом нет.

— Нет, есть, — возразил Савл. — Закон — это ловушка. Он заставляет людей ошибочно думать, что в нем их спасение, а это не так. Закон — это лабиринт, из которого человек никогда не сможет найти выход. — Он смерил Иакова холодным взглядом. — Люди тратят всю свою жизнь на борьбу с ним, а в конце не остается ничего, кроме горстки пепла.

— Закон был дан Богом нашим отцам, — взъярился Иаков, — Закон, который служил руководством и духовной пищей для нашего народа…

— Иногда мне кажется, что Закон был дан вовсе не Богом, а каким-то злым духом, который хотел посмеяться над нами, — сказал Савл.

Кефа смотрел на него в изумлении. Иаков лишился дара речи.

— Если спасение в любви, Закон бесполезен, — сказал Савл. — А если он бесполезен, то, значит, опасен. Очень опасен. Он несет не жизнь, а смерть.

Кефа подался вперед, чтобы заглянуть в глаза Савла, словно в них таился секрет.

— Я думаю, — улыбнулся ему Савл, — именно это и хотел показать нам Иешуа.

— Послушай… — начал Кефа неожиданно осипшим голосом.

— Это богохульство, — перебил его Иаков, — или почти богохульство! — Он смотрел на Савла так, будто собирался накинуться на него с кулаками. — Ты это проповедуешь?

— Естественно, нет, — ответил Савл.

— Почему?

— Я многого не проповедую. Такие вещи не для каждого, да мне и самому не все до конца ясно.

— Мне достаточно ясно, — сказал Иаков.

— Что именно, — спросил Кефа, — ты проповедуешь?

— Спросите Варнаву, — устало улыбнулся Савл, откинувшись назад. — Или ваших шпионов.

— Мы проповедуем абсолютно то же, что и вы, — сказал Варнава. — Ничего не убавляя и не прибавляя.

— Это разумно с твоей стороны, — сказал Иаков. — Учитывая тот факт, что Савл не потрудился получить наше разрешение, прежде чем начать проповедовать, я полагаю, мы должны быть признательны…

— Разрешение? — Лицо Савла передернулось. —

Ты заблуждаешься. У меня есть все разрешения, какие мне необходимы. Мне *поручена* эта работа.

— Никто тебе ее не поручал, — сказал Иаков. — Ты ее узурпировал.

Кефа замер от удивления.

— Работа с иноверцами, которую ты выполнял, была поручена Кефе, — сказал Иаков.

Савл сидел будто каменное изваяние. Потом нарочито медленно повернул голову и посмотрел на Кефу, словно на неизвестный и бесполезный вид животного. Потом снова повернулся к Иакову:

— Кефе?

— Кефе.

Обладателю этого имени казалось, что чем чаще оно повторяется, тем меньше имеет отношения к нему. «Неужели годы, проведенные в молитвах, — думал он, — помутили рассудок Иакова?»

— Как она была поручена Кефе?

— В видении в Иоппии.

Кефа выпучил глаза. Потом до него стало постепенно доходить. Савл снова с удивлением на него посмотрел.

— У меня было видение в Иоппии, — сказал Кефа, — много лет назад…

— Что это было за видение?

— Его трудно трактовать.

— Это сначала, — сказал Иаков, — как и со всеми великими откровениями, постичь его смысл было трудно. Мы это обсуждали много раз. Но в свете того, что случилось впоследствии, смысл стал ясен.

— Что случилось впоследствии? — не отступал Савл.

— Кефа получил ясное знамение о том, что должен окрестить иноверцев в одном доме в Кесарии. И естественно, он так и сделал.

Иоанн ахнул от удивления. Иаков сидел с видом нескрываемого триумфа. Кефа застыл изваянием.

— Почему мне об этом не сказали? — тихо спросил Савл.

— Мой дорогой Савл, ты никогда не задерживаешься в нашем обществе достаточно долго, чтобы мы могли тебе хоть что-то сказать. — Иаков поглаживал свою бороду.

В комнате стало невыносимо душно. Савл сидел неподвижно и сверлил взглядом грубый деревянный стол.

— Почему я должен вам верить? — наконец сказал он.

— Ты ведь не думаешь, что мы тебе лжем? —

тихо отозвался Иаков.

— Почему бы и нет? Вы способны на что угодно, лишь бы меня дискредитировать. Вы никогда не принимали меня как равного.

Снова молчание. Обвинение было либо слишком чудовищным, чтобы его опровергать, либо слишком правдивым.

Варнава прочистил горло.

— Я думаю, мы все должны помнить… — начал он.

— Очень хорошо, — сказал Савл. — Итак, Кефе было видение. У меня тоже было видение, но мы его не обсуждаем. Кефа окрестил людей в одном доме. Я окрестил сотни, но мы об этом тоже не говорим. Возникает вопрос, — повернулся он к Кефе, — почему ты не продолжил это делать?

— Меня отозвали… — сказал Кефа.

— Детали не имеют значения, — отмахнулся Иаков. — Как я уже сказал, мы обсуждали это раньше. И пришли к выводу, что видение было дано Кефе как главе братства, а не как отдельному человеку; иными словами, это значит, что миссия может рассматриваться как коллективная работа. Более того, к моменту, когда мы смогли поговорить со всеми, кого это касалось, ты был за много миль отсюда и занят своими делами.

В конце концов мы посчитали неважным, — он тепло улыбнулся Савлу, — кто именно будет нести слово Божье иноверцам, важно, чтобы оно было донесено. Кефа с радостью распространит свою привилегию и на тебя.

Савл смотрел на стену. Он избегал встречаться с кем-либо взглядом. Кефа, который попытался разгадать выражение его глаз, отпрянул, увидев в них невыразимую горечь.

Савл поднялся.

— Вы посчитали это неважным, — презрительно повторил он. И, по-прежнему ни на кого не глядя, направился к выходу.

— Савл, — проговорил Иаков.

Савл обернулся с каменным лицом.

— Мы не обсудили дело, которое ты приехал обсудить.

— У меня больше нет ни малейшего желания обсуждать его, — сказал Савл.

— Мне кажется, есть.

— Мне не нужно ваше согласие.

— Что толку от твоей работы, если она будет оторвана от корней?

— Намного больше, чем вы можете думать, — сказал Савл.

— Неважно, что мы думаем. Что *они* думают,

твои люди? Они верят, что являются частью братства, чья душа и смысл находятся здесь.

— Это может измениться, — сказал Савл.

— Как это может измениться? Тогда это будет другая религия. Где ты проповедуешь, Савл, откуда берутся твои греческие новообращенные? Они друзья синагоги. Это люди, которые устали от своих языческих богов и повернулись к тому месту, откуда увидели свет. Ты опираешься на нас, Савл. Ты зависишь от нас. Мы даем тебе пищу.

— Эта пища с душком, — сказал Савл.

— Ты можешь так думать. Но ты не можешь обойтись без нее. Без нее твоя работа — ничто.

Савл промолчал.

— Я предлагаю тебе сделку, — сказал Иаков.

— Я не хочу никаких сделок с тобой.

— Я предлагаю следующее. Мы дадим согласие на твою работу. И в качестве исключительной уступки — я вообще не уверен, что мы вправе это делать, — мы не будем требовать, чтобы твои новообращенные совершали обрезание, раз ты утверждаешь, что иначе твоя работа невозможна. Взамен ты должен взять на себя определенные обязательства. Во-первых, твои новообращенные должны соблюдать Закон во всем, что касается употребления в пищу мяса. Во-вторых, им следу-

ет воздерживаться от неподобающих половых отношений.

— Не оскорбляйте меня, — прорычал Савл.

— И в-третьих, — спокойно продолжал Иаков, — ты окажешь нам финансовую поддержку.

— Финансовую? — На лице Савла вспыхнуло презрительное недоверие. — Вы просите у меня денег?

Иаков сложил ладони поверх своей бороды.

— Наша община очень бедна. Были случаи нехватки продуктов. А твоя община в Антиохии процветает. Мы не так уж много просим.

— Это действительно не так уж много, если бы речь не шла о плате!

— Плате? — с удивлением спросил Иаков.

— Плате за право продолжить мою миссию. Плате за равенство с вами. Но у меня и так все это есть. Хотите, чтобы я *купил* Божий дар?

У Кефы было такое чувство, будто вино ударило ему в голову.

— Таковы условия, — сказал Иаков.

Савл вышел.

Когда за ним закрылась дверь, Варнава нервно сказал:

— Мне очень жаль, что так случилось. Я и представить не мог… В конце концов, это я поре-

комендовал его…

— Во имя всего святого, — сказал Кефа, — верни его. Или хотя бы побудь с ним. Или, если тебе это не по силам, хотя бы попробуй сказать что-нибудь разумное.

Варнава в нерешительности покусывал губы.

— Подожди, — сказал Иоанн. — Я пойду с тобой.

Они вышли вдвоем.

Иаков и Кефа сидели какое-то время молча. Иаков поймал вошь.

— В следующий раз, когда ты будешь публично трактовать мое видение, — наконец произнес Кефа, — дай мне об этом знать заранее.

— Мой дорогой Кефа, я не мог этого сделать — меня осенило, когда Савл говорил. Словно Дух Святой повеял.

— Странно, что Дух осенил тебя, а не меня.

— Ничего странного. Люди, которым бывают видения, редко их понимают. Вспомни Даниила. Но тебе не в чем себя винить. Может быть, ты и не понимал, но действовал правильно, когда окрестил этих людей.

— Но когда я тебе об этом рассказал, ты был другого мнения.

— Правда. Но тогда я не был просветлен Святым

Духом.

— Понятно, — сказал Кефа.

— Во всяком случае, — продолжал с удовлетворением Иаков, — встреча оказалась очень удачной. Я думаю, нам не стоит беспокоиться о Савле. Его идеи настолько дикие и он выражает их настолько грубо, что они вряд ли будут иметь вес. Мы будем держать его на коротком поводке, и он не причинит нам вреда.

— Ты полагаешь? — сказал Кефа.

— Конечно. Он будет сотрясать воздух впустую. Вот увидишь, через пару лет никто и не вспомнит Савла и его злых ангелов.

— А если миссия… — сказал Кефа.

— Разве это важно? Твое видение, как я его понимаю, не было приказом. Скорее разрешением, скажем так. В свете этого разрешения ты… сделал то, что сделал в Кесарии.

Кефа крякнул.

— Я собираюсь вернуться, — сказал он.

Иаков нахмурился:

— А надо ли?

— Да. Я понял, в чем моя миссия.

— Савл отберет у тебя хлеб.

— Я не собираюсь соревноваться с Савлом. Иаков вздохнул:

— Ну если ты действительно полагаешь, что твой долг носиться за чужеземцами… — Он встал. — Я иду в Храм. Может, пойдешь со мной?

Они вышли на прохладную вечернюю улицу, круто идущую под горку. В створе домов Кефа увидел новый ряд крестов на горизонте.

— Не знаю почему, — сказал Иаков, — но я никогда не видел ангела. Думаю, не было необходимости посылать его мне. Скажи мне, Кефа, как они выглядят.

— Что? — переспросил Кефа.

— Ангелы. Ангел, который освободил тебя из тюрьмы, как он выглядел?

На мгновение Кефу ослепил луч заходящего солнца, проникший между домами. Кефа нахмурился и ничего не сказал.

— Ты не очень любишь говорить об этом, да? — заметил Иаков. — Знаешь, не следует так к этому относиться. Слишком много скромности — это неправильно, Кефа.

— Возможно. — Какое-то время они шли молча. Вдруг Кефа вскинул голову: — Что «Савл» значит по-гречески? — спросил он.

— Ты же знаешь, я не говорю по-гречески, — сказал Иаков.

Они свернули во двор Храма.

VII. Империя

По мнению очевидцев, тот факт, что следующим человеком, назначенным на пост прокуратора Иудеи, был освобожденный раб, свидетельствовал об упадке императорского двора.

Своим возвышением Феликс был обязан расположению к нему императора и рекомендации иудейского первосвященника, который оказался в Риме в момент отставки Кумана. Феликс был беспринципен, амбициозен и изобретателен. Все три его брака связывали его с семьями благородного происхождения, хотя ходили слухи, что для заключения третьего брака понадобились услуги чародея. Прибыв в провинцию, он энергично бросился решать проблему разбойников-зелотов, наводнявших горную местность. Начал он с того, что пригласил на встречу их предводителя, предоставив ему гарантии безопасности, и отправил его в Рим в кандалах.

Решительность Феликса поначалу приносила плоды. Его жесткие меры против бандитов увенчались успехом. Тысячи разбойников-националистов, а также их сторонников в сельской

местности были схвачены и убиты. Горные дороги на какое-то время опять стали безопасными для приверженцев центральной власти.

Чего нельзя было сказать о городе. Под самым носом у оккупационных войск новое поколение борцов сопротивления принесло в религиозную столицу новую угрозу: политические покушения. Сикарии, то есть «люди с кинжалами», обычно действовали во время праздников. Они смешивались с толпой, пряча под одеждой небольшие кривые ножи, их традиционное оружие, зарезали свою жертву и снова исчезали в толпе. Одной из их первых жертв стал первосвященник, рекомендовавший Феликса на его пост. Похоже, он был убит по приказу Феликса. Убийцы ненавидели священника за его умеренные взгляды; Феликс ненавидел его, поскольку тот осмелился критиковать то, как правитель исполнял свои обязанности. Было заключено соглашение. Неудивительно, что после этого Феликс не мог избавить Иерусалим от наемных убийц.

С провидцами ему повезло больше. Проповеди богодухновенных прорицателей становились все популярнее. Собирая толпы доверчивых людей и взвинчивая их до религиозного исступления, провидцы уводили их в дикие удаленные рай-

оны, суля показать сверхъестественные знаки близящегося конца угнетения. Знаком, который они чаще всего видели, была пыль от копыт приближающейся кавалерии Феликса. Самым изобретательным среди этих провидцев оказался египтянин, который привел огромную толпу на Оливковую гору над Иерусалимом, пообещав, что по его слову городские стены рухнут, а гарнизон сдастся. Большинство легковерных были убиты на месте, египтянин бежал.

Но времена, когда провинцию можно было усмирить жестокостью, прошли. Теперь такие меры приводили к прямо противоположному результату. Религиозные и политические фанатики, между которыми *в* этой стране никогда не было большой разницы, забыли о прежних различиях и объединились для организации народного бунта. Началось запугивание людей, сотрудничавших с властью. Видных граждан убивали, а их дома грабили. Шел дым от горящих деревень, чьи жители предпочли примириться с императором, которого они знали, а не с Богом, которого они могли так и не узнать.

По мере того как история провинции приближалась к своей кровавой развязке, в самом сердце империи был предпринят еще один шаг к анар-

хии. В течение тринадцати лет империей правил человек, который не искал власти: ученый либерал-заика, чьи недостатки не перерастали размер частных слабостей. Через два года после того, как он послал освобожденного раба Феликса править Иудеей, ученый император умер, назвав преемником своего пасынка. Во второй раз за семнадцать лет императорский трон занял молодой человек, чей характер абсолютно не соответствовал верховной власти.

Город был в восторге от всего нового.

Каждый день толпа из молодых богатых бездельников, безработных артистов, отставных военных, скучающих женщин из высшего общества и юношей, сбежавших с уроков, собиралась в углу Римского форума, чтобы услышать последнюю новинку с Востока.

Это была новая философия. Возможно, это была новая религия. Сначала они не поняли. Потом решили, что это своего рода религия наоборот. Боги оставались на своих местах, если кому-то это было необходимо, но поклоняться им не требовалось. Напротив, к ним следовало относиться с презрением. Они были тиранами, врагами человечества.

Когда толпа услышала это первый раз, все за-

таили дыхание и посмотрели в небеса; но удара молнии не последовало. На следующий день проповедник был на прежнем месте. Он сказал, что говорил об одних и тех же вещах на протяжении нескольких лет, однако никакого вреда это ему не причинило. Боги, как только встречают сопротивление, оказываются трусами. А возможно, их вовсе нет. Возможно, они существуют лишь в воображении людей. Это, по большому счету, не имело значения. Значение имело то место, которое *идея* существования богов занимает в сознании людей. Страх, подчинение правилам, соблюдение обрядов, предназначенных угождать и умиротворять, — все это цепи. А люди, невзирая на свои грандиозные иллюзии, — лишь узники в огромной тюрьме. И он пришел, чтобы показать им путь к освобождению.

Проповедник говорил, что предлагает им свободу. Свободу и возвращение их неотъемлемого права. Поскольку они не принадлежат этому миру и все в глубине души знают об этом. Они пришли из лучшего мира. Их обманули; а все религии, которые разослали своих священников и их прислужников по всей земле, увековечили этот обман. Настало время открыть правду. Боги — фантомы. Создатель — жестокий деспот. Боже-

ства, истинные божества, — это сами мужчины и женщины.

Ничто не шокировало публику так, как эта последняя фраза. Сперва наступила гробовая тишина, а потом послышался нервный смех. Они привыкли к тому, что богами становились императоры, но даже император должен умереть, прежде чем сделаться бессмертным. Одна только мысль, что сами люди — боги, должна была навлечь неминуемое наказание.

— Вас научили страшиться этой мысли больше, чем чего-либо, — говорил проповедник. — Поэтому вы не можете этого понять.

Он рассказал им историю, популярную в его стране. Первый мужчина и первая женщина жили в прекрасном саду. Их Создатель поставил одно условие: им нельзя было есть плод определенного дерева. Они съели плод и были наказаны. Это было дерево познания. Есть плод им запретили, потому что если бы они его попробовали, то узнали бы, кто они на самом деле: узнали бы, что они боги. Наказание заключалось в том, что их выгнали из сада и они стали смертными: подверженными болезням, старости и смерти. Они должны были жить в мире, который из-за их непослушания стал враждебным в своей

вопиющей материальности.

Их лишили всего, что у них было, сказал проповедник, кроме знания, которое они украли; этого Создатель не смог их лишить. Но одно поколение сменялось другим в тяжком труде и неопределенности, и знание стиралось из памяти под грузом забот, тонуло в море лжи и бесчисленных, бессмысленных правил, по которым он велел им жить. В конце концов они так запутались, что начали верить, будто все, что с ними случилось, было их виной, и стали смотреть на знание и на любую попытку понять свое положение со страхом и подозрением.

История эта вымышленная, объяснял проповедник, но ее смысл правдив. Это свидетельствовало о глупости священников в его стране, так как они не поняли смыла истории и не запретили ее. Теперь он предлагает эту историю им, своим слушателям, как иллюстрацию их собственного положения. Поскольку они тоже сбиты с толку и напуганы. Они что-то потеряли и не знают, что именно.

Мужчинам и женщинам, которые слушали эти слова, показалось, будто что-то дрогнуло в самой глубине их души. Им напомнили о чем-то, непонятно о чем… о чем-то, что они когда-то знали.

О силе, которой когда-то обладали? О месте, где когда-то жили? Обо всем этом и ни о чем из этого, о чем-то совершенно другом… И они почувствовали острую, необъяснимую ностальгию.

Озадаченные, странно возбужденные, подшучивающие друг над другом, но полные раздумий, они приходили снова и снова, чтобы послушать его. Они покорно внимали странному мифу о вспышках света, пронизывающих паутину вещества. Когда он сказал им, что проститутка — это символ великой тайны, они поначалу слушали его с улыбкой, но вскоре перестали улыбаться. Когда он сказал им, что, дабы стать свободными, им необходимо лишь знать, что они свободны, и не соблюдать нравственные законы, и обратить инстинкт, который практически поработил их, в орудие освобождения, — они не поверили ему и расходились молча.

Они слушали, размышляли, спорили и приходили снова. Однажды он поразил их чудом. Кто-то уронил перстень в жаровню, стоящую на тротуаре в аркаде близ Форума; проповедник засунул руку в угли. Перстень, когда он достал его, почернел, но на коже не было никаких следов.

Они попросили показать другие чудеса, но он отказался. Он сказал, что сделал это, только что-

бы показать: плоть можно победить. Он сказал, что он здесь не для того, чтобы их развлекать.

Они приводили с собой друзей. С каждым днем толпа на Римском форуме становилась все больше. Он стал своего рода знаменитостью, этот странный иудей (или кто бы он там ни был), который говорил вещи, которые никто раньше не осмеливался говорить, мог касаться огня голыми руками и заставил их почувствовать острую тоску по чему-то — по свободе? силе? далекой родине? — чего они никогда не знали.

Слушатели заволновались только раз или два. Это было, когда неподалеку остановился крытый паланкин, который несли четверо рабов; человека внутри видно не было. Тогда люди расступались, освобождая дорогу, но паланкин никогда не продвигался в глубь толпы, всегда оставаясь в стороне. После того как паланкин исчезал из виду, люди успокаивались, но было заметно, что некоторое время они слушали проповедника невнимательно.

Он не делал никаких замечаний по поводу паланкина и не задавал никаких вопросов о его пассажире. Они тоже молчали. Проповедник был в городе недавно и понимал, что о некоторых вещах они знают больше, чем он.

В лучах заходящего солнца море казалось листом золота. По правому борту была земля, но они не собирались заходить в гавань. Под яркими звездами можно идти всю ночь: небо было безоблачным. Мачты скрипели — дул сильный юго-западный ветер. Они будут на Родосе к вечеру следующего дня. Пока плавание шло гладко, не считая морской болезни Марка, и было даже приятным.

Кефа сидел у руля и, нахмурившись, смотрел на горизонт.

Не надо было ездить в Антиохию. На что он рассчитывал? Положить конец ссоре между Савлом и Иаковом? Невозможно примирить того, кто не хочет мириться. Он только ухудшил положение своей неуклюжестью.

И позволил Савлу поведать о таких вещах, о которых он предпочел бы никогда не слышать.

Савл был рад его видеть. Даже больше чем рад: он был в восторге. Обратной стороной его вспыльчивого характера было необыкновенное душевное тепло. Савл был полностью лишен мелочности, сдержанности или расчета: он отдавал себя целиком, без изъяна. Кефа ценил это редкое качество — способность забыть о себе и давать безоговорочно, не считаясь с риском. Однако

в Савле это сочеталось с гордыней, которая не допускала преуменьшения его роли. Сочетание этих качеств, чистосердечности и гордыни, помноженное на высочайший интеллект, который приводил Кефу в восхищение, делало Савла человеком, которого нельзя было недооценивать. А они его недооценили — в основном Иаков. «Я думаю, нам не стоит беспокоиться о Савле. Он не причинит нам вреда».

Возможно, то же самое говорили филистимляне об ослепленном Самсоне, когда он протягивал руки, чтобы обрушить крышу им на головы.

Он не мог справиться с проблемой, которой озадачил его Савл. Она была ему не по плечу. Иаков не смог бы тоже. Савлу следовало бы обращаться к самому Господу, поскольку никого другого он не стал бы слушать.

По движению воздуха Кефа уловил, как натянулись паруса, и обернулся. На фоне неба паруса выглядели огромными и призрачными. Корабли красивы. Даже такое старое корыто, как это, которое раскачивали даже спокойные волны, а в шторм оно бы, без сомнения, вертелось, как ведро. И все же это была крепкая лодка. Настоящее грузовое судно. Он спросил, что они везут. Древесину на Родос, где они возьмут новый груз,

и соленую рыбу для доставки в Рим.

Он улыбнулся, узнав о соленой рыбе. Он знал, откуда она. Он мог назвать добрую половину людей, которые поймали и засолили рыбу и изготовили бочки. Это была единственная приятная мысль за всю неделю.

Кефа тяжело вздохнул; упадок духа сулил плохие предзнаменования для миссии, за которую он взялся. Не следовало ему ездить в Антиохию, но в тот момент он был убежден, что это правильно. Может быть, не стоит ехать в Рим?

Он отбросил эту мысль. Неуверенность в себе была его главным недостатком.

И еще трусость.

Он должен придерживаться своих принципов, несмотря ни на что. Выработать такие принципы было уже само по себе нелегко, но, когда решение принято, следует проявить твердость характера и руководствоваться ими.

Но Савл все так запутал.

— Я вижу, ты не требуешь, чтобы они соблюдали правила питания, — сказал Кефа, проведя несколько дней среди новообращенных Савла, когда все ели мясо, зная, что оно куплено на базаре, а не у еврейского мясника.

— Конечно, не требую, — сказал Савл. — Это

чушь. Какая разница, как была зарезана овца? В любом случае Иаков не держит своих обещаний. Он по-прежнему посылает людей шпионить за мной. Двое шпионов были здесь две недели назад.

— Надеюсь, ты не думаешь, что я приехал шпионить? — сказал Кефа.

— Я знаю, что это не так, — сказал Савл.

Невзирая на определенные душевные страдания, Кефа все же сделал это. Он заставил себя это сделать, так как считал, что Савл прав. Он заставил себя есть вместе с ними. Сначала пища застревала у него в горле, но потом стало легче.

Но когда он уже был готов поздравить себя с налаживанием отношений с Савлом и с победой над самим собой, произошли одна за другой две вещи.

Во-первых, Савл поделился с ним кое-какими зародившимися у него идеями, которые, по его мнению, сделают их Путь более привлекательным для греков.

— Ты должен понять, — объяснял Савл, — речь не идет о том, чтобы сделать его *легче.* Речь идет о придании ему понятной им формы. Например, греки равнодушны к пророчествам. Они раньше никогда о них не слышали.

Кефа неуверенно кивнул. Пророчества были доказательством. Но то, о чем говорил Савл, имело смысл.

— От многих вещей придется отказаться, — сказал Савл. — Но на их месте… — В его глазах появилось странное выражение, которое удивило и обеспокоило Кефу: это был какой-то благоговейный страх. — Потрясающе, — продолжал Савл, — но все началось с упражнений для ума, и чем больше я упражнялся, тем очевиднее становилось…

— Говори по существу, — сказал Кефа.

И Савл сказал по существу. С отступлениями, пояснениями, примерами и выдержками из языческой философии, которые Кефа плохо понимал и не скрывал этого. Савл даже сделал экскурс в особенности арамейского языка. Он говорил три часа: в углу стояли песочные часы. Тем не менее он сказал по существу, и сказал это так ясно и четко, что даже Кефа, который в какой-то момент закрыл руками уши (Савл этого не заметил), не мог притвориться, будто не понял сказанного.

Он дал Савлу последний шанс взять свои слова назад.

— То есть ты предлагаешь, — сказал он, стараясь не выдать в голосе волнения, от которого

мог бы задохнуться, вырвись оно наружу, — дабы иметь больше новообращенных, говорить им, будто тот, кто, как я точно знаю, был человеком и кого ты вовсе не знал, был не человеком, а богом?

— Не просто богом, — сказал Савл, — а Богом с большой буквы.

В результате, когда на следующее утро от Иакова прибыла очередная группа доброжелателей, Кефа послушался не разума и даже не сердца, а своего желудка. Он отвернулся от Савла и новообращенных и ел отдельно с гостями.

Слово «лицемер!», презрительно брошенное Савлом, звучало у него в ушах как приговор его вечному стремлению идти на компромисс.

Император-властелин мира лежал на спине со свинцовым листом на груди.

Он приоткрыл один глаз, когда к нему приблизился Симон, сопровождаемый охранниками, и закрыл его снова.

Охранники с бряцанием остановились, отдали честь и сделали что-то шумное своими копьями. Император открыл оба глаза и снял с себя свинцовый лист. Он сел и сделал недовольный жест, будто обнаружил муху у себя в стакане. Охранники двинулись в обратный путь, грохоча,

будто сталкивающиеся корабли, и заняли свои места вдоль стен.

Перед Симоном был миловидный юноша лет восемнадцати, с маленькими, странно светлыми голубыми глазами, которые смотрели так, будто им доставило бы удовольствие созерцать то, на что обычно люди смотреть не любят.

Бледные глаза смотрели на него без всякого интереса.

— Что ты здесь делаешь? — сказал император.

— Великий цезарь позвал меня.

— Да? — сказал цезарь. — Не помню для чего.

Глаза осмотрели Симона с головы до ног и с ног до головы. Вдруг лицо императора просветлело:

— Ты любишь музыку?

— Да, цезарь.

— Скажи, что ты думаешь об этом.

Император поднялся с ложа и странной походкой, сочетающей маленькие шажки и горделивый вид, направился к небольшому инкрустированному столику, на котором лежала лира. Он взял ее в руки, тронул струны и с томным выражением начал петь тонким дрожащим голосом, сам себе аккомпанируя.

Симон приказал своему лицу обратиться в камень.

Песня кончилась. Император постоял, будто размышляя о своем выступлении, потом отложил лиру.

— Ну как?

Голос выражал удовлетворение, переходящее в торжество. Глаза выдавали тревогу.

— Игра цезаря на лире достойна императора, — сказал Симон, — но, если бы я не слышал этого исполнения, я бы не поверил, что такое возможно.

— Хорошо, правда? Я собираюсь принять участие в конкурсе, когда у меня будет время. Они, знаешь, устраивают музыкальные конкурсы в Греции. Тебе нравится Греция?

— Да, цезарь. Восхитительная страна.

— Ты так думаешь? Я тоже так думаю. Знаешь, я бы хотел там жить, но это невозможно. Совершенно невозможно. — Он нагнулся вперед и прошептал: — *Дела государственной важности.*

— Да? — сказал Симон, едва удержавшись, чтобы не отпрянуть. — На плечах цезаря огромное бремя.

— Да, это правда. — Император отвернулся и сделал патетический жест рукой в сторону лиры. — И быть артистом! Ты представляешь, что это значит? Быть *артистом?*

— Это дано немногим, цезарь. — (Едва уловимая вспышка в бледных глазах служила предостережением.) — А талант, которому я только что был свидетелем, возможно, встречается раз в поколение.

— Так часто?

— Цезарь должен простить меня, — пробормотал Симон, — я могу сравнивать лишь с тем, что я знаю. Я никогда не слышал, чтобы на лире играли так… поэтично.

— Средний пассаж, ты не считаешь, что в нем было слишком много экспрессии, что было бы лучше, если бы я исполнял его более сдержанно?

— О нет, цезарь. Нет. Пассаж был исполнен идеально с точки зрения выразительности.

— А голос? Что ты можешь сказать о голосе?

— Потрясающе мелодичен, цезарь. Меня поразило владение голосом и… его чувственность.

— Правда? Очень приятно слышать. У меня, знаешь, были сомнения насчет голоса. Час в день я лежу с грузом на груди, чтобы развить легкие. Мне кажется, это правильно, да?

— Искусство требует жертв, как известно цезарю.

— Или ты считаешь, это бесполезная трата времени? Голос и без того хорош?

— На мой взгляд, голос цезаря нельзя улучшить, — в отчаянии сказал Симон. — Но цезарю лучше видно.

Буравивший Симона бледно-голубой взгляд был беспощадно ясен.

— Никто не говорит мне правды, — сказал Нерон, — потому что я император.

Какое-то время его глаза внимательно смотрели в глаза Симона, потом их выражение изменилось. Император театрально взмахнул руками, будто что-то внезапно вспомнил.

— Ты еврей! Человек, который проповедует на Форуме!

— Да, цезарь.

— Почему ты сразу не сказал? Я тебя позвал не для того, чтобы говорить о музыке. Да ладно. Давай сразу приступим к делу. Скажи мне, все то, о чем ты говоришь, правда?

— Я так думаю, цезарь.

— Все это насчет нарушения закона? Это правда? Насчет власти? Насчет богов? Это правда? Что люди могут делать все, что захотят? — Он строго посмотрел на Симона.

Симон почувствовал, как покрывается потом.

— Я так думаю, цезарь.

Император сделал шаг назад и, склонив голову,

внимательно оглядел Симона. Потом направился в дальнюю часть комнаты, сделав жест, будто подзывал собаку.

Симон пошел за ним.

Император приблизился к окну, выходящему на балкон. Симон следовал за ним на почтительном расстоянии. Нерон кивком велел ему подойти вплотную, покосившись на охранников.

— Подальше от *них*, — шепотом сказал он.

— А… да, — сказал Симон.

— Что бы ты сказал, — прошептал император, — если бы я признался тебе, что вчера ночью убил человека?

Симон сглотнул слюну. Шепот продолжался.

— Заколол его. Взял его кошелек. Сбросил тело в клоаку. Что бы сказал на это? А? А?

Симон незаметно сделал глубокий вздох:

— Я бы сказал, что это пример нарушения закона, цезарь.

— Я знал, что ты будешь доволен. Что бы ты сказал, если бы я признался, что сделал это не один, а по меньшей мере четырнадцать раз?

Симон закрыл глаза.

— Потерял дар речи? Я так и думал. Я так и думал, что ты будешь удивлен. Но ты здесь ни при чем. Я дошел до всего этого сам. Выйти одному

на улицу ночью — темнота так возбуждает, правда? — и сделать то… чего нельзя. Это искусство, ты знаешь. Ощутить свободу. И опасность. Я абсолютно беззащитен, понимаешь: со мной может что угодно случиться. Нужна такая смелость.

— Да, — сказал Симон.

— Ты понимаешь, что это искусство?

— Да, — сказал Симон, — я понимаю.

Симон посмотрел в окно. Перед ним простиралась территория дворца, украшенная мрамором и мозаиками, с охранниками и статуями. За ее пределами обычные граждане Рима занимались своими повседневными делами.

— Ты ведь не думаешь, что я сумасшедший? — спросил мальчик, стоящий рядом.

— Такого логического ума, как у цезаря, я не встречал много лет, — сказал Симон.

— Я всегда был силен в логике, — сказал Нерон, — но мои учителя этого не понимали. У меня было ужасное детство.

Он вернулся к столику, на котором стояла лира. Казалось, он потерял интерес к разговору. Он взял инструмент в руки и тронул струны.

— Скажи, что ты думаешь об этом, — сказал он.

Музыка была бесконечной.

Кто-то на удачу приколол к подоконнику ле-

тучую мышь вверх тормашками. Когда Кефа проходил мимо, она слабо трепыхалась.

— Вавилон, — пробормотал он.

Его тошнило от этого города. Дышать было нечем. От грязной реки исходила вонь. Всю ночь ему не давал спать лязг повозок. С нищетой, до которой не пал даже его народ, соседствовала роскошь, вызывавшая тошноту. Он видел колонны, и храмы, и дворцы, и отряды гигантского роста светловолосых солдат, и мужчин, похожих на женщин, и полуобнаженных женщин, и проституток, которые выглядели как дети, и ничего не понимал, более того, не понимал ни слова из языка, на котором они говорили.

Он еле поспевал за идущим впереди Марком.

— Сжалься над моим возрастом, — проворчал он.

— Извини, — сказал Марк. — Меня как будто несет. Этот город странно на меня действует.

— Тебе *нравится* здесь?

Марк покраснел:

— Здесь… все так необычно, правда?

Они шли торговым кварталом, слишком быстро для Кефы и слишком медленно для Марка. Они направлялись к Римскому форуму. Так настоял Кефа. Они были в Риме уже два дня, но еще не

приступили к делу, ради которого приехали. Марк хотел «ознакомиться с городом»; дядя Марка, у которого они остановились, сказал, что им следует отдохнуть.

Отдохнуть? Как можно отдохнуть в этом чумном городе?

— Сегодня, — строго сказал Кефа за завтраком, — мы пойдем на Форум.

Он пока не знал, что будет там делать. Строить планы было неправильно. Он послушает и будет действовать в зависимости от того, что услышит. Вернее, он будет слушать перевод Марком того, что будет сказано, поскольку, видимо, Симон будет говорить на греческом.

Кефа сердито кусал губы. В образовании есть кое-какие преимущества.

Итак, Марк будет переводить, и тогда он, Кефа, точно поймет, с чем ему предстоит бороться. Лучше всего сразиться с этим человеком, источником скверны, на публике, на глазах у его последователей, а не терять время, пытаясь исправить нанесенный вред, пока виновник разгуливает невредимый. Да, он принял правильное решение — направить усилия не на паству, а на пастыря. Он будет внимательно слушать и, если необходимо, в нужный момент, используя все свои

полномочия, вмешается.

Или, вернее, он вмешается, а Марк будет переводить его слова.

Кефа застонал.

Нужно вызвать Симона на публичный диспут. Каждый из них изложит суть дела. Все будет ясно и организованно, как на судебном процессе. Люди сами примут решение.

Люди Симона, в присутствии Симона слушающие слова Кефы в переводе Марка.

Но другого пути не было. Единственное, что должен был делать мальчик, — это честно переводить то, что говорил Кефа. Ничего особо трудного. По-гречески Марк говорил довольно бегло.

Кефа подумал о Савле. У того бы не возникло таких проблем. В идеале следовало бы поручить это дело Савлу. Но как он мог это сделать, если каждый раз, когда тот начинал говорить, его слова все больше напоминали слова Симона?

Марк опять убежал вперед. Кефа догнал его.

— Извини, — сказал Марк.

— Ты можешь мне сказать, — сказал Кефа, когда они переходили через дорогу и их едва не сбила повозка, — что «Савл» значит по-гречески?

— Боюсь, не могу, — сказал Марк. — Мой греческий далек от совершенства.

— Ты можешь начинать, — сказал Кефа.

— Нет, нет, — запротестовал Симон, — начинай ты. Ты мой гость. Хочешь, чтобы я тебя представил?

Кефа поджал губы. Симон улыбнулся. Он от души повеселится.

Кефа привел мальчика-переводчика. Мальчик явно нервничал. Даже в глазах Кефы Симон угадал признаки волнения. Он отметил, что изборожденное морщинами серьезное лицо изменилось. Возраст, конечно; но было и что-то другое: не то чтобы лицо смягчилось, скорее на нем появилось выражение смирения. Кефа стал меньше ростом. Симону было трудно поверить, что сидящий рядом с ним человек настолько силен, что лишил его силы и наслал на него проклятие, которое погрузило его во мрак на целый год.

Но мрак оказался продуктивным. Скорее, он должен быть благодарен.

Как бы то ни было, с Кефой по-прежнему следовало считаться. Уже сам факт, что он приехал сюда, доказывал это. Друзей в Риме он не имел, не говорил ни на греческом, ни на латыни и, крестьянин из далекой провинции, чувствовал себя абсолютно не в своей тарелке. Кефа не отличался

особым умом, но он не был и глупцом, чтобы не понимать невыгоды своего положения. Да им впору было восхищаться!

— Мальчик достаточно хорошо говорит по-гречески? — спросил Симон, поддавшись порыву. — Если хочешь, я могу переводить.

Предложение было вполне искренним. Чем точнее будут переведены слова Кефы, тем лучше.

Кефа посмотрел на него испепеляющим взглядом.

— Очень хорошо, — сказал Симон. Он рассматривал толпу. Было несколько новых лиц — пришли, должно быть, соблазнившись возможностью бесплатно развлечься. Крытого паланкина не было видно. Нерона не интересовал теологический спор.

— Надо начинать, пока им не стало скучно, — сказал он Кефе. — С римской аудиторией можно делать все, что угодно, только не позволять ей скучать.

Кефа посчитал ниже своего достоинства смотреть в сторону Симона.

— Они не будут скучать, — сказал он.

И, к удивлению Симона, он сдержал обещание. Толпа была заинтригована странно одетым

крестьянином, который обращался к ним с очевидной страстностью на совершенно непонятном им языке. Они смотрели на него, как смотрели бы на уродца в цирке. Когда Кефа остановился, чтобы дать Марку озвучить греческую версию, они переводили взгляд с мальчика на старика и снова на мальчика, изумляясь, что звуки, которые они только что слышали, имеют смысл и что это потрясающе немодное существо, стоящее перед ними, способно формулировать мысли.

Кефа начал, как и предполагал Симон, с критики его учения. Проявляя деликатность и учитывая обстоятельства, он осторожно подбирал слова, описывая учение как порочное, ошибочное и противоречащее здравому смыслу и человеческому достоинству. Он осуждал тех, кто принял это учение, поддавшись доводам Симона и забыв свое естественное и здравое убеждение, что Бог добр. Дабы понять, насколько ошибается Симон, сказал Кефа, им стоит вспомнить, сколько даров они получили от Бога: безопасные дома, счастье семейной жизни, удовлетворение от работы, щедрость природы, дающей им пищу.

Лица людей в толпе оставались невозмутимыми. Симон поглаживал свою бороду. Кефа не знал, что обращается к горожанам, большинство из ко-

торых никогда не видели коровы в поле, четверть не имели работы, и около трети были разведены; а их император по ночам убивал людей.

Кефа сказал, что не будет останавливаться на доктринах Симона, поскольку в сопоставлении с правдой их ложность очевидна. Потом он изложил свои убеждения. Один Бог, всемогущий, вездесущий, великодушный, — создатель и даритель, судья и законодатель, отец и друг. Таковы, как он сказал, убеждения его народа, которым тысяча лет.

Это вызвало одобрение. Они бы предпочли что-нибудь совсем свеженькое, но то, чему тысяча лет от роду, было почти так же хорошо.

Кефа неправильно понял одобрительный шумок и пустился рассказывать историю своего народа. Это было ошибкой. Толпа не понимала, зачем много лет назад нужно было завоевывать клочок земли, который превратился в третьесортную провинцию империи, и стала проявлять нетерпение. Кефа заметил это с опозданием и попытался снова завоевать их внимание.

— На протяжении многих веков, — сказал он, — десница Божья направляла и хранила Его избранный народ. Нечестивцы наказывались, добродетельные вознаграждались, невинные

защищались. Никогда торжество веры не было столь убедительным.

— Никогда не слышал большей чуши, — заметил Симон. Кефа бросил на него гневный взгляд. Симон пообещал больше не перебивать.

В последней части выступления речь шла об Иешуа. Кефа пытался сделать невозможное, и Симону было его жаль. Вера, узко ограниченная национальной принадлежностью, связанная с историческими событиями, к которым его слушатели не испытывали ни малейшего интереса, и на закуску обещавшая спасение — но не им. Неужели он надеялся, что искушенные столичные слушатели заглотят наживку?

Вроде бы даже заглотили.

— Я хочу рассказать вам, — начал Кефа, — о человеке, которого я знал лично. Мне посчастливилось быть его другом в его земной жизни. Я говорю «земной жизни», потому что сейчас он на Небесах. Он избежал смерти. И оставил нам обещание: те, кто верит, тоже избегут смерти.

Это был хороший ход. Даже если они не поняли остального, это они поняли. В столице было полно культов, которые обещали жизнь после смерти. Наконец по чистой случайности Кефа затронул нужную струну.

Но он не смог ее удержать. Он говорил об учениях Иешуа, и его способности исцелять и творить чудеса, и о том, как он являлся преображенным, излучая свет, как ангел. Он говорил о том, как отважно вел себя Иешуа с правителями страны, которые из ревности предали его смерти. Он говорил о цели этой смерти языком, который вызвал в них полное недоумение. Он говорил об ожидании того, что Иешуа вернется во славе, дабы спасти своих последователей, — и это привело римлян в еще большее недоумение, так как они не знали, от чего их нужно спасать. О том единственном, о чем они желали услышать — об удивительном, беспрецедентном воскрешении из мертвых, — он сказал вскользь и с какой-то странной сдержанностью.

Когда Кефа закончил и сел на место, толпа была в нетерпении, и Симон это сразу заметил. Они жаждали развлечения.

Он встал. Ему практически нечего было сказать. Кефа сделал почти все за него.

— Мы благодарим уважаемого оратора, который проделал весь этот путь, чтобы рассказать нам об истории и верованиях своего народа, — сказал он. Самые сообразительные в толпе хмыкнули. — Я бы хотел задать ему несколько

вопросов, — продолжал Симон. — Мне необходимо уточнить некоторые детали, касающиеся его веры. Я надеюсь, вы позволите мне занять ваше внимание такими тонкими материями. Но, поскольку он рассказывал о религии евреев в течение целого часа, я надеюсь, мне будет позволено посвятить этой теме несколько минут.

Толпа давилась от смеха. Марк перевел Кефе слова Симона. Кефа нахмурился.

— Я буду ссылаться на Писания, священные книги той религии, которую исповедует уважаемый оратор, — сказал Симон. — Писания представляют собой летопись того, как Бог оратора относился к своему народу, и все, что содержится в них, считается правдой. Оратор подтвердит это.

Марк перевел. Кефа кивнул.

— Уважаемый оратор утверждает, что Бог добр, — сказал Симон. — Я спрашиваю у него, почему это так, если в Писаниях сказано, что по его воле все люди на земле, кроме одной семьи, погибли в потопе?

Толпа замерла в ожидании. Когда перевели вопрос, Кефа снова нахмурился.

— Люди были нечестивыми и заслуживали смерти, — сказал он.

Симон улыбнулся.

— По моему мнению, Бог, который утопил практически всех людей на земле, не может быть ни добрым, ни любящим, ни отцом, — сказал он. — Все эти пресловутые качества Бога странным образом расходятся с его делами. Например, считается, что он вездесущ. Ему известно будущее. Разумно предположить, что, если он знал, что собирается всех утопить, не лучше ли было бы вообще никого не создавать?

Смех. Кефа раздраженно подергивал бороду.

— Подобная же недальновидность, — продолжал Симон, — проявляется в истории, которую я рассказал вам недавно, о первых мужчине и женщине. Как вы помните, они ослушались Бога, отведав плод знания. Если бы Господь знал все, он должен был бы знать, что они съедят плод; так зачем было его туда помещать? Чтобы было за что их наказать?

Люди в толпе одобрительно кивали.

— В Писаниях есть еще более странная история, — продолжал Симон, — о городе, который назывался Содомом. До ушей Бога дошло, что в городе происходит неладное, и он отправился туда сам, чтобы посмотреть. Понимаете, иначе он не был бы уверен. — Он сделал паузу, дав

возможность публике посмеяться. — А там действительно творились *очень* нехорошие дела. Хотите верьте, хотите нет, но некоторые мужчины вступали в гомосексуальные отношения. Бог был в ярости. Он послал на город пожар и сжег его дотла.

Раздался взрыв непристойного хохота. Кефа побелел.

— Хорошо, можно допустить, что им двигало пристрастие к справедливости, — сказал Симон, — хотя нам такая справедливость кажется довольно примитивной. Но даже по его собственным странным критериям ему невозможно угодить. Например, он велел своему народу ни в коем случае не подвергаться переписи. Может быть, он не хотел, чтобы они научились считать. Потом неожиданно он поменял решение и велел царю провести перепись. Царь провел перепись. Бог наказал его, убив значительную часть населения. Я хочу сказать, что в подобных обстоятельствах трудно поступить правильно, не так ли?

Толпа прыснула со смеху.

— Это сатана велел Давиду провести перепись, — не выдержал Кефа, когда ему все это перевели.

— Вы невнимательно читали книги, — ответил Симон. — История описывается дважды. В первоначальной версии это был Бог.

Толпа хотела знать, кто такой сатана.

— Другой бог, — вкрадчиво объяснил Симон.

Протест Кефы утонул в новых взрывах хохота.

— Давайте допустим, что есть только один Бог, — говорил Симон. — Если Бог один-единственный, тогда он воплощает в себе все качества. Это возможно. Но такой Бог не является Богом нашего оратора. Бог нашего оратора воплощает только некоторые качества и лишен других. Он добрый и справедливый. Откуда тогда берутся зло и несправедливость? Может быть, они просто существуют, а Бог не в силах что-либо с этим поделать. Но Бог нашего оратора всесилен. Перед нами логическая неувязка. Это настолько абсурдно, что даже сам Бог в это не верит. Когда он решает создать людей — я снова ссылаюсь на Писания, — он высказывает интересное предложение: *«Сотворим* человека по *нашему* подобию». Возможно, будучи Богом, он считает, что вправе говорить о себе во множественном числе. Но чуть позже, когда сотворенные им мужчина и женщина ослушались его и изведали плод знания, он говорит: «Человек стал подобен

одному из нас, познав добро и зло». Подобен одному из кого? И к кому он обращается?

Симон театрально вскинул руки, как в плохой комедии.

— Если кто-то постоянно твердит вам одно и то же, и требует, чтобы вы в это верили, и впадает в дикую ярость, если вы отказываетесь, — разве вы не начнете что-то подозревать? Этот Бог жестоко карал верующих в него за то, что они признавали существование других богов. Он ревнив, как выживший из ума старик, женатый на молодой женщине. Он *настойчиво утверждает,* что он — единственное божество во всей вселенной. Неужели непонятно почему? Он *лжет.*

Он быстро оценил их реакцию. Они были готовы к гвоздю программы.

— А теперь мы подходим, — сказал Симон, — к самому интересному. Поскольку именно в истории о смерти друга нашего оратора — Иешуа, как нигде, проявляются злые качества этого лживого Бога. Оратор сказал вам, что его смерть была необходима как «искупление». Вы можете быть незнакомы с этим словом. Оно означает принесение жертвы, дабы умилостивить Бога, чтобы он простил все дурное, совершенное вами. В данном случае нас уверяют, что искупительная

жертва была человеческой. Обратите внимание. Человеческая жертва. И в жертву принесли не кого-нибудь, а человека, избранного Богом и отмеченного его благосклонностью. И нас убеждают, что жертва *требовалась* и была абсолютно необходимой для Бога, который считается *по-отечески* заботливым и любящим.

Он повернулся к Кефе.

— Я правильно передал суть того, что вы проповедуете?

Кефа слабо кивнул. В толпе зашептались.

— Полагаю, я достаточно рассказал о качествах этого отвратительного Бога, — сказал Симон. — Добавлю лишь одну-две детали, касающиеся смерти Иешуа, которые уважаемый оратор в своем рассказе опустил. *Как* умер этот мудрый и добродетельный человек? Может быть, его, подобно Агамемнону, заколол ножом под покровом ночи какой-нибудь трус? Нет. Погиб ли он с честью на поле брани? Нет. Был ли он отравлен ядом, как Сократ? Или вскрыл вены, как делают многие в этом городе, зайдя чересчур далеко в своих политических пристрастиях? Ничего подобного. Скажи нам, Кефа, как он умер.

И Кефа сказал, неожиданно охрипшим голосом.

Повисла тишина, исполненная удивления и презрения. Кто-то сплюнул.

— Не очень благородно, не так ли? — безжалостно продолжал Симон. — А теперь послушайте о самом постыдном. Или о самом забавном, в зависимости от того как на это смотреть. Когда Иешуа, его друга, схватили, когда было очевидно, что его ждет смерть, что сделал наш оратор? Он был там, он все видел, он был даже вооружен. Так что он сделал? Я вам скажу. — Симон нагнулся вперед, сложил ладони рупором и произнес театральным шепотом, слышным в каждом углу Форума: — *Он сбежал.*

Он подождал мгновение, пока не грянул взрыв смеха, и, поприветствовав толпу и вежливо поклонившись Кефе и Марку, отправился домой.

В течение дня прибыло двое посыльных. Первым был Марк. Он передал приглашение Кефы померяться силами в чудотворном искусстве. На втором посыльном была пурпурная туника Преторианской гвардии. Он доставил приглашение императора, написанное неуклюжими стихами по-гречески, на прием, устраиваемый во дворце следующим вечером.

Симон прибыл, когда на газоне был в разгаре поединок борцов. Симон поинтересовался, не

опоздал ли он. Нет, сказали ему: император смотрел борьбу весь день.

В саду и на прилегающей территории было около сотни человек. Симон узнал популярного возничего, не менее трех гладиаторов, танцовщика, двух актеров пантомимы и большую часть девиц из высококлассного борделя, специализирующегося на клиентах с необычными вкусами. Среди этих гостей выделялись, как гробовщики на пикнике, мужчины среднего возраста, в сенаторских тогах с пурпурной каймой. Сновали рабы с ломящимися от угощений подносами.

Нерон лениво развалился на кушетке прямо перед борцами, лаская хорошенькую молодую женщину.

Симон поклонился.

— Рад, что ты смог прийти, — сказал император.

На нем был зеленый шелковый халат, расшитый павлинами. Левой рукой он рассеянно ласкал груди молодой женщины, не отрывая глаз от борцов.

— Тебе нравится борьба?

— О да, цезарь.

— Я сам собираюсь когда-нибудь заняться борьбой. В ней интересным образом сочетаются

умственное и физическое. Эту форму искусства недооценивают. Вот греки знали толк в таких вещах. — Он раздвинул полы своего халата внизу и положил туда руку молодой женщины. — Ты любишь поэзию?

— Да, цезарь, очень люблю.

— Я буду читать стихи собственного сочинения. Ты должен мне сказать, что ты о них думаешь.

Он жестом показал Симону, что аудиенция окончена.

Симон отправился гулять среди гостей, но был остановлен рабом, который подвел его к приготовленному ложу. Другой раб наполнил его кубок вином, а третий принес блюдо с жареным гусем. Симон ел, пил и смотрел поединок борцов.

Борцы были равными, но тот, что пониже ростом, отличался лучшей реакцией. Восстанавливая утерянное равновесие, он неожиданно разогнулся и ткнул своего противника большим пальцем в глаз. Пока тот приходил в себя, он схватил его, развернул, приподнял и с силой бросил на землю.

Рука Симона с кубком замерла на полпути ко рту. Это было явное нарушение правил.

Император радостно зааплодировал. После короткого замешательства все последовали его

примеру.

Симон повернулся к мужчине на соседнем ложе. Одетый в тогу с пурпурной каймой, он был погружен в какие-то тревожные мысли.

— Вы это видели? — спросил Симон.

Сенатор поднял голову и посмотрел на него.

— Нет, — сказал он. — И вы тоже.

— Вы шутите.

— Это один из любимцев императора, — сказал сенатор.

— Понимаю, — сказал Симон и задумчиво принялся за гуся.

Вышли два других борца. Император наблюдал за их поединком с меньшим интересом, чем за первой парой. Когда Симон посмотрел на него снова, тот обнажил одну грудь молодой женщины и водил вокруг ее соска пальцем, обмакнутым в краску для глаз.

— Симпатичная девица, — заметил Симон, обращаясь к своему соседу после продолжительной паузы. Нерон явно пригласил этого человека не для поддержания беседы.

Сенатор никак не отреагировал.

— Вы ее знаете? — не унимался Симон. — Скорее всего она из…

— Она, — сказал сенатор, — моя жена.

Вскоре борьба закончилась, и под деревьями начало свое выступление трио музыкантов. Нерон исчез. Симон решил прогуляться и осмотреть сад. Сад украшала внушительная коллекция мраморной и бронзовой греческой скульптуры, а также несколько редких растений, включая с удивлением отмеченный Симоном скромный неприметный плющ высоко на стене. Тот не рос в Италии и применялся только с одной целью. Симон гадал, знает ли об этом Нерон, и понял, что, должно быть, Нерон и посадил его.

Цветочные клумбы представляли собой четкие прямоугольники, разделенные дорожками из каменной плитки. Одна дорожка, отходящая от главной, вела мимо кустов роз к декоративным чугунным воротам. Симон пошел по ней, но вскоре путь ему преградил самый огромный солдат, какого ему приходилось видеть. Симон пробормотал извинения и, прежде чем охранник загородил вид, успел заметить странную сцену: в небольшом внутреннем дворике за воротами возлежала на скамье немолодая женщина; она ела виноград, наклонив голову и выказывая полное равнодушие к императору, который неистово лобзал ее лодыжки.

Симон поспешил уйти. В месте, где дорожка

разделялась, он обернулся. Солдат отошел от ворот и мочился на копию Афродиты Праксителя.

К тому моменту, когда Симон вернулся, вечеринка заметно оживилась. Гладиаторы затеяли ссору из-за одной бордельной девицы, другие девицы начали танцевать, к явному раздражению музыкантов, игравших инструментальную аранжировку «Смерти Аякса»; а танцора тошнило в фонтан.

В углу сада Симон нашел неразговорчивого сенатора.

— Я думал, вы ушли домой, — заметил он.

— Никто не расходится, пока Нерон не прочтет своих стихов, — сказал сенатор замогильным голосом.

— Понятно, — сказал Симон. — А когда он будет читать свои стихи?

— Еще не скоро. Сначала будет комедия, потом «Падение Трои» и сюрприз.

— Что?

— Вы сами все увидите.

— Но что за сюрприз нас ждет?

— Мы все скоро это узнаем, — сказал сенатор.

Симон оставил его в покое и присоединился к остальным гостям. По пути его поприветствовал Нерон, который повис на шее у борца, ткнувшего

своего противника в глаз.

— Это Ясон, — сказал император. — Неправда ли, он мил? Поздоровайся, Ясон.

— Привет, — сказал Ясон.

— Он потрясающе силен, — сказал император. — Ты видел, как он схватил того мужлана и швырнул на землю? Это было здорово, правда?

— Это урок, цезарь.

— Это урок. Хорошо сказано. Очень метко. — Он обдумывал мысль, склонив голову, потом ткнул борца под ребра и хитро на него посмотрел. — Теперь Ясон *очень* образован, да, Ясон? Он *многое* знает. Иногда он перебарщивает. Шалун. Я постоянно ему говорю, — лицо императора стало по-кошачьи хитрым, — мне придется принять меры. Думаю, его надо кастрировать. Как ты к этому относишься, Ясон?

Ясон улыбнулся одними губами.

— Тогда, понимаете, я мог бы на нем жениться, так? И не было бы сомнений, кто главный. Ты думаешь, это будет забавно?

— Очень оригинально, цезарь.

— Оригинально. Правда? Наверное. Неужели этого не делали раньше?

— Насколько мне известно, нет, цезарь.

— Как здорово! — Глаза императора блестели от

удовольствия. — Это можно назвать искусством?

— Искусством своего рода, цезарь.

— Искусством своего рода. Это так. Мы должны это сделать! — Он пошел дальше, обняв Ясона за сильную шею и шепча: «Как интересно!»

Симон отыскал ложе и велел рабу смешать вино с водой.

Комедия была похабной — с бесчестным правоведом, обманутым опекуном, мужем-развратником и путаницей с переодеванием. Сюжет был слабым и невразумительным. Публика неистово аплодировала на случай, если автором пьесы окажется Нерон.

После комедии снова была музыка, в исполнении молодого раба-грека на кифаре. Он играл очень хорошо. Как только сладкие чистые звуки поплыли над садом в сгущающихся сумерках, разговоры стали стихать, и исполнение закончилось в полной тишине.

Нерон нахмурился.

Раб начал исполнять другую песнь. После первых же нот император подбежал к нему, выхватил у него кифару и ударил ею по голове. Второй удар пришелся по спине, и музыкант упал на землю. Нерон швырнул в него инструментом и пнул мальчика ногой в бок.

— Я покажу тебе, как оскорблять моих гостей этой чепухой! — кричал он.

Мальчик пополз прочь, зажав рукой глубокую рану на лбу. Нерон в ярости топтал кифару.

Следующим номером в развлекательной программе значилось представление с факелами и колесницами. Было освобождено большое пространство, затем с противоположных концов сада два возничих в масках и легких доспехах поехали навстречу друг другу, как на поле боя. Один в последний момент свернул и бросился наутек, преследуемый другим возничим. Началась гонка вокруг импровизированной арены. Было очевидно, что преследуемый возница был умелым профессионалом, в то время как преследующий плохо понимал, что делает. Дважды он чуть не потерял равновесие, а один раз едва не наехал на зрителей.

Наконец ведущая колесница позволила другой догнать себя. Они поехали медленнее, потом остановились, и начался бой на мечах. После нескольких театральных выпадов и парирований второй возничий эффектно, как в балете, выбил меч из рук противника и имитировал смертельный колющий удар. С победным видом, стоя одной ногой на простертом теле противни-

ка, он снял маску, и все увидели Нерона. Раздался гром аплодисментов.

Через какое-то время поверженному противнику было позволено встать и снять маску. Это был профессиональный возничий, которого видели среди приглашенных. Аплодисменты были воплощением сдержанности.

Симон думал, что представление окончилось, и удивился, увидев, как после короткой паузы император снова сел на колесницу и стал объезжать арену кругом почета. На этот раз аплодисментам предшествовала короткая неловкая пауза. Протиснувшись поближе, Симон увидел, что за колесницей Нерон тащит куклу в человеческий рост. Он не сразу заметил кровавое пятно в свете факела и не сразу понял, что это не кукла.

— Один из способов избавиться от соперника, — едва слышно сказал стоящий с ним рядом человек.

— Кто это? — шепотом спросил Симон.

— Раб, игравший на кифаре.

Симон отошел от толпы и направился в ту часть сада, где были расставлены ложа. У него болела голова.

Мимо прошел угрюмый сенатор.

— Полагаю, это был сюрприз, — сказал Симон.

— Нет, — сказал сенатор. — Это было «Падение Трои».

Было уже поздно. Половина гостей перепилась. Возобновился спор между гладиаторами, который перерос в кулачный бой. Много кого успело стошнить в фонтан.

Император снова разгуливал со своим борцом.

— Веселишься? — сказал он, обращаясь к Симону. — Хорошо. Все самое интересное еще впереди. — И пошел дальше.

Через некоторое время испуганные гости услышали сотрясение и рев. На площадке, расчищенной для колесниц, появилось четверо рабов, которые волокли огромную клетку на колесах. Клетка была укрыта со всех сторон ветками так, чтобы не было видно, что скрывается внутри. Из клетки доносился звериный рев.

Клетка остановилась. Трое рабов моментально растворились в кустах. Четвертый, вооружившись длинным шестом, осторожно открыл задвижку.

Когда дверь клетки откинулась, в саду воцарилась мертвая тишина.

За миг до того, как началась паника, можно было увидеть уродливое, волосатое чудовище с когтями и с разинутой пастью. Люди бросились

наутек. Симон увидел, как зверь набросился на одну из гостий. Что-то в движениях зверя насторожило его, и он остался там, где стоял, за кустами, и стал наблюдать.

Рыча, зверь содрал с девушки одежду и, бросив ее, стал преследовать новую жертву. Не поймав ее, он налетел на клубок из гостей, которые попадали, зацепившись друг за друга, когда пытались убежать. Зверь терзал и топтал их, но скорее для забавы, чем в злобе. Увидев пожилого сенатора, который отчаянно и неловко пытался вскарабкаться на дерево, зверь бросился к нему, стащил его вниз и, когда тот упал, стянул с него тогу. Рыча от восторга, он погнался за ним, когда тот бросился к кустам, приподняв тунику и обнажив свои старческие бедра.

Симон так увлекся наблюдением за зверем, что забыл о гостях. Лишь в последний момент он заметил гладиатора. Тот схватил со стола поднос и, держа его в левой руке, словно щит, с кинжалом в правой руке побежал за зверем.

Симон открыл рот, чтобы закричать.

Молниеносно возникший из темноты охранник свалил гладиатора ударом в шею.

Зверь остановился, услышав за спиной шум, и обернулся. Он оценил происходящее. На задних

лапах, какой-то странной семенящей походкой он направился к центру сада, где гости жались к стенам, прятались за ложами и под столами.

Игра была окончена. Нерон снял с себя медвежью шкуру.

Перед финальным номером развлекательной программы интервал был более продолжительный, что, по мнению Симона, объяснялось не столько необходимостью дать гостям прийти в себя, сколько необходимостью позволить императору восстановить голос. Примерно через час были вновь установлены места для зрителей и небольшая трибуна.

Симон опять встретил мрачного сенатора.

— Это был сюрприз?

— Смею надеяться, что да, — сказал сенатор.

Ложе, расположенное чуть в стороне и с персональным охранником, занимала женщина, чьим щиколоткам Нерон уделял столько благоговейного внимания недавно во дворике.

— Кто это? — шепотом спросил Симон, показав глазами.

— Это? Да вы, я вижу, совсем ничего не знаете. Это Агриппина. Мать императора.

Нерон начал читать свои стихи.

— Я не знаю, что это тебе докажет, — сказал

Симон, когда они стояли вместе на Форуме и смотрели на собравшуюся толпу. — Или, важнее, что это докажет им?

Кефа, похоже, не понял оскорбительного подтекста.

— Это покажет им, кто из нас говорит истину, — сказал он.

— Если ты веришь в это, ты глупец, — резко ответил Симон. После приема у императора он был не в лучшем расположении духа. Рассыпать любезности, даже саркастические, ему совершенно не хотелось. — Они тоже глупцы, — сказал он.

— Ты презираешь свою паству?

— Во всяком случае, я их знаю.

— Даже самый примитивный ум, — сказал Кефа, — способен понять истину.

— Твоя проблема, — сказал Симон — в том, что ты определяешь истину так, что только самый примитивный ум и может ее понять.

Кефа промолчал. В это утро он был необычайно уверен в себе. Симон пожал плечами. Состязание было ребячеством. Он жалел, что принял вызов. Но иначе Кефа сказал бы, что он испугался. Скорее всего Кефа сам бы начал показывать чудеса, а ему, Симону, пришлось бы бросить вызов Кефе. Все это было так нелепо. Между ними было лишь одно

различие: он знал, что это нелепо, а Кефа нет.

Однако различие было существенным.

— Хорошо, — сказал он, — покончим с этим.

— Ты начинаешь, — сказал Кефа.

— Нет. Это твоя инициатива.

— Я начинал первым в прошлый раз.

— Ради всего святого, — сказал Симон.

Он подумал, не использовать ли иллюзию землетрясения: Форум бы опустел моментально и у Кефы не осталось бы зрителей. Но это не годилось. Фарс должен быть сыгран.

Собралась большая толпа, заполнившая треть Форума и часть площади, где был фонтан. Симон осмотрел фонтан и велел публике встать лицом к нему.

Вода начала менять цвет. Она становилась то розовой, то малиновой, то пурпурной, то синей. Наконец струи приобрели мягкий переливчатый жемчужно-зеленоватый цвет. На взгляд Симона, это была одна из самых красивых иллюзий в его карьере. Для пущей законченности он заставил ожить скульптуру — довольно неуклюжего Нептуна на пьедестале, который в знак приветствия вскинул трезубец.

Толпа одобрительно загудела.

Симон посмотрел на Кефу. На лице того застыло

изумление. Симон догадался, что Кефа никогда не видел чудес, сотворенных не его учителем или не от его имени, и не верил, что Симон на такое способен.

Кефа пришел в себя.

— Уверен, я могу сделать что-нибудь более полезное, — недовольно проворчал он.

Он сказал что-то Марку и дал ему монету из кошелька. Мальчик побежал в одну из лавок, расположенных в аркаде, и вскоре вернулся, держа что-то большим и указательным пальцами. Что-то коричневатое и высушенное. Симон смотрел, не веря своим глазам. Это был маленький копченый лосось.

— Ты не успел позавтракать? — едва слышно сказал он.

Кефа взял в руки лосося и показал его толпе как трофей. Толпа смотрела, удивлялась и хихикала.

— Скажи им, что это лосось, — велел Кефа.

Марк сказал, что это лосось. Раздался взрыв смеха. Этот смех нельзя было назвать дружелюбным.

— Сделай что-нибудь, пока они не начали кидать в тебя всякой всячиной, — прошипел Симон.

Кефа спустился по ступеням и слился с толпой.

Толпа расступалась, неохотно и немного пренебрежительно, давая ему пройти. Он подошел к фонтану и бросил туда лосося.

— У него пунктик на рыбе, — объяснил Симон людям, стоящим поблизости.

Зрители у фонтана сгрудились вокруг, толкая друг друга, чтобы получше рассмотреть. Раздались возгласы удивления.

Симон, насупившись, спустился вниз и подошел к фонтану. Лосось плавал в воде. Симон уставился на него.

Кефа улыбался.

— Крестьянин, — сказал Симон.

Он встал на край фонтана и обратился к аудитории.

— Вы слышали, как наш друг рассказывал о воскрешении из мертвых, — сказал он. — Пока у них это получается только с рыбами. Но они продолжают работать…

Кефа встал рядом с ним.

— Чей Бог настоящий? — крикнул он.

Тишина.

Марк поспешно перевел.

— Симона! — проревело сзади. Говорила статуя. Кефа подпрыгнул от неожиданности.

Симон хихикнул.

— Твоя очередь, — сказал он.

Кефа внимательно рассматривал толпу. Симон догадался, что он ищет кого-нибудь, чтобы исцелить. По стечению обстоятельств, в толпе не было никого с видимыми физическими изъянами. Толпа состояла преимущественно из граждан среднего класса, которые могли позволить себе услуги врача.

— Еще один лосось? — предложил он.

Кефа оставил реплику без внимания.

На земле у подножия фонтана лежал раненый голубь. Похоже, у него была сломана лапка. Он предпринимал неоднократные попытки встать на ноги, получая пинки от зрителей. Теперь он лежал неподвижно, грудка его тяжело вздымалась. Кефа велел Марку принести его.

Он подержал голубя в руках, потом провел ладонью над поврежденной лапкой. Птичка затрепетала и открыла глаза. Потом неуклюже встала на ноги. Кефа подбросил голубя вверх, и он улетел прочь.

— Голубь! — насмешливо сказал Симон.

Кефа снова спросил у публики, чей Бог могущественнее. Толпа отвечала, что в Риме и так развелось слишком много голубей.

— Тебе пока не удается уловить настроение

аудитории, — заметил Симон.

Поскольку Кефа подарил им голубя, он решил подарить им орла. Римского орла, с великолепным оперением, острым глазом, сильным клювом и мощными когтями. Тот расположился на верхней чаше фонтана и жмурил свои желтые глаза на ярком солнце. Затем медленно, лениво расправил крылья и поднялся в воздух. Он величественно облетел Форум по периметру и, скрывшись за домами, ушел в сторону Капитолия.

Толпа наблюдала в почтительном молчании. Затем послышался одобрительный гул.

— Советую соблюдать осторожность, — сказал Симон, — при выборе следующего номера.

Кефа не знал, что делать дальше. Он растерянно смотрел по сторонам. Ему на помощь пришел случай, а может быть, и что-то иное.

Владелец одной из лавочек в аркаде, гончар, установил снаружи лавочки, частично по политическим соображениям, частично с целью рекламы своего товара, большой терракотовый бюст цезаря на постаменте. Будучи не только дорогим, но и потрясающе уродливым, он не привлек покупателей, но стоял на этом месте так долго, что стал неотъемлемой частью Форума.

Молодые люди назначали у бюста свидания своим возлюбленным.

Сын лавочника взобрался на балку, чтобы получше видеть происходящее. Нагнувшись слишком сильно вперед, чтобы рассмотреть орла, он потерял равновесие и упал, разбив при этом вдребезги как терракотовый бюст, так и полдюжины гончарных изделий. Все повернули головы. Начавшийся было смех тотчас оборвался. Мальчик был испуган, но невредим. Изображение Нерона распалось на сотни осколков.

Лавочник, стоявший в толпе, зарыдал.

Его пытались успокоить.

— Никто не узнает. Быстро собери осколки и поставь другого.

— У меня нет другого! — рыдал лавочник.

Толпа замерла, постепенно осознавая весь ужас того, что произошло.

— В чем дело? — шепотом спросил Кефа у Симона. — Он был очень ценным?

Симон ему объяснил.

— Но ведь это всего лишь *статуя,* — сказал Кефа. — Это произошло случайно.

— Мы живем под властью императора, — сказал Симон, — который может привязать к колеснице человека за то, что тот лучший музыкант, чем он.

Слово «случайно» не входит в его лексикон.

— Что он сделает с ними, с мужчиной и его сыном?

— Исходя из того что я знаю об императоре, — сказал Симон, — он скорее всего нарядит их в медвежьи шкуры и заставит убивать друг друга на арене.

Кефа посмотрел на него в изумлении. Симон увидел, как глаза Кефы потемнели. Кефа начал кое-что понимать.

— Марк, — тихо сказал Кефа, — найди мне миску.

— Миску? Для чего?

— Найди и принеси.

Марк кинулся выполнять поручение, пробираясь сквозь толпу. Вскоре он появился вновь с небольшим оловянным тазом.

— Одолжил у цирюльника, — сказал он. — Нужно будет вернуть.

Кефа спустился и набрал в таз воды из фонтана. Он сделал над ним какой-то знак. Затем стал пробираться сквозь толпу, осторожно неся таз, чтобы не пролить воду. Марк и Симон шли следом.

Они дошли до того места, где разбился бюст. Лавочник и его сын рыдали, вцепившись друг в друга. Вокруг собралась небольшая группа уте-

шителей, дающих бесполезные советы. Осколки глиняной посуды были разбросаны на расстоянии нескольких ярдов.

— Скажи, чтобы они собрали все осколки и сложили их в кучу, — обратился Кефа к Симону.

Симон поднял вверх брови, но сделал, как его просили.

Неохотно, с саркастическими комментариями, они начали собирать осколки. Кефа заставил их смотреть внимательно, чтобы не пропустить ни единого. Когда осколки были собраны в кучу, он повернулся к Симону.

— Я делаю это для них, — сказал он. — Прошу тебя не мешать мне.

— Мешать? О чем ты?

Кефа вскинул голову, — видимо, молился. Потом, зачерпнув немного воды из таза правой рукой, опрыскал глиняные черепки.

Что-то дрогнуло в воздухе, слишком быстро, чтобы увидеть, что это было.

На земле стояли четыре глиняных горшка для приготовления пищи, ваза для цветов, кувшин с бордюром, изображающим Бахуса и Ариадну, и большой бюст Нерона. Нос был слегка отбит.

У Симона волосы встали дыбом.

Толпа за его спиной начала скандировать: *«Си-*

фа! Сифа! Сифа!»

Кефа улыбался. Его знания греческого хватало, чтобы понять это.

— Теперь твоя очередь, — сказал он.

— Как ты это сделал? — недоверчиво посмотрел на него Симон.

— Я ничего не делал, — сказал Кефа. — Бог сделал все моими руками.

— Если бы ты не был таким упрямым занудой, — сказал Симон, — мы могли бы стать друзьями, ты и я.

— Как огонь и вода. Теперь твоя очередь.

Они пошли обратно к фонтану. Симон с ненавистью отметил, что лосось по-прежнему плавал в воде.

Толпа продолжала скандировать имя Кефы. Симон оценивал свой репертуар. После последней демонстрации требовалось что-то сенсационное.

Кефа наблюдал за ним.

— Ты можешь поднимать из мертвых? — небрежно спросил Кефа.

— Какой в этом смысл? — сказал Симон. — Они все равно потом умрут. Кроме того, это разрушительно для общества.

— Так ты можешь?

— Нет, — сказал Симон, — и ты не можешь.

— Это как сказать.

— Тогда сделай это.

— Ну нет. Сейчас твоя очередь.

— Более того, и ты со мной в этом согласишься, в данный момент никого из мертвых на Форуме нет.

— Тогда убей кого-нибудь, — сказал Кефа.

Симон посмотрел на него. Глаза немного потемнели. Да, он сказал это.

— Ты предлагаешь, чтобы я кого-нибудь убил?

— Я слышал, маги способны убить словом.

— Это так.

— Тогда сделай это.

— Было бы интересно попасть на суд к Нерону по обвинению в убийстве, — сказал Симон, — но это развлечение не для меня.

— Можешь быть уверен, — сказал Кефа, — что если ты способен убить человека словом, я способен словом поднять его из мертвых.

— Ну конечно, — сердито сказал Симон. Он был загнан в угол. Обычный блеф — но он не мог сказать об этом открыто. — Хорошо устроился! — проговорил он. — Единственное, на что ты способен, — это чинить вещи. Другие люди должны сперва разбить их.

— Публика теряет терпение, — сказал Кефа. —

Ну так как?

Взгляд Симона упал в этот момент на Марка. Блеф или нет?

— Возьмем мальчика, — сказал он.

— Нет-нет, ни в коем случае, — запротестовал Кефа.

— Разве? — сказал Симон.

Они смотрели друг на друга. Кефа неохотно кивнул.

Симон жестом подозвал Марка.

— Это не больно, — сказал он. — Закрой глаза и подумай о своей маме.

Он крепко сжал голову мальчика в своих ладонях и держал ее так, считая удары пульса, пока не дошел до десяти. Потом наклонился и тихо шепнул на ухо Марку длинное слово. Очень медленно, как только он отпустил руки, очень медленно и грациозно мальчик начал сползать вниз, как кукла, согнувшаяся под невидимым грузом. Он опустился на колени, упал вперед и остался лежать в пыли у подножия фонтана.

Некоторое время Кефа стоял неподвижно. Затем бросился к Марку и перевернул его на спину. Лицо было очень бледным и спокойным. Кефа сердито отталкивал столпившихся вокруг людей.

— Отойдите назад, — крикнул Симон. — Освободите ему место.

Кефа молился. Симон видел, как по его лицу струится пот. И слезы. Кефа молился так, словно у него разрывалось сердце. Потом он наклонился и поднял правую руку мальчика.

— Марк! — громко позвал он, и что-то в его голосе поразило Симона.

Пауза. Потом бледные щеки слегка порозовели, будто их тронула заря. Мальчик зевнул. Он открыл глаза, покраснел до корней волос от неловкости и вскочил на ноги.

Толпа ликовала. Симон вспомнил, но слишком поздно, что никто не объяснил людям происходившего.

Они с Кефой стояли рядом и смотрели друг на друга. Симону вдруг захотелось пожать Кефе руку.

— Ну, — сказал он бодрым голосом, — что будем делать дальше?

— Без сомнения, — сказал Кефа, — этого достаточно. Я только что вернул мальчика к жизни, чего ты, по твоему собственному признанию, сделать бы не смог.

— Но он не был мертв, — сказал Симон, горячась. — Ты что думаешь, я идиот?

— Я думаю, ты лжец, насмешник, обманщик и плут, — с горечью сказал Кефа.

— Было бы лучше, если б я оказался убийцей? Это в большей бы степени отвечало твоим целям, так? Я нужен тебе, Кефа. Почему ты не хочешь в этом признаться? И тогда мы оба могли бы разойтись по домам.

— Ты безумец, — сказал Кефа.

Толпа, не понимающая, о чем идет речь и не вполне уверенная в том, что произошло у нее на глазах, требовала объяснить, действительно ли мальчик был мертв.

— Он не был мертв, но он не был и жив, — ответил Симон.

— Как это понимать? — спросил кто-то недовольно.

— В доме за углом вчера ночью умер человек, — вызвался услужливый парень. — Они вот-вот будут выносить его. Давайте я скажу, чтобы несли сюда.

— Нет, — резко сказал Симон.

— Да, — закричали двадцать человек. Услужливый парень убежал.

— В чем дело? — спросил Кефа.

— Тебе придется повторить это еще раз, — сказал Симон.

Ждать пришлось долго. Симон устал. Он был голоден. Видимо, так же, как и Кефа. Тот снова отослал Марка с поручением, и вскоре мальчик принес что-то завернутое в лепешку. Это оказалась маринованная рыба.

Наконец появилась небольшая процессия: родственники умершего, носильщики и гроб. Люди почтительно расступались, и вот гроб опустили на землю напротив фонтана. Симон увидел человека средних лет, с умным, не тронутым болезнью лицом. Возможно, совестливый государственный чиновник, побывавший на вечеринке Нерона и умерший от разрыва сердца. В том, что он мертв, сомнений не было.

— Ну? — сказал Кефа Симону.

— Он твой, — сказал Симон.

Кефа подошел к гробу. Через Марка он спросил имя умершего человека и велел всем отодвинуться. Он долго молился. Потом, взяв руку человека в свою, он громко назвал сказанное ему имя.

Ничего не произошло.

Кефа попытался снова. Наблюдая за ним, Симон понял, что ничего не выйдет. Того, что было в голосе раньше, на этот раз не чувствовалось.

Под хмурыми взглядами зрителей Кефа предпринял три попытки. Ничего не получалось.

Он вернулся на место и сел, явно расстроенный.

— Ничего, — успокоил его Симон. — Вполне понятно. Ты истощил свою силу.

— Он не мой, — сказал Кефа с тупым упрямством.

— Ну и хорошо.

— Попробуй ты, — сказал Кефа.

— Я ведь говорил тебе, — ответил Симон. — Я не умею поднимать из мертвых.

— Все равно попробуй.

— С какой стати?

— Потому что это состязание.

Симон пожал плечами, встал и подошел к гробу. Он не будет пытаться сделать то, чего не может. В обычной ситуации он вообще не стал бы ничего делать. Но Кефа настаивал на состязании. Хорошо, он получит состязание.

Симон сосредоточил свою волю на мраморном лице умершего. Он вбирал в себя энергию всех стоящих вокруг и концентрировал ее, пока стоящие у гроба с изумлением не заметили, как у мертвеца дрогнули губы и он улыбнулся, а потом повернул голову.

Недоверчивый шепот вскоре перерос в радостные крики. «Симон! Симон! Симон!» — ревела

толпа. Кефа изумленно вскочил на ноги.

Симон сделал жест рукой и пошел прочь. Мраморная голова лежала неподвижно.

Сбитая с толку толпа затихла. Потом послышался ропот. Он становился громче.

— Это была *иллюзия!* — вскричал Кефа, вне себя от ярости.

— Конечно, иллюзия, — раздраженно ответил Симон. — А тот дурацкий лосось разве не иллюзия?

Спор зашел в тупик. Внезапно толпа затихла, как, говорят, затихает пение птиц перед землетрясением. Симон встал на край фонтана, чтобы посмотреть, что случилось.

В углу Форума стоял крытый паланкин.

Раб в имперской ливрее пробирался сквозь поспешно расступающуюся толпу. Он остановился напротив Симона.

— Цезарь шлет приветы своему почетному гостю, — объявил он.

— Верный подданный цезаря возвращает приветы цезаря с молитвой за здоровье цезаря.

— Цезарь сожалеет, — продолжал раб монотонным голосом, — что дела государственной важности не позволили ему присутствовать на магическом поединке, состоявшемся здесь

сегодня. Поэтому он велит Симону Волхву и его сопернику прибыть в императорский дворец завтра в полдень, чтобы продемонстрировать свое искусство, а император определит победителя.

— В чем дело? — спросил Кефа.

Время тянулось медленно. Весь день Симон провел в постели, наблюдая за игрой света и тени на потолке.

Наконец пришел вечер. Вечер сменила ночь.

Симон встал, надел плащ и пошел к дому, где остановился Кефа.

Кефа сам открыл дверь.

— А, — сказал он, — ты пришел. Я так и думал. Входи, выпьем вина.

— Я уже приходил к тебе однажды, — сказал Симон, проходя вслед за Кефой в просто обставленную комнату, — с подарком, а ты прогнал меня, наслав проклятие.

— Это был не подарок, а взятка, — сказал Кефа. — За проклятие прости, у меня вспыльчивый характер.

— Надеюсь, ты не проклянешь меня на этот раз, потому что теперь я предлагаю обмен подарками.

— Я знаю, — сказал Кефа, разливая вино. — Ты пришел, чтобы признать поражение. Взамен ты

хочешь, чтобы мы договорились насчет завтрашнего состязания.

Симон отхлебнул вина. Оно оказалось неожиданно хорошим.

— Ты ошибаешься, — сказал он.

Кефа резко выпрямился и расплескал вино на коврик.

— Ты ничего не понимаешь, — сказал Симон. — Прежде всего, мы никогда ни о чем не договоримся. Антагонизм между нами непримирим, он будет проявляться всегда и во всем. Завтра он проявится перед императором, и мы ничего не можем с этим поделать. Во-вторых, хотя я признаю поражение, я потерпел его не от тебя.

Кефа задумчиво сел напротив.

— Зачем ты тогда пришел? — спросил он.

— Поговорить, — сказал Симон. — Мне нужно поговорить. Это твой подарок мне. И ты должен выслушать то, о чем я хочу тебе сказать. Это мой подарок тебе.

Кефа изучал вино в своем кубке.

— Я не считаю себя гордецом, — сказал он, — но сомневаюсь, что ты можешь сказать мне что-то такое, что я должен выслушать.

— Я знаю, — сказал Симон. — Именно поэтому ты должен это выслушать.

Кефа промолчал.

— Мы оба были не правы, — сказал Симон. — Мы совершили одну и ту же ошибку, хотя мы совершенно разные люди и выбрали разные дороги. Дорога, которую выбрал я, показала мне, что я был не прав: такова ее природа. Но дорога, которую выбрал ты, никогда не покажет тебе, что ты не прав: такова ее природа. Поэтому на мою долю выпало сказать тебе об этом.

— Как великодушно, — сказал Кефа.

— Конечно, это не поможет, — продолжал Симон. — Это тоже в природе вещей.

— Может, — предложил Кефа, — скажешь, о чем идет речь.

— Это не так просто. Можно начать с разных мест. Можно начать с чего угодно. Вернее, с любых двух вещей. Например, с нас двоих, сидящих в этой комнате. Всегда есть пара.

— Я знаю, ты веришь, что существует два Бога, — сказал Кефа с некоторым раздражением. — Ты это хотел мне сказать?

— Если угодно. Но я также имею в виду день и ночь, мужчину и женщину, сладкое и кислое, правильное и неправильное.

— Ну и что? — сказал Кефа.

— Я говорю о материи и тени, — сказал Си-

мон. — Я говорю о суше и море, о звуке и тишине, о холоде и жаре. Я говорю о жизни и смерти, о спасении и осуждении на вечные муки. Я говорю о том, что есть, и о том, чего нет.

— Или о парах, — сказал Кефа. — Я понимаю.

— Нет, не понимаешь, так как пар не существует. А есть лишь двойственность в природе. И из этой двойственности возникают все пары противоположностей как отражение друг друга. Помести источник света в комнату с металлическими предметами разной формы, и свет создаст на их поверхности различные рисунки; но на самом деле это всего лишь серия искажений — искажений одного источника света. Дуализм един. Это выражает материя, как только появляется на свет, — иначе не может быть. Это выражает наш ум в каждой рождаемой им мысли — иначе не может быть. Корень мироздания раздвоен.

Кефа медленно крутил в руках кубок с вином.

— Высокопарные разговоры, — сказал он. — Я никогда не понимал философии. Не вижу в ней смысла.

— Слова «добро» и «зло» ничего не значат, — сказал Симон. — Мы употребляем их, когда особым образом осознаем проявление дуализма. С тем же успехом можно было бы использовать

другие слова — «сладкий» и «кислый» или «холодный» и «горячий», — и это было бы правильно. Игра света и тени на поверхности — это все, что стоит за добром и злом. Теперь понятно?

Кефа молчал.

— Я видел это давно, — продолжал Симон. — Я видел свет и тьму. Но не понимал, что это означает. Не прослеживал всех связей до конца. Теперь я должен это сделать. Из-за ума проститутки и искренности мальчика, из-за безумия императора и загадок твоего учителя, которые вы не можете разгадать.

Кефа с удивлением смотрел на него, и его лицо в свете лампы побледнело.

— Надо отдать мне должное, — продолжал Симон, — я многое понял. Я понял, что мир порочен, хотя не понимал почему. Он порочен, так как при сотворении был разделен, разобщен, что и проявляется во всех вещах, которые люди называют злом, хотя прежде все было так тщательно перемешано, что зла не существовало. Также я понял, что Бог, которому вы поклоняетесь, — это враг и что с ним необходимо бороться. Мне казалось, я понимал почему, но это было не так. И я также понял, что мир — ловушка, а ловушек надо избегать. Но я не понял, что бегство от ловушки

— часть самой ловушки. Это я понял не сразу.

Он замолчал, погруженный в свои мысли. Когда Кефа наливал вино, у него слегка дрожали руки.

— Почему, — едва слышно спросил он, — Бог, которому я поклоняюсь, — это враг и с ним нужно бороться?

— Потому, — устало сказал Симон, — что он утверждает, будто он *единственный* Бог. Это основа вашей веры, так? В этом Он непреклонен. Только это ложь, Кефа. Ничего не бывает по одному. Всегда есть что-то второе. Не существует утверждения, в котором не содержалось бы его собственного отрицания. Но вы этого не поняли, и поколение за поколением молились вашему Богу как *Единственному*, пока он не стал жадным и не заявил, что *Другого* нет. И это заблуждение привело к катастрофической потере равновесия в мире, которую можно исправить, только поклоняясь Другому. Именно это я и принялся делать. Я полагал, что спасаю человечество, но я ошибался. Я спасал Бога.

Его слова прозвучали в полнейшей тишине. Был слышен только стук повозки на улице.

— Где, — наконец сказал Кефа, — во всем этом богохульстве и бреде обещанный подарок?

— Ты что, сам не видишь? — спросил Симон. —

Мы с тобой шли разными дорогами, разными и противоположными, но мы оба совершили одну и ту же ошибку. Каждый из нас верил, что он прав, а другой нет. Правда в том, что никто из нас не прав, пока мы считаем, что совершенно правы. Ничего не бывает по одному. Не существует утверждения, в котором бы не содержалось его отрицания. Отрицание всего лишь его собственное отражение.

Кефа закрыл глаза. Казалось, он отчаянно борется с какой-то мыслью.

— Мне кажется, — медленно сказал он, — ты только что сказал, что если утверждение правильно, оно также неправильно.

Симон невесело засмеялся:

— Ты понимаешь меня лучше, чем я думал.

— Что?

— Когда правда произносится вслух, она становится неправдой, — сказал Симон. — Поэтому есть вещи, говорить о которых не следует.

Кефа покрылся смертельной бледностью. Симон удивленно посмотрел на него. Но Кефа ничего не сказал, и он продолжил:

— В чем ошибочен твой путь, и мой тоже? Мы настаивали на единственности. Каждая единичная вещь будет стремиться найти свою тень, свою

вторую половину. А если этому помешать, — Симон остановился, понимая, что подошел к самой сути своих парадоксальных рассуждений, — если этому помешать, случится странное и ужасное. Она не просто создаст свою тень. Она станет ею.

Он не знал, слышит ли его Кефа. Тот смотрел на Симона, как смотрели бы на восставшего из гроба.

— Это случилось со мной, — сказал Симон. — Я пытался уничтожить закон — и обнаружил, что уничтожение закона стало законом, автором которого был я сам. Я учил людей, что они боги и не должны никому поклоняться, — и обнаружил, что мне стали поклоняться как богу. Я проповедовал стремление к свободе — и обнаружил человека, который стремился познать все виды свободы до конца и подчинил самого себя и весь город своим ночным кошмарам. Это случится и с тобой: ты окажешься на том самом месте, с которого полжизни бежал. И ты этого не вынесешь, поскольку веришь, что Бог Один.

Казалось, Кефа пришел в себя от шока, вызванного словами Симона. Он немного ссутулился, упрямо выставив вперед нижнюю челюсть.

— Ты ждешь, что я придам значение всему этому бреду?

— Тогда послушай того, чьи слова ты уважаешь больше, — сказал Симон. — «Первый будет последним. Последний будет первым». «Стремись спасти свою жизнь, и ты ее потеряешь». «Я пришел, чтобы дать зрение слепым и лишить зрения зрячих». — Он улыбнулся Кефе. — Парадоксы. Невозможные афоризмы. Может быть, я слушал лучше, чем ты?

— Ты умный человек, — проворчал Кефа. Он налил себе еще вина и грубо подтолкнул кувшин к Симону. — Такой же умный, как дьявол, твой отец.

— У меня другая родословная, уверяю тебя.

— Как дьявол, ты вьешься ужом, извращаешь правду. И как дьявол, ты падешь.

— Без сомнения, — согласился Симон. — Путь наверх и путь вниз — одно и то же.

Кефа не слушал.

— Как дьявол, ты искушаешь. За этим ты и пришел сюда? Ввести меня в искушение? Сказать мне, что все, что я делал, неправильно. Именно это скрывается за твоими умными речами? В них пустота, и ведут они в пучину безумия. Ты хочешь сказать, что бессмысленно даже пытаться что-то сделать.

— Почти правильно, — сказал Симон, — но не

совсем. Настоящая пучина еще дальше.

Кефа смотрел в изумлении.

— Настоящая пучина, — сказал Симон, — это когда бессмысленно пытаться что-либо сделать, но необходимо. Наши усилия необходимы, хотя бесполезны и не могут ни к чему привести. Это необходимо именно *потому,* что ни к чему не приводит. Все наши усилия будут сведены на нет, но и они сведут что-нибудь на нет. Это будет поддерживать равновесие в мире и послужит гарантией, что еще какое-то время ничего не случится. Потому что, если бы мы перестали действовать, мир перестал бы существовать.

— Ты безумец, — сказал Кефа.

— В любом случае у нас нет выбора, — продолжал Симон, — поскольку, если бы мы перестали действовать, мы бы умерли. — Он улыбнулся. — А тогда, в каком-то смысле, мир действительно перестал бы существовать.

Кефа жадно отпил из кубка. Казалось, он немного успокоился.

— Я вижу, ты пришел не для того, чтобы искушать меня, — сказал он. — Такие доводы никого не смогли бы искусить. Это ведет лишь к полному отчаянию.

— Да, — сказал Симон.

— Как можно в это верить?

Симон молчал. Он встал и запахнул свой плащ.

— Уже поздно, — сказал он. — Нам обоим нужен отдых.

— Симон, ты веришь в то, о чем мне говорил?

— Какая разница, верю я или нет? — устало сказал Симон. — Главное, что я это вижу и что в данный момент это противоположно тому, что видишь ты. И как ты взвалил на себя груз своих убеждений и их неосуществимость, так и я должен нести этот груз на себе. Мы ничего не значим, Кефа, ни ты, ни я: нас просто используют.

Он пошел к двери, потом обернулся.

— Ты не должен винить себя в смерти Иешуа, — сказал он. — Никто из вас не имеет к этому никакого отношения. Так же как и ваше дурацкое объяснение, которое вы всем навязываете. Он должен был умереть — это было неизбежно.

Он вышел на темную улицу, унеся с собой в памяти белое, изумленное лицо Кефы.

— Может быть, он забыл про нас? — с надеждой спросил Марк.

Они ждали в приемной с двенадцати часов дня. Теперь солнце отбрасывало длинные тени на террасу снаружи. Пока они ждали, вошло и вышло не менее пятидесяти просителей, лизоблюдов

и отчаявшихся чиновников — некоторые были допущены к императору, другие получили отказ в аудиенции, остальные ушли восвояси по доброй воле. Кроме Симона, Кефы и Марка остались землевладелец с какой-то туманной жалобой по поводу своих земель, торговец, надеющийся получить монополию, и толстяк, рассказывавший всем о своем генеалогическом древе.

— Нет, — сказал Симон, — он не забыл.

Кефа сидел молча. Он был погружен в свои мысли, возможно молился. А может быть, решил, что ему просто нечего сказать. В этом случае, подумал Симон, он проявил необычную для него прозорливость, так как действительно сказать было нечего.

— Я голоден, — пожаловался Марк.

— Ирония жизни, — заметил Симон, — находиться в компании двух магов, ни один из которых не способен сотворить что-нибудь съестное.

— Я не маг, — сказал Кефа.

— Советую не говорить это императору.

— Я собираюсь как можно меньше разговаривать с императором.

— Я надеюсь, ты не заставишь меня говорить что-нибудь, что ему может не понравиться, — с

беспокойством спросил Марк.

— Если это случится, сделай вид, что тебя душит кашель, — благородно предложил Симон, — а я придумаю, что сказать.

Кефа открыл рот, и Симон ожидал, что последует поток справедливых упреков.

— Что, — спросил Кефа, — «Савл» значит по-гречески?

— Что? — переспросил Симон.

В дверь приемной вошел раб.

— Что «Савл» значит по-гречески?

— Это значит, — сказал Симон — тот, кто…

— Симон Иудей! — выкрикнул раб.

Симон и Кефа одновременно вышли вперед.

— …Хромает, — закончил Симон. Кефа растерялся. Раб удивленно посмотрел на них. Затем указал на Марка:

— Кто это?

— Мой переводчик, — сказал Кефа.

— Что он сказал? — спросил раб.

— Его переводчик, — перевел Симой.

— Это противоречит правилам, — сказал раб. — Пожалуйста, следуйте за мной. Император примет вас в своих личных апартаментах.

Они прошли всю приемную, миновали соседнюю комнату и начали подниматься по широкой

лестнице. Шесть стоявших вдоль лестницы охранников пошли за ними следом.

Это была комната, в которой Симон был раньше: вытянутая и просторная, с большим окном, выходящим на балкон, с которого была видна половина города.

Император откинулся на ложе, чем-то поигрывая.

— А, пришли, — сказал он, когда они приблизились, чтобы поприветствовать его.

Охранники с лязганьем заняли свои места вдоль стен.

— Что ты думаешь о моих стихах? — спросил он Симона.

На нем была пурпурная тога и длинные золотые серьги. И он пытался ощипать живую ласточку.

— Я думаю, когда цезарь освоит гекзаметр, он будет писать вполне приличную эпическую поэзию, — сказал Симон.

Бледные глаза пристально посмотрели на него. Император произвел какой-то звук, похожий на чихание кошки. Он смеялся.

— Очень хорошо, — сказал он. — Мне понравилось. Кто этот человек с тобой? У него что, больше нечего надеть?

— Это религиозный учитель, цезарь, он не

придает значения одежде. Поэтому он может одеваться только определенным образом.

Нерон снова издал звук, похожий на кошачий чих.

— А чему он учит?

— С вашего позволения, цезарь, я попрошу его самого сказать об этом.

Кефа через запинающегося Марка сумел сказать три предложения, когда император перебил его:

— Я не понимаю, о чем он говорит. Это скучно. Покажите мне чудеса магии.

— Как пожелает цезарь.

— Что происходит? — шепотом спросил Кефа.

— Он хочет магии, — шепотом сказал Марк.

— Я не маг, — сердито сказал Кефа.

— Замолчи, — зашипел Симон.

— Не говорите в моем присутствии на этом варварском языке, — сказал император. — Это меня раздражает. — Он отшвырнул ласточку в угол. Позже, когда она затрепыхалась слишком сильно, один из охранников выбросил ее в окно. — Покажи мне какое-нибудь магическое чудо, — сказал император, обращаясь к Кефе. — Может быть, после этого слушать тебя будет интереснее.

Когда Кефе перевели это, он воздел глаза к небу

и стал молиться. Симон размышлял о милости Божества, которое, должно быть, слушало молитвы Кефы с самого рассвета.

Кефа порылся в своем кошельке и что-то оттуда извлек. Сперва Симону показалось, что это сардина. Это была корка хлеба. Кефа осторожно положил ее на маленький бронзовый столик и накрыл ее руками.

Что-то произошло, Симон не успел заметить что. Кефа убрал руки, и на столе лежало двенадцать буханок хлеба.

— Юпитер! — сказал император и сел прямо. — Потрясающе! Он может сделать то же самое с деньгами?

Кефе перевели, и он сказал, что вряд ли.

— Что ты еще можешь? — спросил император у Кефы.

Кефа сказал, что сам он ничего не может: все делает его Бог.

— А что еще может твой бог?

Кефа сказал, что Он всемогущий и может все.

— Вот как? — пробормотал Нерон. Он недружелюбно посмотрел на Симона: — Что ты можешь?

— Я могу рассмешить цезаря, — сказал Симон.

Он наполнил комнату обезьянками. Он держал их на почтительном расстоянии от ложа импе-

ратора. С веселым гомоном они запрыгнули на бронзовый столик и набросились на хлеб. Они стали набивать себе рты и бросаться кусочками хлеба друг в друга. Через несколько минут от дюжины буханок не осталось ни крошки. Цезарь смеялся.

Кефа что-то пробормотал.

Обезьянки исчезли.

— Очень хорошо, — сказал император. — Мне понравилось. Ты должен непременно устроить такое на моей следующей вечеринке. Каждый раз приходится ломать голову, как развлечь людей.

— Цезарь мне льстит, — сказал Симон. Он посмотрел на Кефу. Кефа смотрел с равнодушием.

— Покажи мне еще что-нибудь, — приказал император Кефе.

Кефа попросил разрешения подозвать одного из охранников. На щеке у того красовалась огромная свежая царапина, — должно быть, след от потасовки в караульном помещении. Он чувствовал себя неловко, когда Кефа накрыл царапину ладонью и на несколько секунд застыл.

Кефа убрал руку. На щеке не осталось никакого следа, только кожа немного побелела.

— Не может быть! — сказал император. Он внимательно осмотрел место, где была царапина, и

повернулся к Кефе: — Где ты научился исцелять?

Кефа сказал, что все, что он делает, он делает не сам: все это дело рук его Бога.

— Да будет тебе, возьми часть ответственности на себя, — зло сказал Симон.

— А что еще, — спросил император, обращаясь к Симону, — ты можешь?

— Профилактика лучше, чем лечение, цезарь, — сказал Симон.

Он попросил разрешения позаимствовать кинжал у солдата, которого только что вылечили. Закатал левый рукав, предложил Нерону взять кинжал и попросил воткнуть его в обнаженную руку.

Нерон посмотрел на него внимательно, потом захихикал. Он взял кинжал.

— Я это сделаю, ты знаешь, — сказал он.

— Я знаю, — сказал Симон.

Нерон сделал четыре попытки. Каждый раз вскинутый для удара клинок лишь скользил по поверхности. После четвертой попытки император в раздражении швырнул кинжал на пол. Если бы он не был так нетерпелив, то заметил бы на самом конце клинка кровь.

Симон опустил рукав и посмотрел на Кефу. Кефа спокойно встретил взгляд.

— Не решил, — сказал цезарь, — следует ли тебя держать поблизости, или это опасно.

Симон по-восточному затейливо поклонился. У него болела рука.

— Я преданный слуга цезаря.

— Естественно. Как и все эти. Твой соперник, — он пренебрежительно мотнул головой в сторону Кефы, — может делать более полезные вещи, но ты решительно забавнее.

— Он скажет, цезарь, что он сам ничего не может. Все делает его бог.

— Ах да, его бог. — Он лениво повернулся в сторону Кефы: — Какой он, этот твой бог?

Через Марка Кефа сказал, что это Бог любви.

— А, что-то вроде мужского варианта Афродиты? — захихикал император.

— Нет, — сказал Кефа, — это другая любовь. Как любовь отца к своим детям.

— Мой отец был трясущимся старым дураком, — сказал Нерон. — Покажите мне еще чудеса магии.

— С позволения цезаря, — сказал Симон.

Не было смысла дальше ломать комедию. Он подошел к окну. Перед ним простирался Рим с его садами, фонтанами и черепичными крышами. Над ним бледнело синее небо.

— С позволения цезаря, — сказал Симон, — я исполню для удовольствия цезаря номер, которого никогда прежде не видели в Риме.

— Это забавно?

— Думаю, цезарь сочтет это очень забавным.

— Тогда я позволяю.

Симон посмотрел на Кефу.

— Ты понимаешь? — сказал он.

Кефа был бледен, но глаза его ничего не выражали.

Симон шагнул через окно на балкон. Он взобрался на невысокую балюстраду и постоял там немного, глядя на солнце. День клонился к вечеру. После вечера настанет ночь, а ее сменит день. Солнце было вечным.

Он не почувствовал, когда его ноги оторвались от ограждения, и не видел троих, что стояли на балконе с вытянутыми шеями, сперва позади него, а затем под ним. Он не слышал криков. Он слышал тишину. Ощущал покой движущегося воздуха.

Он почувствовал, что падает, как только это началось. Он падал, раскинув руки и не шевелясь, словно распятый на невидимом стремительно падающем вниз кресте. Во время падения он видел, как солнечный свет отразился от пруда в

дворцовом саду и раскололся на бесчисленное множество крошечных зеркал.

Кефа перестал молиться, когда тело ударилось о землю.

Рядом с ним заливался своим кошачьим смехом император.

— Потрясающе. Я никогда не пойму вашего брата, — сказал он.

Через сто тридцать лет после захвата Иудеи и через четырнадцать лет после назначения Феликса на пост прокуратора в провинции начался открытый мятеж. Последовало четыре года жесточайших сражений. Когда они завершились, святой город лежал в руинах, а Храм был сровнен с землей.

Дух народа сломить не удалось. Волнения продолжались и шестьдесят лет спустя, когда император, пытаясь искоренить веру, причинявшую столько хлопот, запретил обрезание. Это привело ко второму восстанию. Оно было жестоко подавлено, а виновные наказаны, чтобы другим неповадно было. Религиозная столица было выстроена заново как языческий город, а коренным жителям вход туда был запрещен. На месте Храма возвышался языческий алтарь. И город, и провинция были переименованы. С

прошлым было покончено.

Секта, верившая в скорый конец света, была по-своему права. Просто понятие «свет» понималось неверно. Поэтому происшедшее было противоположностью ожидаемого. Разрушена была сама почва, откуда росли корни секты.

Секта была вынуждена переселиться на другую почву или умереть. Она сделала и то и другое. Выживший отросток, по мнению многих, не имел ничего общего с материнским деревом: он был детищем дьявола. Голоса подобных критиков вскоре утихли, а затем забылись. С течением времени ушли в забвение многие враги секты. Иногда не без определенной помощи. Существовало несколько методов, из которых искажение истории было самым мягким и, как показала практика, самым эффективным.

Секта оправдывала свои защитные меры важностью идеи, которую она проповедовала. Она должна выжить, чтобы не умерла эта идея. Когда критики пытались усомниться в самой идее, то как доказательство истинности учения секты приводили ее жизнеспособность. Довод подкупал своей лаконичностью. Если бы вся структура покоилась на мифологизации истории, как это впоследствии и оказалось, секта могла бы с пол-

ным правом заявить, что невозможно знать, что произошло на самом деле, и что любая версия истории — это в любом случае миф.

Почему-то она этого не сделала.